

№ 4 (61)
2022

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь

Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, профессор;

А. М. Баранов,
д-р юрид. наук, профессор;

А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор;

С. С. Безруков,
д-р юрид. наук, доцент;

В. А. Болдырев,
д-р юрид. наук, доцент;

С. И. Давыдов,
д-р юрид. наук, доцент;

В. В. Денисенко,
д-р юрид. наук, профессор;

А. Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;

Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;

В. П. Камышанский,
д-р юрид. наук, профессор;

С. М. Кузнецова,
канд. юрид. наук, доцент;

Ю. И. Кулешов,
д-р юрид. наук, профессор;

В. Н. Лисица,
д-р юрид. наук, доцент;

Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Латыпов В. С. Свидетель в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных зарубежных стран / 5

Абдраязпов Р. Р. Проблемные вопросы реализации части 2 статьи 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / 10

Леонова К. И. Особенности участия педагога и психолога в следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями / 15

Давыдовская М. В. Следственные действия и иные способы собирания доказательств: существенны ли различия? / 19

Уголовное право и криминология.

Уголовно-исполнительное право

Лапин А. А. Криминализация и декриминализация как способы выражения уголовно-правовой политики государства / 25

Лаптев Д. Б., Гордиенко З. А., Федоров А. А. Место системы иных мер уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия / 32

Коренная А. А. Теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за незаконное образование юридического лица и незаконное использование документов для образования юридического лица (статьи 173.1 и 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) / 39

Маркина А. Н. Незаконный отпуск в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества: анализ причин и современное положение / 49

Никитенко И. В., Подгорная Н. В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в уголовном законодательстве некоторых стран Ближневосточного региона и Центральной Азии / 54

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность

Чиненов Е. В. Последующий этап расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, как система действий по закреплению добытых расследованием доказательств и расширению доказательственной базы / 61

Янин С. А. Современные информационные технологии в раскрытии и расследовании преступлений в отношении культурного наследия народов России / 69

И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шмаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухнов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор

Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**

А. В. Ковалев, О. Ф. Вальченко

*Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-77679
от 10 февраля 2020 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 27.12.2022.
Дата выхода в свет 29.12.2022.
Бум. офис. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 14,88.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–50 экз.)
Заказ № 65.
Цена свободная.
Подписной индекс Т6554.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06
© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2022

Жердев П. А., Усенко О. В. К вопросу о преодолении противодействия расследованию компьютерных преступлений / **74**

Янгаева М. О. Особенности расследования преступлений, связанных с использованием криптовалюты / **79**

Архипова Н. А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / **84**

Юрина Ю. И. К вопросу о взаимодействии службы участковых уполномоченных полиции с другими территориальными органами внутренних дел Российской Федерации в ходе раскрытия и расследования преступлений в сфере IT-технологий / **89**

Петрухина Е. А. Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта / **94**

Проурзина О. Ю. Использование информационных систем в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений против несовершеннолетних / **100**

Бондарева А. А. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства / **107**

Иванов П. И. Оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений как неотъемлемая часть оперативно-розыскной профилактики (в порядке постановки проблемы) / **112**

Семенчук В. В., Коробейникова Т. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности для возмещения ущерба, причиненного преступлением / **119**

Информация для авторов / 128

№ 4 (61)
2022

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief

A. V. Ryabtsev,

*kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;*

Deputy Editor-in-Chief

A. N. Deryuga,

Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary

E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:

E. Yu. Antonova,

Doctor of Law, Professor;

A. M. Baranov,

Doctor of Law, Professor;

A. S. Bakhta,

Doctor of Law, Professor;

S. S. Bezrukov,

Doctor of Law, Associate Professor;

V. A. Boldyrev,

Doctor of Law, Associate Professor;

S. I. Davydov,

Doctor of Law, Associate Professor;

V. V. Denisenko,

Doctor of Law, Professor;

L. N. Dreval,

Doctor of Law, Professor;

N. N. Egorov,

Doctor of Law, Professor;

V. P. Kamyshanskii,

Doctor of Law, Professor;

S. M. Kuznetsova,

kandidat nauk, degree in Law,

Associate Professor;

Yu. I. Kuleshov

Doctor of Law, Professor;

V. N. Lisitsa

Doctor of Law, Associate Professor;

N. E. Meretsky,

Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure

Latypov V. S. Witness in the criminal procedure legislation of certain foreign states / 5

Abdrazyapov R. R. Problematic issues of the implementation of part 2 of article 158 of the Criminal procedure code of the Russian Federation / 10

Leonova K. I. Peculiarities of participation of a teacher and psychologist in investigative actions with minor victims and witnesses / 15

Davydovskaya M. V. Investigative actions and other ways of collecting evidence: are there significant differences / 19

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Lapin A. A. Criminalization and decriminalization as ways of expressing the criminal law policy of the state / 25

Laptev D. V., Gordienko Z. A., Fedorov A. A. The place of the system of other measures of a criminal law nature in the structure of criminal law / 32

Korennaya A. A. Theoretical and practical problems of criminal liability for illegal formation of a legal entity and illegal use of documents for the formation of a legal entity (articles 173.1 and 173.2 of the Criminal code of the Russian Federation) / 39

Markina A. N. Illegal release of medicines containing potent substances in pharmacy organizations: analysis of the causes and current situation / 49

Nikitenko I. V., Podgornaya N. V. Crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual in the criminal legislation of some countries of the Middle East region and Central Asia / 54

Criminalistics. Forensic expertise activity.

Operative search activity

Chinenov E. V. The subsequent stage of the investigation of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities, as a system of actions to consolidate the evidence obtained by the investigation and expand the evidence base / 61

Yanin S. A. Modern information technologies in the discovery and investigation of crimes in regard to the cultural heritage of the people of Russia / 69

Zherdev P. A., Usenko O. V. On the question of overcoming obstacle to investigation of computer crimes / 74

Yangaeva M. O. Features of the investigation of crimes related to the use of cryptocurrencies / 79

Arkipova N. A. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices in the investigation of theft committed using information and telecommunication technologies / 84

I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor;
V. N. Shmakov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev, O. F. Valchenko

*The edition is registered
in the Federal Service for
communication, informational
technologies and media control:
Registration certificate
ПИ № ФС77-77679
of February, 10, 2020.*

The opinions of the authors may
not always coincide with
the editorial board's point of view.
Manuscripts are not returned.

Signed for press on 27.12.2022.
Issue: 29.12.2022.
Format 60×84 ¹/₈. Size 14,88 printer.
sheets. Circulation 300 copies.
(1–50 copies).
Order № 65. Free price.
Subscription index T6554.

Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, 2022.

Yurina Yu. I. On the of the interaction of district police commissioners with the territorial bodies of internal affairs of the Russian Federation during the disclosure and investigation of crimes in the field of it technologies / **89**

Petrukhina E. A. Criminalistic classification of crimes committed in passenger rolling stock of railway transport / **94**

Prouzina O. Yu. The use of information systems in the detection, investigation and prevention of crimes against minors / **100**

Bondareva A. A. On the issue of criminalistic characteristics of crimes in the field of violation of migration legislation / **107**

Ivanov P. I. Operational-investigative victimological crime prevention as an integral part of operational investigative prevention (in the order of the problem statement) / **112**

Semenchuk V. V., Korobeinikova T. S. Using the results of operative-investigative activity for the compensation of the damage caused by a crime / **119**

Information for authors / 128

УДК 343.1

СВИДЕТЕЛЬ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Вадим Сагитьянович Латыпов, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, Уфимский юридический институт МВД России, Уфа

Vadi-latypov@yandex.ru

Аннотация

Автором проведен сравнительно-правовой анализ процессуального статуса свидетеля в уголовном процессе отдельных зарубежных государств. Анализу подверглись нормы, регулирующие процессуальный статус свидетеля в уголовно-процессуальных кодексах Азербайджанской Республики, Монголии, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Кыргызской Республики. Анализ выявленных в ходе исследования расхождений в юридической конструкции одноименных норм позволил автору сформулировать предложения по внесению соответствующих изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: свидетель, уголовный процесс, процессуальный статус, уголовно-процессуальное законодательство

WITNESS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF CERTAIN FOREIGN STATES

Vadim S. Latypov, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa

Abstract

The author conducted a comparative legal analysis of the procedural status of a witness in the criminal proceedings of certain foreign states. The norms regulating the procedural status of a witness in the criminal procedure codes of the Republic of Azerbaijan, Mongolia, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus, and the Kyrgyz Republic were analyzed. As a result, the discrepancies identified in the course of the study in the legal construction of the norms of the same name are analyzed, this allowed the author to formulate proposals for making appropriate changes to the current criminal procedure legislation of the Russian Federation.

Keywords: witness, criminal procedure, procedural status, criminal procedure legislation

Ключевыми участниками уголовного судопроизводства любой модели уголовного процесса принято считать лиц, совершивших преступление, потерпевших и тех, кто осуществляет уголовное преследование. И это верно, поскольку без лица, совершившего преступление, не может быть реализовано уголовное судопроизводство, противоправное деяние наносит ущерб, что позволяет выделить потерпевшее лицо (физическое или юридическое), а применение норм уголовно-процессуального законодательства и осуществление уголовного преследования допустимо должностными лицами государственных органов (в зависимости от модели уголовного процесса отдельных стран).

Вместе с тем следует также подчеркнуть пусть и не ключевую, но все же решающую роль в достижении назначения уголовного судопроизводства такого участника процесса, как свидетеля. Исторически сложилось так, что свидетелю как самостоятельному участнику уголовного судопроизводства уделялось достаточно пристальное внимание. Еще в «Русской Правде» существовала классификация свидетелей на «видоков» и «послухов», без привлечения которых не обходился практически ни один правовой спор.

Свидетельские показания в советский период развития нашего государства позволяли правоприменителям установить «объективную истину» по каждому уголовному делу. Как отмечает В. И. Смыслов, установить объективную истину по уголовному делу – это значит «восстановить картину того, что имело место в действительности, познать, выявить, доказать те факты и обстоятельства, которые стали предметом исследования, дать им правильную общественно-политическую и правовую оценку» [1, с. 5]. Мы не беремся за анализ идеологии «объективной истины» в современном уголовном процессе, поскольку это не входит в предмет настоящего исследования. Отметим лишь тот факт, что в доктрине советского уголовного процесса и законодательстве она берет свое начало после известных событий начала 20-х гг. XIX в. и связана с «внедрением в гуманитарные науки идеологии диалектического материализма» [2, с. 105]. Однако, несмотря на повсеместное распространение указанной идеологии, непосредственного закрепления в уголовно-процессуальных нормативных актах она не нашла, но косвенно отразилась в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., закреплявшей необходимость производства должностными лицами, государственными органами, осуществляющими уголовное преследование, а также судом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Нередко установить объективную истину позволяют исключительно показания непосредственных очевидцев совершенного преступления – свидетелей.

Свидетельские показания являются самостоятельным видом доказательств и в современном уголовном процессе Российской Федерации (п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). При этом статус свидетеля лицо приобретает непосредственно после приглашения его в качестве такого для дачи показания надлежащим должностным лицом, независимо от того, известно ему или нет интересующее следствие или суд обстоятельство. Отказаться от дачи показаний свидетель не имеет права под страхом уголовной ответственности, он несет уголовную ответственность и за дачу ложных показаний, и за разглашение данных предварительного расследования (ч. 8, 9 ст. 56 УПК РФ).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России достаточно детализировало процессуальный статус свидетеля. Вместе с тем отдельные вопросы реализации данного процессуального статуса, его совершенствование становились предметом самостоятельных научных исследований, например: О. А. Мернова «Теоретические и практические аспекты реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве в отношении потерпевших и свидетелей» (М., 2013); Н. Ю. Волосова «Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика» (М., 2015); А. А. Резяпов «Применение уголовно-процессуального принуждения в отношении свидетелей при производстве по уголовным делам» (Екатеринбург, 2016);

Е. И. Свечникова «Обеспечение безопасности свидетелей: уголовно-процессуальный аспект» (Самара, 2021) и др. Даже краткий их анализ позволяет установить наличие существующих в действующем уголовно-процессуальном законодательстве пробелов, которые требуют дополнительных исследований и нуждаются в законотворческом разрешении.

Для формирования необходимого теоретического наполнения требуется исследование как российского, так и зарубежного уголовно-процессуального законодательства. Учитывая, что недостатка в анализе российского уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок вовлечения и участия свидетеля как самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений нет, предлагаем рассмотреть процессуальный статус свидетеля в уголовно-процессуальных моделях отдельных зарубежных стран. Ранее нами уже проводилась аналогичная работа в отношении института иных участников уголовного судопроизводства [3].

Для системности изложения материала анализ будет осуществлен по нескольким основным вопросам, касающимся исследуемого уголовно-процессуального института: 1) понятие свидетеля; 2) права и обязанности свидетелей; 3) перечень лиц, которые не могут быть вызваны и допрошены в качестве свидетелей.

Итак, свидетель как самостоятельный участник уголовного судопроизводства встречается практически во всех известных нам уголовно-процессуальных моделях, однако зарубежный законодатель не всегда одинаково подходит к определению его понятия. Например, в Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджанской Республики (далее – УПК АР) под свидетелем понимается *«лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела, и которое может быть вызвано и допрошено в качестве свидетеля стороной обвинения во время предварительного расследования или судебного разбирательства, а стороной защиты – во время судебного разбирательства»* (ст. 95).

В приведенном определении обращает на себя внимание то, что законодатель предусматривает наличие факта известности лицу обстоятельств, имеющих значение для дела. Представленный подход прослеживается также и в Уголовно-процессуальном кодексе Монголии (ст. 9.1).

В отечественной же норме, регулирующей процессуальный статус свидетеля, отражена лишь вероятность известности свидетелю данных обстоятельств (ст. 56 УПК РФ). Аналогичная позиция прослеживается также в казахстанской и белорусской моделях уголовного процесса (ст. 78 УПК Республики Казахстан, ст. 60 УПК Республики Беларусь).

В ходе производства по уголовному делу должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, не может быть уверено в наличии сведений, имеющих значение для уголовного дела, у лица, приглашенного в качестве свидетеля. В связи с этим считаем определение свидетеля, отраженное в нормах российского, казахстанского, белорусского процессуального законодательства более удачным. Но, полагаем, что оно уступает по своему логическому изложению и юридической конструкции определению свидетеля, представленного в процессуальном законодательстве Кыргызской Республики, согласно которому свидетель – это *«лицо, вызванное для дачи показаний об известных ему обстоятельствах по уголовному делу или делу о проступке»* (ст. 58 УПК Кыргызской Республики).

Рассматривая второй вопрос, следует отметить, что, согласно нормам анализируемого зарубежного законодательства, процессуальный статус свидетеля включает в себя совокупность прав, обязанностей и ответственности. Схожие права, обязанности и ответственность свидетеля перечислены в ст. 56 УПК РФ. Отметим лишь те, которые не встречаются в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Так, например, в УПК АР свидетель вправе лично записывать свои показания во время досудебного производства по уголовному процессу, а также получать возмещение расходов, понесенных им во время уголовного процесса, и компенсацию за ущерб, понесенный от незаконных действий органа, осуществляющего

уголовный процесс (ч. 95.6.7). В российской норме, регулирующей процессуальный статус свидетеля, таких прав не предусмотрено. Право собственноручной фиксации показаний свидетеля законодательно закреплено также в УПК Республики Казахстан (п. 5 ч. 3 ст. 78), УПК Республики Беларусь (п. 3 ч. 3 ст. 60), УПК Кыргызской Республики (п. 3 ч. 6 ст. 58).

Среди обязанностей свидетеля в азербайджанском УПК закреплена обязанность «не выезжать на другую территорию без разрешения суда или без предварительного предупреждения органа, осуществляющего уголовное преследование, о месте своего нахождения» (ч. 95.4.7). Такой обязанности свидетеля в российском УПК не прописано. Кроме того, следует отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве названных стран предусмотрена обязанность свидетеля *«правдиво сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы»* (п. 2 ч. 4 ст. 78 УПК РК, п. 2 ч. 4 ст. 60 УПК РБ, п. 2 ч. 7 ст. 58 УПК КР).

С положительной стороны следует отметить указанную в азербайджанском УПК обязанность свидетеля *«выполнять иные предусмотренные настоящим Кодексом обязанности»* (ч. 95.4.10). Прогрессивность названной нормы заключается в том, что в рамках одной статьи законодатель по объективным причинам не имеет возможности изложить все обязанности участника уголовного судопроизводства, и наличие такого упоминания позволяет как правоприменителям, так и самим свидетелям ответственно относиться к приобретенному процессуальному статусу.

При сравнении норм отечественного и зарубежного уголовно-процессуального законодательства, раскрывающих статус свидетеля, обращает на себя внимание юридическая конструкция ст. 56 УПК РФ, в которой российский законодатель, перечисляя обязанности свидетеля, использует словосочетание *«свидетель не вправе»*.

Переходя к анализу перечня лиц, которые не могут быть вызваны и допрошены в качестве свидетелей, отметим, что в российском уголовном процессе их перечень никогда не был статичным. Так, в апреле 2020 г. этот перечень дополнен уполномоченным по правам человека в Российской Федерации (уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации).

В рамках настоящего исследования обозначим лишь тех лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, которые не названы в УПК РФ, но перечислены в рассматриваемом нами зарубежном законодательстве.

Так, в кыргызской модели уголовного процесса не подлежат допросу в качестве свидетеля *«представители потерпевшего»* (п. 3 ч. 4 ст. 58 УПК), *«помощник адвоката»* (п. 4 ч. 4 ст. 58 УПК), *«лицо, которое из-за психических или физических недостатков неспособно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания»* (п. 5 ч. 4 ст. 58 УПК), *«медиатор»* (п. 7 ч. 4 ст. 58 УПК). Каждое из представленных лиц, может обладать иммунитетом и в российском уголовном процессе в виду наличия объективных обстоятельств, обладания сведениями, ставшими известными им в силу исполнения своих профессиональных обязанностей, за исключением медиатора, поскольку институт медиации в настоящее время не применяется в российском уголовном процессе. Медиатор в качестве лица, обладающего свидетельским иммунитетом, закреплен также в УПК РК. Отдельные модели уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран учитывают наличие у лица психических и физических отклонений, а также недостижение надлежащего возраста для дачи свидетельских показаний. Так, например, в УПК РК в качестве такого названо *«лицо, которое в силу своего малолетнего возраста либо психических или физических недостатков неспособно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания»*. Аналогичное ограничение предусмотрено и в УПК АР: *«лица, которые по малолетству либо в силу физических или психических недостатков не могут правильно воспринимать и излагать подлежащие расследованию обстоятельства»*. Относительно возраста для дачи свидетельских показаний российский законодатель не указывает нижнюю

возрастную границу. Правда, в законе на этот счет прописано, что следственные действия с лицом, не достигшим возраста 7 лет, не могут продолжаться без перерыва более 30 минут (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Проведенное исследование уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран, регламентирующих процессуальный статус свидетеля, позволили выявить наличие отличий от соответствующих норм российского уголовно-процессуального законодательства.

В качестве вывода предлагаем имплементировать выявленные в ходе исследования законодательства некоторых зарубежных стран отдельные юридические конструкции, регулирующие процессуальный статус свидетеля, в современное уголовно-процессуальное законодательство России. При этом считаем допустимым внесение следующих изменений в ст. 56 УПК Российской Федерации:

1. Дополнить часть 3 пунктом 9 следующего содержания: *«лицо, которое в силу своих психических или физических недостатков неспособно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания»*.

2. Дополнить часть 4 пунктом 8 следующего содержания: *«лично записывать свои показания во время производства следственных действий»*.

3. Дополнить часть 4 пунктом 9 следующего содержания: *«получать возмещение расходов, понесенных им во время уголовного процесса, и компенсацию за ущерб, понесенный от незаконных действий органа, осуществляющего уголовный процесс»*.

4. Переформулировать часть 6 под юридическую конструкцию, предусматривающую обязанности свидетеля, отказаться от словосочетания «не вправе».

Перечисленные изменения и дополнения действующего УПК РФ должным образом, на наш взгляд, скажутся на правовом регулировании уголовно-процессуального статуса свидетеля и придадут необходимый импульс развитию института содействия правосудию в целом.

Литература

1. Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1973. – 160 с.
2. Конев А. Н. Идеология «объективной истины» в отечественном уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 105–110.
3. Латыпов В. С. Анализ института иных субъектов (участников) уголовно-процессуальной деятельности в законодательстве различных правовых систем: монография. М.: Перо, 2012. – 35 с.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 158 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ранис Ришатович Абдраязпов, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, Уфимский юридический институт МВД России, Уфа
ranis_a2009@mail.ru

Аннотация

В статье автором рассматриваются вопросы организации работы органов внутренних дел по установлению обстоятельств, способствующих совершению преступлений и их профилактике, повышения качества и эффективности выносимых следователями и дознавателями представлений. Раскрываются вопросы методического обеспечения деятельности органов предварительного расследования при подготовке представления по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, а также организационные вопросы направления указанных представлений в органы власти и местного самоуправления, предприятиям, учреждениям и т. д., а также контроля за их исполнением. Автором сделан вывод о необходимости организации контроля за своевременностью получения ответов на внесенные следователями (дознателями) представления в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, в том числе путем совершенствования нормативно-правовых норм, регулирующих указанные отношения.

Ключевые слова: следствие, дознание, профилактика и предупреждение преступлений, представление

PROBLEMATIC ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF PART 2 OF ARTICLE 158 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ranis R. Abdrazyapov, *kandidat nauk*, degree in Law, deputy head of the department of criminal procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa

Annotation

In the article, the author examines the issues of organizing the work of internal affairs bodies to establish the circumstances contributing to the commission of crimes and their prevention, improving the quality and effectiveness of the submissions made by investigators and interrogators. The issues of methodological support for the activities of the preliminary investigation bodies in the preparation of a submission to eliminate the circumstances contributing to the commission of crimes, as well as organizational issues of sending these submissions to authorities and local governments, enterprises, institutions, etc., as well as monitoring their execution are considered. The author concludes that it is necessary to organize control over the timeliness of receiving responses to the submissions made by investigators (inquirers) in accordance with Part 2 of Article 158 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, including by improving the legal norms governing these relations.

Keywords: investigation, inquiry, prevention and prevention of crimes, representation

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, развитие

единой государственной системы профилактики преступности, снижение уровня криминализации общественных отношений является одной из задач, на решение которой направлена государственная политика в целях обеспечения государственной и общественной безопасности.

Правовое регулирование общественных отношений, возникающих в связи с деятельностью следователей и дознавателей по профилактике правонарушений, осуществляется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, которым в соответствии со ст. 73 на следователей и дознавателей возложена обязанность выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений. Основным процессуальным документом, содержащим выводы о данных обстоятельствах и мерах по их устранению, является представление, составленное в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

Одним из основных направлений профилактики правонарушений является их предупреждение [1].

Качественно проводимая профилактическая работа ведет к снижению количества совершаемых преступлений. **Вместе с тем**, современное состояние преступности требует принятия комплексных мер по ее предупреждению и пересмотра подхода к профилактической деятельности.

В настоящее время следователями и дознавателями вносятся представления практически по всем уголовным делам, в том числе приостановленным. Расследуя совершенное преступление, следователь устанавливает способ его совершения, что позволяет ему выявить обстоятельства, которые способствовали совершению данного преступления. Однако часто большинство следователей и дознавателей к подготовке представления подходят весьма формально, указывая в представлениях лишь информацию о совершенном преступлении, без анализа причин и условий, способствующих совершению преступления, и без конкретных рекомендаций по их устранению. Подобная организация работы, без тщательного анализа причин и условий, способствующих совершению преступлений, не дает должного эффекта. Вместе с тем причины совершения преступлений во многом одни и те же: нарушение требований законодательства по отдельным направлениям деятельности; недостаточный контроль со стороны руководства предприятий; ненадлежащая организация охраны и т. д. [2].

В связи с этим считаем, что следователей необходимо обеспечить методическими материалами по выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступления, и подготовке представлений. Это особенно актуально по новым видам и способам совершения преступлений, в том числе с использованием информационных технологий, позволяющим совершать преступления дистанционным способом.

Так, например, ГСУ МВД по Республике Башкортостан подготовлена и направлена в подчиненные территориальные подразделения памятка по организации профилактической работы следователей. В данной памятке подробно расписан механизм подготовки представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, отражены сведения, требующие указания в описательно-мотивировочной и резолютивной частях, а также типичные ошибки, допускаемые следователями при составлении представления. Кроме того, памятка содержит сведения о порядке направления представления, контроля за его исполнением и мер реагирования в случае не рассмотрения направленного представления в установленный срок. Более того, в памятке представлены рекомендации по осуществлению профилактической деятельности по отдельным видам преступлений, таким как хищения имущества путем присвоения, растраты или использования служебного положения; хищения наркотических или сильнодействующих средств, оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ; преступления, совершенные несовершеннолетними, иностранными гражданами либо в отношении этих лиц; нарушения правил пожарной безопасности, правил дорожного движения и т. д. Также памятка содержит рекомендации по осуществлению профилактической деятельности при производстве следственных действий.

Полагаем, подобный подход к организации работы по профилактике преступлений правильным и обоснованным.

Также в настоящее время представляет большой интерес в работе по предупреждению преступлений такая форма профилактики, как внесение обобщенных представлений. Данный вид представлений основан на изучении практики расследования отдельных видов преступлений за какой-либо период либо совершенных на определенном предприятии, в учреждении, местности и т. д. При внесении таких представлений проводится комплексный анализ криминогенной обстановки, складывающейся на территории обслуживания, а также нарушений закона, которые способствовали совершению преступлений. Обобщенное представление вносится, как правило, за определенный период. Кроме того, в его анализ закладываются не только уголовные дела, находящиеся на досудебной стадии, но и дела, производство по которым приостановлено по различным основаниям, предусмотренным УПК РФ, а также производство по которым окончено направлением в суд. При этом порядок подготовки и внесения обобщенных представлений требует более углубленного изучения специфики совершения определенной группы однородных преступлений, поскольку данная форма организации профилактической работы основана на системном анализе обстоятельств, способствовавших совершению отдельных видов преступлений, либо причин криминогенной обстановки на отдельно взятой территории обслуживания и представляется наиболее эффективной для организации надлежащего взаимодействия органов предварительного расследования со службами и подразделениями территориальных органов МВД России, а также предприятиями, учреждениями, организациями, органами власти и местного самоуправления по вопросам профилактики на обслуживаемой территории.

Представляется, что данную работу целесообразно организовывать на уровне центральных аппаратов органов предварительного следствия, управления органов дознания и штабов органов внутренних дел по субъектам Российской Федерации.

Также в последние годы отмечается значительный рост криминальной активности, связанной с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Статистические данные свидетельствуют о негативных тенденциях в указанной сфере. В числе зарегистрированных преступлений удельный вес преступлений в сфере информационных технологий систематически увеличивается и по итогам первого полугодия 2022 г. составил 24,8 %. Раскрываемость таких преступлений по-прежнему невысока и по итогам 2020 г. составила 20 % (2019 г. – 24 %). Больше половины таких преступлений (53,0 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (131,9 тыс.; –14,8 %), почти три четверти (73,3 %) совершается с использованием сети «Интернет» (182,5 тыс.; –0,1 %), более трети (38,2 %) – с использованием средств мобильной связи (95,1 тыс.; –12,7 %). Почти три четверти таких преступлений (70,2 %) совершается путем кражи или мошенничества: 174,8 тыс. (–13,7 %), каждое восьмое (12,4 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 30,8 тыс. (+2,2 %)*.

Вместе с тем, планомерная и действенная работа по предупреждению преступности, совершаемой подобным образом, фактически не проводится. Представляется необходимым принять должные меры в отношении финансовых организаций, операторов связи, интернет-провайдеров, администраторов социальных сетей и сайтов внести представления о неисполнении федерального законодательства в контрольные (надзорные) органы, в том числе обобщенные представления.

Также считаем необходимым активнее использовать положения административного законодательства Российской Федерации в части привлечения к ответственности операторов связи, руководителей кредитных организаций и иных субъектов, в чей адрес был направлен запрос на предоставление информации либо представление об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

* URL: <http://www.mvd.pf> (дата обращения: 02.09.2022).

Для улучшения оперативной обстановки по линии противодействия данным видам преступлений необходимо создание автоматизированной системы установления личности в информационно-телекоммуникационном пространстве, в том числе деанонимизации информационно-телекоммуникационного пространства, блокирования звонков с подменой номеров, стыков от зарубежных коммутаторов и др. Для реализации подобных инициатив необходимо изменение соответствующей нормативной и технологической базы.

Развитие дистанционных платежных сервисов и совершенствование платежных систем на основе современных технологий способствует доступности банковских услуг и расширению сферы безналичных расчетов, вследствие чего все более широкое распространение получают факты хищения денежных средств банков и их клиентов, в том числе работниками кредитных организаций либо при активном участии последних.

Однако, помимо установления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, подготовки и направления представления об их устранении, необходимо обеспечить надлежащее исполнение указанных в представлении мероприятий.

Между тем во многих следственных подразделениях отсутствует налаженная система контроля за своевременностью реагирования на представления и за качеством принятых мер, что также не способствует эффективности данной работы. У следователя (дознателя) после внесения представления фактически отсутствует возможность и заинтересованность в отслеживании конечного результата по нему ввиду значительной загруженности по иным уголовным делам.

В связи с этим представляет интерес подход к организации контроля за получением ответов на запросы в УМВД России по Оренбургской области, где введен в опытную эксплуатацию информационный ресурс «Запросы ИТТ» [3], задачей которого является обеспечение подготовки необходимых запросов, отражение их направления в конкретную организацию, а также информирование сотрудников о неполучении ответов в установленный законом срок.

Указанный сервис имеет техническую возможность подсчета количества запросов и ответов на них с разбивкой своевременности (несвоевременности) исполнения их поступления, которая может использоваться как следователями, так и сотрудниками оперативных подразделений, в том числе их руководителями, при проведении анализа результатов полученных ответов из указанных организаций, услугами которых пользовались преступники, и контроля за их исполнением.

Также имеется опыт некоторых территориальных органов МВД России по передаче следователями и дознавателями организации контроля за устранением недостатков по предупреждению преступлений руководству территориального ОВД, которым, в свою очередь, данная работа поручается участковым уполномоченным полиции. Последними, в случае неисполнения предписаний следователя, виновные лица привлекаются к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Такая практика особенно актуальна в случаях принятия соответствующих мер, носящих длящийся характер.

Например, в ответе ГКУ Тюменской области «Управление автомобильных дорог» о рассмотрении представления начальника ССО по расследованию ДТП СУ УМВД России по Тюменской области указано, что в связи со сложной экономической ситуацией вопрос разработки проектной документации и выполнение строительно-монтажных работ на аварийном участке дороги «Тюмень – Нижняя Тавда 6-19 км» будет рассмотрен при формировании планов на 2022 год и последующие годы с учетом изменения прогнозных параметров доходной части бюджета Тюменской области и приоритетности объектов, входящих в программу устройства освещения автомобильных дорог, мостов и путепроводов на автомобильных дорогах регионального и муниципального значения Тюменской области.

Таким образом, изложенные обстоятельства указывают на необходимость организации контроля за своевременностью получения ответов на внесенные следователями (дознавателями) представления в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, в том числе с использованием сервисов ИСОД МВД России в целях автоматизации процессов учета таких представлений с возможностью контроля за сроками поступления ответов и формирования необходимых отчетных форм.

Считаем возможным дополнить ст. 158 УПК РФ частью 3, предусматривающей возложение контроля за исполнением внесенных следователями (дознавателями) представлений по уголовным делам на орган дознания. Также подлежит регламентации механизм контроля за полнотой и качеством устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в соответствующем нормативно-правовом акте МВД России по вопросам организации деятельности по предупреждению преступлений.

Кроме того, в целях повышения эффективности профилактической работы следователей и дознавателей представляется целесообразным систематически проводить анализ криминогенной обстановки с оценкой эффективности работы по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и принятых мер по их устранению. Также организовать работу по внесению обобщенных представлений в органы власти, местного самоуправления и т. д., инициировать рассмотрение проблемных вопросов предупреждения преступлений на заседаниях оперативных штабов территориальных органов МВД России на региональном уровне по профилактике правонарушений.

Литература

1. Курилов С. И. Роль и место подразделений дознания и следствия МВД России в профилактической деятельности // Академическая мысль. 2022. № 1 (18). С. 67–72.
2. Лукьянчикова В. В. [и др.]. Проблемные аспекты реализации мер профилактики преступлений со стороны органов предварительного расследования в рамках уголовного судопроизводства // Современный ученый. 2022. № 2. С. 236–240.
3. Мельникова О. А. Внесение представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, как вид профилактической деятельности следователя на стадии предварительного расследования (постановка проблем) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1 (59). С. 78–84.

УДК 343.132

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПОТЕРПЕВШИМИ И СВИДЕТЕЛЯМИ

Кристина Игоревна Леонова, преподаватель кафедры уголовного процесса, Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург

156815916@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена ключевым моментам производства следственных действий с несовершеннолетними потерпевшим и свидетелем, в которых существенную роль играют педагог и психолог. Исследуются позиции ученых–процессуалистов по закреплению процессуального статуса педагога и психолога при участии в следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшим и свидетелем с выражением авторской точки зрения по данному вопросу. Обозначается сложность производства следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. В целях совершенствования процессуального статуса педагога как участника следственных действий с несовершеннолетними потерпевшим и свидетелем предлагается закрепить его права в уголовно-процессуальном законе.

Ключевые слова: несовершеннолетние потерпевший и свидетель, педагог, психолог, следственные действия, допрос

PECULIARITIES OF PARTICIPATION OF A TEACHER AND PSYCHOLOGIST IN INVESTIGATIVE ACTIONS WITH MINOR VICTIMS AND WITNESSES

Kristina I. Leonova, lecturer at the Department of Criminal Procedure, Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Ekaterinburg

Abstract

The article is devoted to key moments of production of investigatory actions with an underage victim and the witness, in which the essential role is played by the teacher and the psychologist; positions of scientists-processualists on fixation of the procedural status of the teacher and the psychologist at participation in investigatory actions with an underage victim and the witness with expression of the point of view concerning this question are investigated; it is proposed to improve the procedural status of the teacher from the point of view of fixing his rights when participating in investigative actions with minor victims and witnesses.

Keywords: minor victim and witness, teacher, psychologist, investigative actions, interrogation

Процесс развития уголовно-процессуального законодательства не стоит на месте и постоянно движется вперед, предлагая все новые пути и решения имеющихся законодательных и практических проблем, обосновывая выдвинутые предложения по внесению дополнений или изменений нормативных правовых актов, с одной стороны, гуманизацией, а с другой – ужесточением действующих способов и механизмов расследования уголовных дел.

Расследование уголовного дела – сложный и многоаспектный процесс, который требует владения знаниями не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и иных отраслей права, а также знаниями психологии.

Расследование уголовного дела нельзя представить без сбора информации, имеющей доказательственное значение, без производства оперативно-розыскных мероприятий, без процессуальных действий и главным образом без производства комплекса следственных действий. Вопросы и проблемные аспекты, связанные с производством следственных действий, всегда имеют особую остроту и актуальность [1]. Общий порядок почти каждого следственного действия, его основания и возможность производства определяется гл. 24–27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Такие участники уголовного судопроизводства, как несовершеннолетние, особо выделяются из общего круга участников в силу своего возраста, развития, образования и т. п. Расследование уголовных дел, в которых участниками производства являются несовершеннолетние, представляет еще большую сложность, так как требуется соблюдение определенных правил и гарантий, касающихся несовершеннолетних, со стороны органа расследования.

Уголовно-процессуальный закон четко не устанавливает минимальный возраст лица, с которого тот вправе участвовать в производстве по уголовному делу в качестве потерпевшего или свидетеля. Подразумевается, что когда лицу, вне зависимости от возраста, становятся известны какие-либо факты о совершенном преступлении, имеющие существенное значение для уголовного дела, то следователь (дознатель) вправе провести необходимые следственные действия с несовершеннолетним потерпевшим, свидетелем, если по внутреннему его убеждению доказательства, полученные в ходе производства следственного действия, будут соответствовать правилам оценки доказательств.

Упоминание о возрасте имеется только тогда, когда несовершеннолетний участвует в процессе расследования по уголовному делу в качестве подозреваемого (обвиняемого). Здесь участие несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве связано с возрастом, с которого наступает уголовная ответственность за совершенное преступное деяние.

Соответственно, уголовно-процессуальная регламентация возраста несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля сводится лишь к обозначению отдельных возрастных категорий в определенных нормах УПК РФ. Самой ключевой из таких норм является статья 191 УПК РФ, в которой регламентируются особенности производства таких следственных действий, как допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, опознание, очная ставка, проверка показаний на месте.

Определенную сложность расследования уголовных дел, где потерпевший или свидетель – несовершеннолетний, является то, что одним из основных источников получения информации о событиях преступления являются его показания. В свою очередь, получение таких показаний должно исключать нанесение любого вида вреда для несовершеннолетнего. Это возможно тогда, когда следователь (дознатель) не только обладает знаниями уголовно-процессуального законодательства, приемами тактики и методики расследования, но также и знаниями и навыками в области детской психологии.

Отметим, что четкого определения возраста, с которого несовершеннолетние потерпевший и свидетель участвуют в следственных действиях, не установлено уголовно-процессуальным законодательством. Минимальный возрастной ценз, установленный УПК РФ для производства с несовершеннолетними следственных действий, также отсутствует. Данное обстоятельство обуславливает появление проблем при проведении следственных действий с несовершеннолетним. Например, в случае необходимости проведения такого следственного действия, как очная ставка между признанным потерпевшим по уголовному делу 6-летним ребенком и лицом, причинившим ему вред, малолетнему придется снова испытать отрицательные эмоции, общаясь в кабинете следователя (дознателя) лицом к лицу с преступником. В связи с этим мы согласны с мнением авторов, которые указывают на нежелательность производства очной ставки с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего.

В качестве альтернативы предлагается постановка «перед несовершеннолетним вопросом, сформулированных стороной защиты, без непосредственного контакта участников процесса между собой» [2, с. 47].

Также, если рассматривать такое следственное действие, как проверка показаний на месте с участием малолетнего, то очевидно, что ребенку необходимо снова пережить произошедшее с ним негативное событие и вспомнить момент причинения ему вреда. Аналогично можно представить данное следственное действие, проводимое с несовершеннолетним свидетелем, когда он выстраивает свои показания, возвращаясь к тому времени и вспоминая об обстоятельствах совершенного преступления, очевидцем которого он является.

Вместе с тем ряд ученых-процессуалистов указывают на то, что возраст несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля не играет роли при даче им показаний, главное – его личные качества [3; 4].

В процессе получения правдивых и достаточных показаний от несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля ключевую роль играют такие участники, как педагог и психолог. Чтобы этот процесс был эффективным, педагог и психолог должны быть высококвалифицированными специалистами в своих областях. Вопрос о квалификации ставится при каждом участии педагога или психолога в производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетних.

Проблемам участия указанных лиц в производстве следственных действий с несовершеннолетними потерпевшим и свидетелем уделяется большое внимание ученых-процессуалистов. Некоторые авторы справедливо приходят к выводу о необходимости процессуального закрепления статуса таких участников следственных действий с несовершеннолетним и отнесения их к одной из групп участников уголовного судопроизводства.

Так, по мнению Е. В. Марковичевой, «корректировке правил допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля должна была предшествовать четкая законодательная позиция по вопросу процессуального статуса психолога, его процессуальных прав и обязанностей и требований, предъявляемых к нему... Определенным шагом на пути решения данной проблемы могло бы стать отнесение психолога к специалисту с последующей корректировкой норм, содержащихся в ст. 58 УПК РФ» [5, с. 145].

Но есть и другая позиция по этому вопросу. Например, А. Н. Бычков считает, что «педагог» и «психолог» не являются тождественными понятиями. Несмотря на то, что педагог и психолог обладают специальными знаниями, они не должны рассматриваться как специалисты, т. к. цель их участия в уголовном судопроизводстве различная. Для проведения следственных действий целесообразно приглашение педагога, поскольку его участие не связано с исследованием личности несовершеннолетнего, а направлено на компенсацию его возрастной недостаточности в психическом и психологическом развитии. Психолог же должен принимать участие в исследовании личности несовершеннолетнего для разъяснения мотивации его поведения. Его участие при проведении следственных действий представляется необходимым для установления симуляции определенных отклонений. Педагог является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, поэтому его необходимо отнести к группе «иных участников» [6].

Таким образом, процессуальный статус педагога и закрепление его прав требует уголовно-процессуальной регламентации. Понятие «педагог» закреплено в п. 62 ст. 5 УПК РФ: это лицо, выполняющее обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Данное определение представлено с точки зрения педагогического процесса, однако применительно к уголовному процессу не ясно, кем является педагог в уголовном судопроизводстве.

Строго регламентированный круг прав, которыми может быть наделен педагог при участии в следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшим и свидетелем, не определен в УПК РФ. В связи с этим его участие может вызывать множество вопросов как со стороны органа предварительного расследования, так и со стороны самого педагога. Например,

у лица, участвующего в производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего, может возникнуть вопрос, какие действия он вправе совершать? Бесспорно, данный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо исключить путем регламентации прав педагога в ст. 191 УПК РФ. Помимо основных прав, закрепленных в УПК РФ, которыми пользуются участники уголовного судопроизводства, предлагается закрепить специфические права педагога, которые относятся непосредственно к его участию в следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшим и свидетелем. В частности, это такие права, как возможность задавать вопросы несовершеннолетнему во время следственного действия; делать замечания и высказывать возражения следователю (дознавателю) в случае некорректных вопросов к несовершеннолетнему либо нарушения порядка производства следственного действия; оказывать следователю (дознавателю) квалифицированную помощь в случае такой необходимости; право на конфиденциальную беседу с несовершеннолетним как до производства следственного действия с его участием, так и во время следственного действия.

По нашему мнению, закрепление процессуальных прав педагога будет способствовать эффективности производства следственного действия с участием несовершеннолетних потерпевшего, свидетеля и четкому пониманию педагогом своих функций и роли при этом.

Обязательность участия педагога и психолога в следственных действиях с участием несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля имеет процессуальное закрепление. Однако следственно-судебная практика знает случаи пренебрежения указанной нормой со стороны органов предварительного расследования. Так, несовершеннолетний свидетель был допрошен без участия педагога или психолога, апелляционный суд признал это нарушением ст. 191 УПК РФ и выразил необходимость исключения из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания несовершеннолетнего свидетеля как на доказательство*.

Таким образом, педагог и психолог являются неотъемлемой частью любого следственного действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Процессуальный статус указанных лиц четко не закреплен уголовно-процессуальным законом, исходя из этого, регламентация участия педагога и психолога в следственных действиях с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей требует дальнейшего исследования и обоснованного изменения действующих норм.

Литература

1. Россинский С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74–82.
2. Николок В. В., Виноградова В. А., Антонов В. А. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3. С. 39–52.
3. Дозорцева Е. Г., Красавина А. Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23–31.
4. Брусницин Л. В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 90–94.
5. Марковичева Е. В. Показания несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXIV междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2021. Ч. 1. С. 144–147.
6. Бычков А. Н. Участие педагога в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.

* Апелляционное постановление № 22–2815/2016 от 10.10.2016 по делу № 22–2815/2016. URL: https://sudact.ru/regular/doc/LVKsa0WpMcYn/?page=7®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=

УДК 343.13

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ИНЫЕ СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: СУЩЕСТВЕННЫ ЛИ РАЗЛИЧИЯ?

Марина Владимировна Давыдовская, адъюнкт, Академия управления МВД России
marri@list.ru

Аннотация

В настоящей статье ставится вопрос о различии между следственными действиями и иными способами собирания доказательств (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). В обозначенном ракурсе обращается внимание на признаки следственного действия, которые выделяются в процессуальной литературе. Автор делает вывод, согласно которому процессуальная регламентация как признак, по которому в большинстве случаев и проводят различие между следственными действиями и иными способами собирания доказательств, присуща и тем и другим. В связи с этим правомерна постановка вопроса об обозначении единым термином «следственные действия» любых способов собирания доказательств.

Ключевые слова: доказывание, способы собирания доказательств, следственные действия, иные процессуальные способы собирания доказательств, общие правила собирания доказательств

INVESTIGATIVE ACTIONS AND OTHER WAYS OF COLLECTING EVIDENCE: ARE THERE SIGNIFICANT DIFFERENCES?

Marina V. Davydovskaya, post graduate, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract

This article raises the question of the difference between investigative actions and other methods of collecting evidence (Part 1 of Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). In the indicated perspective, attention is drawn to the signs of an investigative action that stand out in the procedural literature. The author concludes that procedural regulation, as a sign by which in most cases a distinction is made between investigative actions and other methods of collecting evidence, is inherent in both. In this regard, it is legitimate to raise the question of the designation by a single term "investigative actions" of any methods of collecting evidence.

Keywords: proving, methods of collecting evidence, investigative actions, other procedural methods of collecting evidence, general rules for collecting evidence

Уголовно-процессуальное доказывание – ключевое средство решения задач уголовного судопроизводства, которые хотя в действующем УПК и не указываются, тем не менее, исходя из публичного характера уголовного судопроизводства, не могут не состоять в правильном установлении обстоятельств по уголовному делу, в том числе в изобличении действительно виновного [1, с. 14]. Отсюда публичность уголовного процесса обеспечивается в первую очередь уголовно-процессуальным доказыванием, значение средств которого, учитывая важность самого уголовного процесса для обеспечения безопасности общества, выходит за пределы уголовно-процессуальной сферы. В. Д. Спасович мерил «системой судебных доказательств

масштаб умственного развития народа в данный момент», определяя «признак его младенчества и немощи или его возмужалости и зрелости в деле исследования важнейшего вида правды, правды юридической» [2, с. 4]. Отсюда интерес к средствам доказывания в уголовном процессе вряд ли когда-либо снизится, а тем более сейчас, в период осознания важности возвращения к отечественным духовно-нравственным ценностям, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, где к числу таковых россияне неизменно причисляли истину.

Именно ее и необходимо устанавливать в уголовном судопроизводстве в процессе доказывания, иницирующим элементом которого выступает собирание доказательств. Средствами собирания доказательств, согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, выступают следственные действия и иные процессуальные способы. Увы, законодатель не определил понятие следственных действий (что представляется весьма насущной потребностью) и тем самым не только затруднил соотнесение некоторых норм УПК с условиями и правилами производства следственных действий, но и оставил острым вопрос об их разграничении с иными процессуальными способами собирания доказательств.

Отметим, что в п. 32 ст. 5 УПК РФ законодатель определяет процессуальное действие через следственное, судебное или иное действие, уклонившись при этом от разграничения этих действий и раскрытия сущности каждого из них, на что неоднократно обращалось внимание исследователей [напр., 3, с. 39; 4, с. 125; 5, с. 28–29]. Нормативное определение процессуального действия и в самом деле есть не что иное, как определение «неизвестного через неизвестное» [6, с. 12]. Между тем отсутствие ясного понимания того, что представляют собой следственные действия и иные процессуальные способы собирания доказательств, имеет не только большое теоретическое значение, но и болезненное прикладное, поскольку неопределенность перечня иных процессуальных способов, посредством которых могут быть получены доказательства, позволяет ставить вопрос о недопустимости в качестве доказательств результатов применения некоторых таких способов [7, с. 37].

Научные представления о понятии следственных действий разнятся. Преобладающий сегодня подход обоснован С. А. Шейфером, который связывал следственные действия с непрерывным поисково-познавательным и удостоверительным характером, что находит выражение в использовании процессуально регламентированных приемов, наиболее приспособленных к приданию процессуального значения следам определенной физической природы и формы [8, с. 281]. На основании данного подхода удалось выработать в целом принимаемый большинством процессуалистов взгляд на признаки следственного действия: 1) оно процессуальное, 2) направлено на получение доказательства; 3) его порядок урегулирован процессуальными нормами; 4) прямо (при применении поисково-познавательного приема) или косвенно (на этапе организации) сопряжено с процессуальным принуждением [9, с. 196].

Конечно, эти признаки не являются абсолютными, наиболее часто критика направлена на включение в число признаков следственного действия процессуального принуждения. Различно понимается направленность на получение доказательства, ограничиваются этапы процесса, на которых могут быть произведены следственные действия и субъекты его производства [10, с. 110–111]*. При этом процессуальная урегулированность как признак следственного действия сомнению практически не подвергается. Именно этот признак признается основным при разграничении следственного действия и иного способа собирания доказательств [11, с. 55]. В целом же, на основании двух ключевых признаков – направленности на получение доказательств и процессуальной регламентации – и вычленяется относительно стабильный в представлениях процессуалистов перечень следственных действий, которым относят

* Например, С. Б. Россинский видит в числе субъектов производства следственных действий только следователя (дознателя) и считает, что суд следственных действий не производит. По причине использования поисково-познавательного приема в ходе производства судебной экспертизы не следователем, а экспертом, С. Б. Россинский не считает это процессуальное действие следственным.

действия, регламентированные гл. 21–27 УПК РФ*. Соответственно иными процессуальными способами собирания доказательств называют действия, направленные на получение доказательств, однако только названные законодателем, но не регламентированные им (ч. 4 ст. 21, ч. 2 ст. 86, ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Применительно к ч. 1 ст. 144 УПК имеются в виду такие способы, как получение объяснений, истребование документов и предметов, требование производства ревизий и документальных проверок**. Для этих действий не предусмотрен процессуальный порядок, особенности привлечения к ним участников уголовного процесса, их права и обязанности, особенности фиксации полученных сведений (порядок передачи предметов, документов). Относительно детальный порядок производства следственного действия обеспечивает не только адаптацию поисково-познавательного мероприятия к физическим особенностям следа, но и гарантирует соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Именно жесткая процедура позволяет применять в ходе производства отдельных процессуальных действий процессуальное принуждение (обыск, выемка, освидетельствование). Преимущества детальной процессуальной регламентации производства следственного действия определяют позицию авторов, обращающих внимание на необходимость как можно более полного определения в законе его порядка с целью снижения рисков незаконного ограничения прав участников процесса и для повышения степени достоверности полученных сведений [12, с. 21]. Высказана и еще более жесткая позиция – поскольку следственные действия характеризуются «строгой, проверенной временем» процессуальной формой, то собирание доказательств «иными процессуальными способами» и вовсе нежелательно [13, с. 433].

Известно и другое мнение. Так, С. Б. Россинский полагает, что некоторые виды информации в виде вещественных доказательств, иных документов, заключения специалиста, результатов оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти формируются за рамками производства по уголовному делу и поступают к следователю (дознавателю) как сложившиеся познавательные ресурсы, «готовые к употреблению». Отсюда нет необходимости в жесткой и детальной процессуальной регламентации их представления следователю (дознавателю) [14, с. 19–30; 15, с. 76–77]. С. Б. Россинский основывается на представлении о том, что собирание доказательств осуществляется посредством формирования доказательств и приобщения доказательств к материалам уголовного дела [16, с. 98–99].

Рациональным зерном здесь является акцент на необходимости разного уровня процессуальной регламентации применительно к различным познавательным приемам собирания доказательств. Однако относительно существования двух автономных указанных механизмов собирания доказательств заметим следующее. Во-первых, и в том и в другом случае речь идет о применении к следам процессуальной формы, что позволяет из просто информации создать новую процессуальную реальность – доказательство. В этом смысле между двумя механизмами нет различия. Во-вторых, следы в любом случае формируются за рамками уголовного процесса, хотя и извлекаются разными способами. Идеальный образ у допрашиваемого создается вне уголовного судопроизводства, однако становится доказательством, будучи облечен в процессуальную форму в ходе допроса. Предмет, как и идеальный образ в сознании допрашиваемого, не имеет процессуального значения, пока к нему не применена

* Подчеркнем, речь – об относительно стабильном перечне. Не все специалисты считают верным включать в этот перечень, например, контроль и запись переговоров (близко к оперативно-розыскному мероприятию), получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (состоят из самостоятельных следственных действий – осмотра и выемки). Без комментариев оставим решение законодателя назвать следственным действием реализацию, утилизацию или уничтожение вещественных доказательств (ч. 31 ст. 165 УПК РФ), которое не просто не направлено на получение доказательств, но и никак не регламентировано.

** В этой же норме указано на право лица, производящего проверку сообщения о преступлении, изымать документы и предметы в порядке, предусмотренном УПК, однако, что имеет в виду законодатель, непонятно. Порядок изъятия предметов и документов предусмотрен только для следственных действий (осмотр, обыск, выемка, косвенно – освидетельствование).

процессуальная форма. В-третьих, возникает вопрос: как при подходе С. Б. Россинского в некоторых случаях разграничивать два механизма? Например, почему трансформация информации в заключение специалиста – приобщение, а трансформация информации в заключение эксперта – формирование доказательства? Заключение специалиста, надо полагать, без применения процессуальной формы не существует ровно так же, как не существуют и заключение эксперта, и показания. Кроме того, изъятие предмета в ходе, например, обыска следует отнести к формированию доказательства или к его приобщению?

Таким образом, представляется, что теория формирования любых доказательств, обоснованная С. А. Шейфером, не утратила своего значения.

Ставшее фактически аксиоматичным положение о строгом и детально урегулированном порядке производства следственного действия, тем не менее, на поверку оказывается не столь уж очевидным. Различные следственные действия формализованы не просто неодинаково, нередко – кардинально различно. В литературе отмечается, что следственный эксперимент, проверка показаний на месте, в отличие, например, от допроса, регламентированы гораздо менее детально [17, с. 107], а следственный эксперимент на конкретном уровне (ст. 181 УПК РФ) вообще не регламентирован, определяются только его цели и дублируется общее условие о возможности его производства при отсутствии опасности для жизни и здоровья участвующих в нем лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ)*.

На первый взгляд аргументом процессуальной регламентации порядка производства следственного эксперимента являются положения ст. 164 УПК РФ, предусматривающей общие правила производства следственных действий. Следственного эксперимента в ней касаются нормы о недопустимости производства следственного действия в ночное время (за исключением случаев, не терпящих отлагательства); недопустимости применения насилия, угроз, иных незаконных мер, создания опасности для жизни и здоровья участников действия, о разъяснении им прав, обязанностей и ответственности; о применении технических средств; о возможности привлечения должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; о составлении протокола. Для других следственных действий, имеющих хотя бы относительно детальную конкретную регламентацию, положения ст. 164 УПК РФ дополняют ее. В результате возникает основание говорить о наличии процессуальной регламентации способа собирания доказательства как о признаке следственного действия. Эта схема не работает применительно к следственному эксперименту, поскольку перечисленные общие правила производства следственного действия не содержат, собственно, конкретных правил производства именно следственного эксперимента. В этом смысле даже получение объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении регламентировано едва ли не более детально, учитывая «общие правила» проверочных действий, заложенные в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ. Эти правила, так же, как и общие правила производства следственных действий, не содержат норм, регламентирующих порядок применения именно поисково-познавательного приема (наблюдение, расспрос, сравнение и т. д.), который и составляет существо следственных действий [18, с. 12–14; 19, с. 12–40].

Таким образом, как оказывается, следственные действия (вряд ли кто из специалистов всерьез станет отрицать отнесение следственного эксперимента к следственным действиям) не во всех случаях процессуально урегулированы более детально, чем иные процессуальные способы собирания доказательств. Кроме того, можно усомниться в безупречности изложенной выше позиции, согласно которой процессуальная регламентация является отличительным признаком следственного действия только в том случае, когда процессуальной формой охвачена процедура применения познавательного приема. Подчеркнем, что стремление разграничить регламентацию познавательной и правообеспечительной деятельности в ходе собирания

* В статье 181 УПК РФ речь идет только об опасности для здоровья лиц, участвующих в следственном эксперименте. При этом часть 4 ст. 164 УПК РФ сформулирована точнее.

доказательств вообще вряд ли продуктивно. Процессуальная форма собирания доказательств призвана обеспечить достоверный результат за счет триединства: 1) использование познавательного приема, соответствующего физической форме и физической природе информационного сигнала; 2) исполнение требований закона, обеспечивающих достоверность результата; 3) обеспечение прав и законных интересов личности, участвующей в процессуальном действии по собиранию доказательств.

Правовая регламентация следственных действий в настоящее время, действительно, не идеальна [20; 21]. Однако нельзя делать вывод, что тот же следственный эксперимент не регламентирован вовсе. Его производство осуществляется на основании спектра общих норм – принципов уголовного судопроизводства, общих правил производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ) и, как минимум, норм ст. 166–170 УПК РФ. С этой точки зрения и «иные процессуальные способы собирания доказательств» вполне можно признать регламентированными. Кроме положений ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ для мероприятий проверки сообщения о преступлении, ко всем действиям по собиранию доказательств без исключения применимы принципы уголовного судопроизводства. Они могут применяться прямо либо выступать основанием применения аналогии права и аналогии закона. Хотя, к сожалению, в УПК РФ отсутствует указание на возможность применения аналогии, в уголовном процессе – это ординарный юридический прием, применяемый по определенным правилам. Аналогия правомерна при отсутствии нормы, регулирующей общественное отношение, с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений по вопросам судебной практики Пленума Верховного Суда Российской Федерации, с применением принципов уголовного судопроизводства [22; 23, с. 186–190]. При применении аналогии права правоприменитель на основании принципов уголовного процесса выявляет смысл закона и мысленно формулирует правило, подлежащее применению. Аналогия закона предполагает соотнесение с принципом нормы права, регулирующей сходное отношение, на предмет возможности ее применения к неурегулированной прямо ситуации [24].

Так, например, представление предметов и документов участниками уголовного судопроизводства для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств наиболее приемлемо оформлять протоколом*. По аналогии к «иным процессуальным способам собирания доказательств» могут применяться положения ч. 3 ст. 164, ст. 164¹ УПК РФ и др.

Таким образом, все способы собирания доказательств в той или иной степени процессуально регламентированы. Четкого критерия разграничения следственных действий и иных способов собирания доказательств не существует. В связи с этим правомерна постановка вопроса об именовании любых способов собирания доказательств следственными действиями.

Литература

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. – 666 с.
2. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: «ЛексЭст», 2001. – 93 с.
3. Бочинин С. А. Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2014. – 197 с.
4. Быков В. М., Жмурова Е. С. Следственные действия по Уголовно-процессуальному кодексу РФ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2(247). С. 125–135.
5. Серебров Д. О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. – 255 с.
6. Воронин С. Э., Меремьянина О. В. Основания проведения следственных действий. Красноярск, 2004. – 97 с.
7. Конецев К. С. Способы собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. – 205 с.
8. Шейфер С. А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Куйбышев, 1981. – 424 с.

* Несмотря на наличие этого правила в проекте УПК РФ, оно не нашло отражения в принятом законе.

9. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Юрлитинформ, 2009. – 416 с.
10. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М.: Норма, 2021. – 408 с.
11. Кузнецов А. Н. Следственные и иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. – 215 с.
12. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: Омская Академия МВД России, 2015. – 172 с.
13. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки.
14. Россинский С. Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 16–31.
15. Россинский С. Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica. 2018. № 10 (143). С. 70–84.
16. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств.
17. Там же.
18. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. – 192 с.
19. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2004. – 228 с.
20. Стельмах В. Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 88–97.
21. Францифоров Ю. В. Особенности классификации следственных действий // Российский следователь. 2010. № 3. С. 9–13.
22. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (56). С. 66–77.
23. Тихомирова В. В. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. – 208 с.
24. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.24

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Алексей Алексеевич Лапин, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар

Lapinalex111@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется такая тенденция развития современного российского законодательства, как гуманизация. В качестве основного способа гуманизации уголовного законодательства России автор определяет декриминализацию. В статье предлагается классификационная модель декриминализации, дается характеристика оснований классификации и конкретных ее видов. Приводится понятие криминализации, раскрывается социальная значимость и содержание криминализации деяний, а также способы ее осуществления. Затрагивается вопрос о возможных последствиях избыточной или недостаточной криминализации.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, общественная опасность, гуманизация, криминализация, декриминализация, уголовно-правовой запрет, нормотворческая деятельность

CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION AS WAYS OF EXPRESSING THE CRIMINAL LAW POLICY OF THE STATE

Alexey A. Lapin, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, professor of the department of criminal law, North Caucasus branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

Abstract

The article analyzes such a trend in the development of modern Russian legislation as humanization. The author defines decriminalization as the main way to humanize the criminal legislation of Russia. The article proposes a classification model of decriminalization, characterizes the bases of classification and its specific types. The author gives the concept of criminalization, reveals the

social significance and content of criminalization of acts, as well as ways of its implementation. The author raises the question of the possible consequences of excessive or insufficient criminalization.

Keywords: criminal law policy, public danger, humanization, criminalization, decriminalization, criminal law prohibition, normative activity

Государственная политика в сфере борьбы с преступностью всегда была объектом пристального внимания как ученых-теоретиков, так и практических работников. За все годы существования УК РФ в него более 200 раз вносились изменения. Качество преобразований, нестабильность законодательных решений, оценка процессов криминализации и декриминализации деяний становятся предметом обсуждения на различных научно-представительских мероприятиях, посвященных проблемам уголовного права.

Одна из особенностей уголовно-правовой политики заключается в том, что уголовно-правовое воздействие представляет собой наиболее жесткие меры государственного принуждения по сравнению с иными отраслями права. Динамика общественных отношений, входящих в предмет уголовного права, их противоречивость, обуславливают необходимость постоянного совершенствования уголовно-правовой политики [1, с. 89].

Можно сказать, что содержание уголовно-правовой политики заключается в осуществлении следующих видов деятельности: правотворческой, правоприменительной и деятельности по толкованию норм уголовного права. В свою очередь, каждый из этих видов деятельности реализуется особыми характерными для них способами. Так, правотворческая деятельность выражается посредством криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации) деяний, а также дифференциации уголовной ответственности и уголовного наказания. Таким образом, каждый из указанных видов деятельности представляется нам как способ выражения уголовно-правовой политики.

Прежде всего более подробно остановимся на процессе криминализации деяний, который представляет собой деятельность компетентных органов по установлению уголовной наказуемости деяний. Кроме того, к криминализации можно отнести установление новых квалифицирующих признаков, а также повышение верхних пределов санкций в границах уже имеющихся составов преступлений. Важным условием криминализации выступает ее актуальность и своевременность, чему будет способствовать постоянный мониторинг совершенных преступлений и анализ правоприменительной практики.

В юридической литературе принято рассматривать криминализацию в двух аспектах: в динамике (как процесс) и статике (как результат)*. Криминализация как процесс представляет собой совокупность определенных взаимосвязанных и взаимообусловленных стадий (сбор и анализ информации, установление причин возникновения тех или иных деяний, представляющих общественную опасность, определение возможных способов борьбы с ними и т. д.). Криминализация как результат проявляется в разработке системы уголовно-правовых норм, закрепляющих виды преступного поведения. Такое изучение рассматриваемого явления способствует лучшему уяснению социальной значимости данной категории. Уголовный закон, устанавливая преступность того или иного деяния, определяет совокупность ценностей, которые подлежат уголовно-правовой охране со стороны государства.

Процесс криминализации может осуществляться двумя способами. Во-первых, путем установления общих оснований и условий привлечения лица к уголовной ответственности – внесение поправок в нормы Общей части УК РФ. Сюда можно отнести переработку правовой регламентации таких вопросов, как форма вины, возраст привлечения к уголовной ответственности, соучастие, покушение, вменяемость и пр. Во-вторых, через изменение норм Особенной части УК РФ. Второй способ подразумевает внесение в УК РФ новых составов

* Бондаренко О. В. Судебная практика и уголовное правотворчество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 15.

преступлений, расширение круга квалифицирующих признаков, повышение пределов наказаний в границах уже имеющихся составов преступлений, а также установление некоторых ограничений в возможности применения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания (например, определение условий применения условно-досрочного освобождения).

Так, в 2017 г. были криминализованы деяния, направленные на побуждение людей, в особенности несовершеннолетнего возраста, к суицидальному поведению либо опасному для жизни несовершеннолетних поведению (введение в УК РФ новых ст. 110.1, 110.2, 151.2, дополнения в ст. 110). Еще несколько лет тому назад никто не мог себе представить стремительность и широкомасштабность распространения таких опасных для жизни занятий, как «трейсерфинг», «зацепинг», «руфинг», вступление в «группы смерти», появление инструкторов-пропагандистов подобной деструктивной деятельности и т. п. Соответственно, криминализация данных деяний, действительно, вызвана высоким уровнем их общественной опасности, обусловленным их вредоносностью и распространенностью.

Как отмечалось выше, уголовная ответственность представляет собой наиболее суровую форму государственного принуждения, поэтому законодатель должен прибегать к процессу криминализации лишь в тех случаях, когда иные меры воздействия представляются неэффективными. Необходимо иметь в виду, что излишняя криминализация может привести к чрезмерности уголовной наказуемости. Избыточность в законодательстве уголовно-правовых запретов, утративших свою актуальность либо тех, потребность в которых не существовала вовсе, способна привести к нарушению принципа экономии уголовной репрессии, к несоответствию тяжести совершенного деяния (степени его общественной опасности) и назначенного наказания. Это может выражаться в привлечении к уголовной ответственности неоправданно большого числа граждан и в назначении наказаний более строгих, чем того требуют объективные обстоятельства [2, с. 36].

Согласно общим началам назначения наказания, если менее строгий вид наказания способен обеспечить достижение необходимых поставленных перед ним целей, то применять более строгий вид наказания нецелесообразно. Кроме того, чрезмерное завышение верхних пределов санкций за совершение тех или иных деяний приводит к увеличению продолжительности нахождения осужденного в местах лишения свободы, что впоследствии способно негативно сказаться на процессе его ресоциализации и стать причиной рецидива преступлений.

Важно отметить, что не меньший вред таит в себе и недостаточная уголовная наказуемость, результатом которой выступает незащищенность важных общественных отношений, подрыв авторитета государственной власти и утверждение идеи безнаказанности. В том случае, когда деяние не отнесено к разряду уголовно наказуемых, но обладает высокой общественной опасностью, велика вероятность самостоятельной расправы потерпевшей стороны над лицом, совершившим это деяние. Кроме того, в подобных случаях правоприменитель может скрытой аналогией искусственно «подогнать» какое-либо деяние под уже имеющийся состав преступления.

В целях недопущения указанных выше крайностей процесса криминализации (пробельность и чрезмерность) законодателю важно соблюсти необходимый баланс и адекватно отразить в уголовном законе существующую социальную действительность. Поскольку нормотворческая деятельность является исключительной прерогативой законодателя, только он путем внесения изменений в соответствующие законодательные акты может осуществлять необходимые корректировки. В свою очередь, правоприменитель должен обращать внимание на просчеты и недостатки в уголовном законодательстве и своевременно информировать о них.

Следует отметить, что с развитием общества, возникновением новых видов деятельности, появляются качественно новые отношения, требующие уголовно-правовой регламен-

тации. Уголовно-правовая политика посредством изучения социальной реальности определяет основания для криминализации тех или иных поступков людей, то есть для признания их общественно опасными или преступными. В связи с этим процесс криминализации как способ реализации уголовной политики приобретает высокую политическую и правовую значимость.

Происходящие сегодня преобразования в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве России приобрели достаточно динамичный и нередко кардинальный характер. В УПК РФ и особенно в УК РФ внесено большое количество изменений и дополнений. Последние, как правило, связаны не столько с необходимостью исправления изначальных недостатков, сколько с новыми процессами (экономическими, политическими, социальными, культурными и др.), происходящими в современном российском обществе, и в первую очередь глобализационными. Так, все большее внимание стало уделяться принципам справедливости и гуманизма. Остановимся более подробно на характеристике последнего.

Поскольку под гуманизмом в науке принято понимать систему мировоззрения, в основе которого лежит самоценность личности, защита ее чести и достоинства, гарантия соблюдения ее прав и свобод и т. п. [3, с. 105], то гуманизацией законодательства, по нашему мнению, целесообразно называть процесс его преобразования (модернизации, реформирования), направленный на безоговорочное уважение, защиту и гарантию соблюдения чести и достоинства, прав и свобод личности, повышение уровня ее безопасности, обеспечение реализации принципов равенства и справедливости в правоприменительной практике, при назначении того или иного вида наказания и т. д.

Декриминализация – это достаточно результативный способ разгрузки правоохранительных органов, судов и уголовно-исполнительной системы, а также оптимизации государственных расходов в этой сфере. В то же время декриминализация должна быть системной: «мертвые» и неработающие нормы следует отличать от тех, которые применяются редко в силу специфики общественных отношений, которые они охраняют.

Следует отметить, что декриминализация – это не только способ гуманизации уголовного закона, но и процесс по установлению оснований исключения общественной опасности деяний (исключения преступлений средней и небольшой тяжести из УК РФ), признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и, как следствие, отмены уголовной ответственности за считавшиеся ранее преступными и наказуемыми деяния [4, с. 8].

Для полного понимания сущности декриминализации, по нашему мнению, важным является анализ оснований (критериев) ее классификации и особенностей конкретных видов. Полагаем, что научно обоснованная классификационная модель декриминализации, во-первых, позволит систематизировать гуманизационные процессы, происходящие в современном российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, и, как следствие, познать их сущность на более глубоком уровне; во-вторых, поможет законодателю более объективно ориентироваться во всем массиве предложений по вопросам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, осмыслить роль и значение (эффективность) предлагаемых либо производимых изменений уголовного закона в направлении его гуманизации [5, с. 98].

В целом, соглашаясь с мнением А. Д. Нечаева относительно видов декриминализации [6, с. 106], последнюю, по нашему мнению, целесообразно классифицировать по следующим основаниям: по составу преступления; по степени исключения (изменения) уголовно-правовых запретов; по последствиям осуществления; по масштабам охвата уголовно-правовых запретов.

1. Полагаем, что по составу преступления декриминализация возможна:

1) по признакам «объекта», в частности, по предмету преступления. Примером может выступать изменение границы крупного размера предмета в сторону увеличения;

2) по признакам «объективной стороны», в частности, по признаку деяния и по признаку преступного последствия. Примером первого может быть устранение указания на осуществление какого-либо действия (какой-либо деятельности) как условия совершения общественно опасного деяния. Примером же декриминализации по признаку преступного последствия может быть увеличение степени тяжести общественно опасных последствий либо исключение из статьи признака наступления общественно опасных последствий;

3) по признакам «субъекта». Так, по признаку возраста субъекта преступления декриминализация осуществляется путем его повышения. Что касается признака вменяемости субъекта, декриминализация заключается в признании у последнего состояния невменяемости во время совершения общественно опасного деяния (ч. 1 ст. 21 УК РФ). Кроме того, декриминализация возможна посредством включения в норму признаков специального субъекта преступления;

4) по признакам «субъективной стороны», в частности по признаку вины. Как правило, данная декриминализация осуществляется путем исключения санкции (уголовной ответственности) за совершение преступления по неосторожности (ч. 3 ст. 118 УК РФ) [7, с. 113].

2. По степени исключения (изменения) уголовно-правовых запретов декриминализация может быть:

1) полной – при которой либо устраняется существующий уголовно-правовой запрет с последующим установлением запрета иной отраслевой принадлежности, либо поведение признается правомерным;

2) частичной – при которой границы существующего уголовно-правового запрета сужаются.

3. По последствиям осуществления декриминализация может быть:

1) обратимой, при которой деяние, ранее признанное утратившим общественную опасность (и, как следствие, его состав был исключен из УК РФ), вызвало необходимость повторного внесения в УК РФ новой статьи, предусматривающей преступность деяния;

2) необратимой, при которой деяния утратило общественную опасность, его состав исключен из УК РФ безвозвратно [8, с. 128].

4. По масштабам охвата уголовно-правовых запретов можно выделить следующие виды декриминализации:

1) общую – охватывающую все существующие уголовно-правовые запреты;

2) групповую – при которой охватываются отдельные уголовно-правовые запреты по тому или иному признаку;

3) частную – охватывающую отдельно взятый уголовно-правовой запрет.

Представляется, что предложенная выше классификационная модель декриминализации уголовного закона не является абсолютной, поскольку для дифференциации данного процесса на виды возможно использование и других критериев (оснований). Поэтому вопрос о создании универсальной классификационной модели декриминализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отечественной юридической науке остается открытым.

Среди наиболее значимых гуманистических изменений уголовного и уголовно-процессуального законодательства современной России, осуществленных путем декриминализации, можно назвать:

1) в уголовном праве: а) введение таких правовых институтов, освобождающих виновного от уголовной ответственности, как «деятельное раскаяние» (ст. 75 УК РФ), «примирение с потерпевшим» (ст. 76 УК РФ), «возмещение ущерба» (ст. 76.1 УК РФ), «судебный штраф» (ст. 76.2 УК РФ); б) включение в уголовный закон понятия «невиновное причинение вреда» (ст. 28 УК РФ); в) расширение круга обстоятельств, исключающих преступность деяний (гл. 8 УК РФ); г) введение главы, предусматривающей особенности уголовной ответственности

сти и наказания несовершеннолетних, построенной с учетом международных стандартов защиты прав несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности (гл. 14 УК РФ);

2) в уголовном судопроизводстве – значительное расширение: а) возможностей участников процесса, позволяющих реализовать принадлежащее им право на защиту своих интересов (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ); б) прав подозреваемого в совершении преступления (ч. 3 ст. 46 УПК РФ); в) возможностей для примирения сторон (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) и др.;

3) в уголовное (ст. 151.1, 158.1, 212.1, 264.1 УК РФ) и уголовно-процессуальное (ст. 90 УПК РФ) законодательство введен такой институт, как «административная преюдиция»;

4) в последние годы по инициативе Верховного Суда Российской Федерации* ведется серьезная работа по возможности введения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы понятия «уголовный проступок»**. Предполагается, что совершение уголовного проступка не повлечет уголовной ответственности и будут применяться меры уголовно-правового характера, не влекущие за собой судимость.

Таким образом, процессы криминализации и декриминализации деяний в настоящее время представляются наиболее эффективными и актуальными средствами уголовно-правовой политики. В науке уголовного права не стихают предложения о дополнении УК РФ новыми составами преступлений, равно как и о сокращении оснований для уголовно-правового воздействия. Новеллы уголовного законодательства, касающиеся процессов криминализации и декриминализации деяний, а также дискуссия среди ведущих специалистов по уголовному праву позволяют утверждать, что множественные изменения, не только дополняющие УК РФ, но и радикальным образом его меняющие, свидетельствуют о «переходном» состоянии уголовного закона и начале глобального реформирования отечественного уголовного права.

Законодательные инициативы высказываются самые разные, но краеугольным камнем большинства проектов является мысль о том, что необходимо брать курс на декриминализацию в отрасли. Представляется, что периодическая декриминализация необходима законодательству для очистки от «мертвых» норм, которые стали такими либо потому, что их введение было изначально ошибочным шагом, либо потому, что в ходе развития общественных отношений определенные действия или поведение перестали вызывать порицание и рассматриваться в качестве общественно опасных (например, мужеложство и спекуляция). В то же время декриминализация должна быть последовательной и системной. Так, поспешный перевод в разряд административных правонарушений клеветы потребовал ее скорого возвращения в уголовный закон.

В заключение следует отметить, что любая инициатива по декриминализации, а отечественная наука не испытывает в них недостатка, должна быть оценена на предмет потенциальных рисков, равно как и достоинств ее реализации. Так, в предложениях по устранению уголовной ответственности за то или иное преступление часто во главу угла ставится такой параметр, как низкая частота его совершения, однако она далеко не всегда коррелирует с общественной опасностью.

Литература

1. Журавлев М. П. О некоторых актуальных аспектах современной Российской государственной политики в сфере борьбы с преступностью // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 85–99.
2. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.

* О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2022).

** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект Федерального закона № 612292–7. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2022).

3. Нечаев А. Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний: монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2018. 320 с.
4. Верина Г. В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
5. Гравина А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11 (239). С. 95–106.
6. Нечаев А. Д. Основания классификации и виды криминализации и декриминализации // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 105–114.
7. Крутихина П. В. Декриминализация домашнего насилия: три года спустя // Закон. 2019. № 12. С. 112–119.
8. Пинкевич Т. В. Уголовная политика и современное уголовное законодательство // Преступность, уголовная политика, закон. М., 2016. С. 128–135.

УДК 343.01

МЕСТО СИСТЕМЫ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Дмитрий Борисович Лаптев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Томск

lara612@mail.ru

Захар Андреевич Гордиенко, преподаватель кафедры гражданского процессуального права, Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Томск

zakhar222@mail.ru

Андрей Александрович Федоров, преподаватель кафедры уголовного права, Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Томск

andreyfedorov238@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу системы иных мер уголовно-правового характера. Исследуются соответствующие системные связи. Затрагиваются вопросы о статусе иных мер уголовно-правового характера в механизме уголовно-правового воздействия, структура которого в интерпретации автора представлена следующими подсистемами: наказание, иные меры уголовно-правового характера, меры по освобождению от уголовной ответственности и от наказания. С учетом предмета и способа воздействия, интенсивности принуждения, характера и пределов воздействия раскрывается содержание названных подсистем. Делается вывод, что принудительно-некарательная направленность иных мер уголовно-правового характера обуславливает их самостоятельное место в структуре уголовно-правового воздействия, отличное от наказания и видов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, система, системные связи, уголовно-правовое воздействие, наказание, освобождение от уголовной ответственности и наказания

THE PLACE OF THE SYSTEM OF OTHER MEASURES OF A CRIMINAL LAW NATURE IN THE STRUCTURE OF CRIMINAL LAW

Dmitriy B. Laptev, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor of criminal law, West Siberian branch of the Russian State University of Justice, Tomsk

Zachar A. Gordienko, Lecturer of criminal law, West Siberian branch of the Russian State University of Justice, Tomsk

Andrey A. Fedorov, Lecturer of civil procedure, West Siberian branch of the Russian State University of Justice, Tomsk

Abstract

The article is devoted to the analysis of the system of other measures of a criminal law nature. Appropriate system connections are investigated. Questions are raised about the status of other measures of a criminal law nature in the mechanism of criminal law, the structure of which, in

the author's interpretation, is represented by the following subsystems: punishment, other measures of a criminal law nature, measures for exemption from criminal liability and punishment. Taking into account the subject and method of influence, the intensity of coercion, nature and limits of influence, the content of these subsystems is disclosed. It is concluded that the forcible and non-punitive orientation of other measures of a criminal law nature determines their independent place in the structure of criminal law, different from punishment and types of exemption from criminal liability and punishment.

Keywords: other measures of criminal law nature, system, system relations, criminal law impact, punishment, exemption from criminal liability and punishment

Исследование системных связей представляет гносеологический интерес, поскольку посредством этого становится возможным создание целостного видения самой системы и рассмотрение ее статичных и динамических параметров. Термин «системность» в российском уголовном праве трактуется, в частности, как инструмент познавательных процедур, предполагающий анализ уголовного права через призму отраслевых и межотраслевых взаимодействий, системных связей как внутри отрасли, так и извне, возникающих в процессе ее функционирования [1, с. 13]. В системном анализе общепринятым является выделение подсистем, вскрытие их функций, выявление связей между ними, что позволяет установить взаимодействие между элементами [2, с. 81].

Анализ системных связей позволяет раскрыть систему иных мер уголовно-правового характера в их спектральном многообразии и оценить их роль в механизме уголовно-правового воздействия. Не умаляя роль всех видов системных связей, отметим, что в системе российского законодательства наиболее значимыми признаются субординационные (иерархические) связи [3], которые обеспечивают непротиворечивость уголовно-правового регулирования.

Внешние субординационные связи позволяют охарактеризовать категорию уголовно-правового воздействия как целостный механизм, а не только как совокупность уголовно-правовых норм, а иные меры уголовно-правового характера рассмотреть как часть этого механизма. И для исследования таких связей важным представляется вопрос о том, в каком качестве иные меры уголовно-правового характера находятся в структуре уголовно-правового воздействия.

Наиболее логичным способом построения иерархии мер уголовно-правового воздействия выступает моделирование, в основе которого лежит определенная аналогия, воспроизводящая функциональные связи предмета исследования (оригинала) [4; 5]. Таким «оригиналом» в данном случае является уголовно-правовое воздействие как система правовых мер, закрепленных в уголовном законе и необходимых для эффективной охраны личности, общества и государства от преступных посягательств [6].

В систему мер уголовно-правового воздействия ученые включают уголовное наказание, условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, иные меры уголовно-правового характера (а также особые положения закона, характеризующие уголовную ответственность несовершеннолетних, судимость и некоторые другие рядоположенные институты) [7, с. 10–11].

Однако в данной работе мы делаем акцент именно на мерах, которые могут применяться в целях коррекции преступного поведения в качестве реакции на совершенное общественно опасное деяние и принципах выбора этих мер. С нашей точки зрения, мера уголовно-правового воздействия как ответная реакция государства на совершенное общественно опасное деяние представляет именно первичное уголовно-правовое последствие для лица, переступившего закон. Она служит основным средством разрешения уголовно-правового конфликта. Свое заключение мы основываем, в частности, на понимании профессором А. И. Рарогом меры уголовно-правового воздействия как относительно самостоятельного

средства выражения уголовно-правового реагирования на совершение общественно опасного деяния, обладающего индивидуально определенной совокупностью ограничений прав и свобод личности.

Такие правовые средства, как условно-досрочное освобождение от наказания, замена наказания на более строгое либо более мягкое, входят в объем уголовно-правового воздействия и являются его составляющей. Но при этом данные инструменты вторичны и реализуются в структуре уже назначенной ранее меры уголовно-правового характера – наказания. Поэтому, с нашей точки зрения, их не совсем корректно рассматривать в качестве мер уголовно-правового воздействия, поскольку они применяются не в качестве первичной ответной реакции на совершенное преступление, а обусловлены, в частности, поскриминальными факторами, возникшими после реализации соответствующей меры.

Когда речь идет о преобразовании одного вида уголовно-исполнительных отношений в другой вид либо о прекращении уголовно-исполнительных отношений, то соответствующие правовые средства применяются не за совершение преступления и даже не в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законодательством, что предопределяет вывод о невозможности их рассмотрения в качестве мер воздействия. Данные регуляторы являются самостоятельными корректирующими средствами уголовно-правового воздействия.

Такие правовые средства как судимость, ее снятие и погашение, как представляется, верно рассматривать не в качестве первичных правовых последствий совершения преступления, а в качестве последствий вынесения обвинительного приговора с назначением наказания. Данные инструменты более относимы к самостоятельным сопутствующим средствам уголовно-правового воздействия.

Таким образом, с нашей точки зрения, уголовно-правовое воздействие – это предусмотренная уголовным законодательством ответная реакция государства на совершение общественно опасного деяния, выраженная в применении мер уголовно-правового воздействия (наказание, иные меры уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности и наказания), а также корректирующих либо сопутствующих их реализации средств.

Меры уголовно-правового воздействия в целом обладают собственной иерархией, характеризующейся достаточно сложной структурой. Как известно, термин «иерархия» отражает отношения соподчиненности явлений и процессов, их организационную структуру, а также детализацию (расслоение более крупных сегментов на мелкие). Именно с учетом последнего обстоятельства может быть выстроена иерархия уголовно-правового воздействия. При этом следует оговориться, что традиционные представления о жесткой строгой подчиненности и взаимозависимости иерархических элементов в данном случае не получают отражения в общественных отношениях, возникающих в связи с совершением лицом преступления. Иными словами, иерархия мер уголовно-правового воздействия отличается по своей структуре от иных соподчиненных управляемых конструкций (например, от иерархии норм права, выстроенной по признаку различной юридической силы последних).

В результате можно выделить три относительно самостоятельные, взаимопроникающие подсистемы (наказание, иные меры уголовно-правового характера, меры по освобождению от уголовной ответственности и наказания), внутри которых могут быть выстроены отдельные соподчиненные элементы.

В подсистему «наказания» включаются наказания, реально исполняемые и назначаемые условно (или с отсрочкой исполнения). Реально исполняемые наказания дифференцируются, во-первых, на основные, которые, в свою очередь, подразделяются на наказания, связанные с изоляцией от общества, и наказания, не связанные с такой изоляцией, и, во-вторых, дополнительные, которые могут быть имущественными либо неимущественными.

Подсистема «иные меры уголовно-правового характера» подразделяется на два вида мер: альтернативные и дополнительные меры, что вытекает из анализа легального перечня

рассматриваемых мер. Исходя из содержания разд. VI Общей части УК РФ, объединившего такие инструменты, как принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф, можно заключить, что вторая «колея» правовых последствий совершения преступления (общественно опасного деяния) включает меры, применяемые в дополнение либо в качестве альтернативы реализации уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением либо без назначения наказания.

Альтернативными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, исключающие реализацию уголовной ответственности и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния. При этом, не бесспорно, но данному определению соответствуют правовые средства, формально не названные законодателем в качестве иных мер уголовно-правового характера.

Альтернативными, с нашей точки зрения, являются следующие меры: принудительные меры медицинского характера (п. «б»–«г» ч. 1 ст. 99 УК РФ), судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), а также принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности и совершившим общественно опасные деяния.

Дополнительными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые одновременно с реализацией уголовной ответственности либо при освобождении от уголовной ответственности в связи с совершением общественно опасного деяния: конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ), возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ). Как видно, последняя из названных мер также формально не отнесена законодателем к рассматриваемым правовым средствам.

Далее, в отдельной подсистеме мер уголовно-правового воздействия объединены меры освобождения от уголовной ответственности и наказания, дифференцируемые в зависимости от расположения в нормах Общей и Особенной частей УК РФ на общие и специальные. В отличие от наказания и иных мер уголовно-правового характера, данные правовые средства не обладают принудительным потенциалом, но при этом имеют сходство с иными мерами уголовно-правового характера в части наличия некарательного компонента в своем содержании.

Предметом уголовно-правового воздействия выступает правовой статус лица, совершившего преступление [8, с. 160]: он деформируется (посредством изъятия отдельных прав и свобод) и регулируется (посредством возложения дополнительных обязанностей) [9, с. 305]. При этом наказанию присуще карательное содержание [10, с. 15], а иные меры уголовно-правового характера такового лишены [11, с. 99–102]. В связи с этим уголовно-правовое воздействие не может признаваться «внешним выражением кары» [12, с. 36].

Тем не менее, в структуре наказания и иных мер уголовно-правового характера имеет место такой метод регулирования правоотношений, как принуждение. И если для наказания он является безусловным, то иные меры уголовно-правового характера законодательно закреплены, в частности, с использованием метода убеждения, и принудительный элемент может возникать в тех случаях, когда назревает особая потребность общества (например, в структуре принудительных мер воспитательного воздействия).

Правоограничительный характер как интегративное свойство уголовно-правового воздействия отражается в наказании и иных мерах уголовно-правового характера дифференцированно.

Так, каждый вид наказания – основной, дополнительный, смешанный – имеет конкретное содержание, обеспечивающее временную (в исключительных случаях пожизненную) утрату осужденным части прав, приобретаемых в различных сферах социальной жизни. Напротив, иные меры уголовно-правового характера в большей степени тяготеют к возложению

дополнительных обязанностей (воспитательного, медицинского, имущественного характера). Комплекс прав в данном случае меняется менее существенно, учитывая, что адресат не несет бремени наступления уголовной ответственности. Такая ситуация становится возможной вследствие различной общественной опасности содеянного и различных характеристик личности субъекта, совершившего общественно опасное деяние.

Соответственно, принцип рациональной экономии мер государственного принуждения реализован в части установления в иерархии мер уголовно-правового воздействия, сопряженных с элементами принуждения, не только наказания, но и иных мер уголовно-правового характера. В связи с этим следует признать справедливым суждение о том, что данный принцип призван сбалансировать применение наказания [13]. Именно в целях правильного определения такого баланса может быть выстроена иерархия мер уголовно-правового воздействия. Эта необходимость была обоснована более 40 лет назад профессором Н. А. Стручковым, который полагал, что при отсутствии необходимости применения наказания лицо может быть подвергнуто иной мере, «отличной от собственно наказания» [14].

Исходя из предложенной иерархии мер, видим, что наказание является структурно более сложной подсистемой, элементы которой расположены в зависимости от строгости (как это и предусмотрено в ст. 44 УК РФ), а также в зависимости от природы возлагаемых на субъект ограничений.

В свою очередь, иные меры уголовно-правового характера выступают частью (подсистемой) уголовно-правового воздействия, выстроенной в зависимости от альтернативности (сопряженности) наказанию либо в зависимости от сущности направлений коррекции общественно опасного поведения.

Полагаем, что место иных мер уголовно-правового характера в иерархии уголовно-правового воздействия определяется их воспитательным, медицинским, имущественным механизмом воздействия, особым субъектным составом потенциальных адресатов применения и специальными юридическими характеристиками противоправных посягательств, в связи с совершением которых они могут применяться.

Принудительно-некарательная направленность иных мер уголовно-правового характера обуславливает их самостоятельное место в структуре уголовно-правового воздействия, отличное от наказания и видов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Система иных (альтернативных и дополнительных) мер уголовно-правового характера в социально-правовом качестве выступает подсистемой уголовно-правового воздействия, а в формально-юридическом – институтом Общей части уголовного права. Нормы, регламентирующие основания, порядок и условия применения иных мер уголовно-правового характера, находятся в иерархическом единстве с другими положениями Общей части уголовного права, прежде всего с положениями о наказаниях. Но, кроме того, имеют отсылочное (бланкетное) взаимодействие с иными нормами, регулирующими вопросы уголовно-правовой деликтоспособности, признаки общественной опасности, структуру общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране.

Внутренние субординационные связи отражают структуру системы иных мер уголовно-правового характера и позволяют распределить их на две подсистемы альтернативных и дополнительных мер и выстроить элементы в соответствии с функциональным назначением. Именно так в системе иных мер уголовно-правового характера можно выделить воспитательные, имущественные и медицинские меры. Иерархическое взаимоотношение между данными подсистемами и элементами отсутствует, поскольку законодатель не использовал при регламентации иных мер уголовно-правового характера перечневый подход и не расположил их по принципу большей или меньшей строгости. Тем не менее, благодаря внутренним субординационным связям мы можем видеть весь спектр иных мер уголовно-правового характера как рядоположенных элементов, не входящих в объем уголовной ответственности.

Если обратиться к положениям науки теории организации, можно заключить, что в данном случае структура иных мер уголовно-правового характера является линейной (обеспечивающей реализацию всей совокупности функций [15, с. 82–83]). Это подразумевает, что каждая из подсистем в общей структуре позволяет решить задачи, установленные в ст. 2 УК РФ.

Далее обратим внимание на ряд проблемных моментов. Судебный штраф (ст. 76.2 УК РФ) предусмотрен в качестве вида освобождения от уголовной ответственности. В то же время он включен в заключительный раздел Общей части УК РФ как иная мера уголовно-правового характера. Принудительные меры воспитательного воздействия, как мы отмечали ранее, на основании ст. 90 УК РФ могут быть признаны основанием освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности, но в то же время имеют все признаки иных мер уголовно-правового характера. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении мер, применяемых к несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности и совершившим запрещенные уголовным законодательством деяния. Возможность реализации уголовно-правовых мер в отношении лиц, не отвечающих требованиям субъекта преступления, подтверждается практикой реализации принудительных мер медицинского характера.

Наличие элемента принуждения в структуре конфискации имущества сближает ее с дополнительными наказаниями. Возможность применения принудительных мер медицинского характера совместно с наказанием (в отношении лиц, указанных в п. «в», «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ) позволяет разграничить их только по целям.

На основании изложенного выше приходим к выводу о том, что, хотя понятия «наказание» и «иные меры уголовно-правового характера» имеют существенные терминологические различия, их правовая регламентация на данный момент не подчинена системным критериям, что затрудняет законодательное обособление иных мер уголовно-правового характера как особенного правового института.

Развитие доктринальных представлений о системе иных мер уголовно-правового характера осложняется существенным отставанием законодателя в сфере систематизации норм Общей части УК РФ, регламентирующих альтернативные и дополнительные меры. Круг мер, закрепленных в разд. VI УК РФ, позволяет сделать однозначный вывод, что в настоящее время на уровне закона процесс систематизации еще не завершен. Совокупность отнесенных законодателем к «иным мерам» правовых инструментов не отвечает критериям полноты и целостности. Строгое, непротиворечивое множество норм, упорядочивающих общественные отношения в сфере их назначения и применения, не создано. Отдельные субстраты системы иных мер уголовно-правового характера регламентируются различными нормами кодекса, структурированные в правовые институты на иной основе (принудительные меры воспитательного воздействия как часть института уголовной ответственности несовершеннолетних, возложение обязанности пройти лечение от наркомании как элемент института назначения наказания, судебный штраф как часть института освобождения от уголовной ответственности). Кроме того, мы констатируем регламентацию фактически уголовно-правовых средств в нормах законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних. Такой подход обедняет формально закрепленное содержание института иных мер уголовно-правового характера и не соответствует современным потребностям уголовно-правового регулирования. Соответственно, уголовно-правовые средства, имеющие признаки альтернативных и дополнительных мер уголовно-правового характера, необходимо объединить в одном разделе УК РФ в целях исключения (устранения) коллизий, касающихся определения их правового статуса. Соответствующие законодательные решения обеспечат последовательность и непротиворечивость правовой регламентации мер уголовно-правового характера, при которой в разд. III Общей части УК РФ установлен исчерпывающий перечень наказаний, а в разд. VI будут консолидированы все иные меры уголовно-правового характера.

Литература

1. Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
2. Мухсинова Л. Х. Исследование систем управления. Оренбург: Оренбургский гос. ун-т, 2013.
3. Субординационные связи в российском законодательстве // Российский юридический журнал. 2001. № 3. С. 29–31.
4. Бабенко Н. И. Моделирование современного философского познания мира // Известия Байкальского государственного университета. 2003. № 2. С. 123–126.
5. Сальгин Е. Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 12–31.
6. Воронин В. Н. Индивидуализация наказания: монография. М.: Проспект, 2017. С. 56–60.
7. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
8. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. М.: Зерцало, 2001.
9. Сыч К. А. Уголовное наказание и его состав: теоретические и методологические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2001.
10. Орлов В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
11. Бавсун М. В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4. С. 99–102.
12. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001.
13. Агзамов И. М. Принципы условного неприменения наказания в уголовном праве России // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 211–216.
14. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1978.
15. Жигун Л. А. Теория организации и организационная деятельность: монография тезауруса. М.: ИНФРА-М, 2017.

УДК 343.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА (СТАТЬИ 173.1 И 173.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Анна Анатольевна Коренная, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, Барнаул

lauer_ann@mail.ru

Аннотация

В статье исследованы основания криминализации преступлений, предусмотренных ст. 173.1 и 173.2 УК РФ, а также причины последующего внесения изменений в рассматриваемые нормы уголовного закона в 2015 г. Автор исследует практику правоприменения указанных статей, выявляет основные правоприменительные вопросы и предлагает варианты решения квалификационных задач. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что рассматриваемые составы преступлений по своему содержанию являются подготовительной стадией совершения иного, более тяжкого преступления, а действующая редакция уголовного закона нарушает принцип эффективности закона и создает возможность необоснованного освобождения от уголовной ответственности. Анализ доктрины уголовного права, практики правоприменения позволили сделать вывод о необходимости декриминализации самостоятельных составов преступлений и введения квалифицирующих признаков в составы основных преступлений.

Ключевые слова: юридическое лицо, незаконное образование юридического лица, подставное лицо, декриминализация, экономические преступления

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL FORMATION OF A LEGAL ENTITY AND ILLEGAL USE OF DOCUMENTS FOR THE FORMATION OF A LEGAL ENTITY (ARTICLES 173.1 AND 173.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Anna A. Korennaya, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Altai State University, Barnaul

Abstract

The article examines the grounds for criminalization of crimes provided for in Articles 173.1 and 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the reasons for subsequent changes to the norms of the criminal law under consideration in 2015. The author examines the practice of law enforcement of Articles 173.1, 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, identifies the main law enforcement issues and offers options for solving qualification tasks. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the considered elements of crimes in their content are the preparatory stage of committing another, more serious crime, and the current version of the criminal law violates the principle of the effectiveness of the law and creates the possibility of unjustified exemption from criminal liability. The analysis of the doctrine of criminal law, the practice of law enforcement allowed us to conclude that it is necessary to decriminalize independent elements of crimes and introduce qualifying features into the main crimes.

Keywords: legal entity, illegal formation of a legal entity, front person, decriminalization, economic crimes

Статьи 173.1 и 173.2 введены в УК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ, разработанным во исполнение Перечня поручений Президента РФ от 26 августа 2010 г. № Пр-2507 по итогам совещания по вопросам улучшения инвестиционного климата*. В пункте 6 Перечня содержится указание на необходимость изучения возможности введения уголовной ответственности за фиктивное участие в учреждении и деятельности юридического лица. В первоначальной редакции законопроекта о внесении изменений в УК РФ состав преступления включал в себя три самостоятельных деяния, в настоящее время криминализованных в двух самостоятельных нормах – ст. 173.1 и 173.2. Ответственность предусматривалась за создание только коммерческой организации, криминообразующим признаком признавалась цель совершения преступления – совершение иных преступлений. В окончательной редакции законопроекта цель совершения как криминообразующая категория сохранилась только в ст. 173.2 УК РФ. Фиктивное участие раскрывается через участие в таких организациях подставного лица. Причины, по которым законодатель при принятии законопроекта в третьем чтении существенно изменил редакцию в пояснительных записках, отсутствуют. Во всяком случае итоговая редакция ст. 173.1 стала жестче первоначальной.

Федеральным законом от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» статья 173.1 УК РФ была дополнена указанием на представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в ЕГРЮЛ сведений о подставных лицах, а из ст. 173.2 УК РФ исключено указание на цель незаконного образования юридического лица; также в примечании к ст. 173.1 УК РФ расширен перечень подставных лиц. Указанные изменения были внесены с целью обеспечения достоверности сведений реестра, предотвращения создания и функционирования юридических лиц, созданных для недобросовестной деятельности с использованием подставных лиц, а также и представления иной недостоверной информации в регистрирующий орган.

Таким образом, при признании преступным незаконного образования юридического лица и предоставления для этого документов и при последующем изменении рассматриваемых уголовно-правовых норм законодатель ставил разные цели: в первом случае – предотвратить фиктивное участие в учреждении и деятельности юридического лица, тем самым улучшить инвестиционный климат, во втором – обеспечить достоверность государственного реестра, то есть обеспечить выполнение государственных функций по формированию единых государственных информационных ресурсов.

В судебной практике круг отношений, охраняемых рассматриваемыми нормами, определяется следующим образом: преступные действия нарушают функционирование и развитие экономики РФ, создают препятствия для нормального функционирования общества и государства, а также создают условия для осуществления противоправной деятельности в сфере экономики**. В связи с этим непосредственный объект рассматриваемых преступлений можно в равной мере определить как отношения, возникающие в связи с реализацией обязанности добросовестного поведения лиц, участвующих в управлении юридическим лицом, а также как отношения, возникающие в связи с реализацией обязанности государства по осуществлению контрольных функций, выражающихся в обеспечении достоверности сведений ЕГРЮЛ.

* URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/8757/print> (дата обращения: 28.06.2022).

** Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 05.10.2021 по делу 1-764/21. URL: <https://mosgorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal/details/00267550-0cbf-11ec-96eb-4534470f5aca> (дата обращения: 29.06.2022).

В данном случае обязанность по обеспечению достоверности таких сведений возложена на лицо, являющееся учредителем юридического лица либо входящее в органы управления, или на лицо, представляющее документы для совершения государственной регистрации.

В науке уголовного права самостоятельная криминализация рассматриваемых деяний, подверглась критике. Так, в частности, Е. Г. Васильева отмечает, что данные нормы являются экономически и юридически несостоятельными, а привлечение лиц к ответственности маловероятно [1, с. 86]. В свою очередь, З. Д. Рожавский справедливо отмечает, что нормы не дали и не способны были дать видимых результатов для противодействия преступлениям, они могут быть только фактором, увеличивающим общественную опасность основного преступления [2, с. 5–6]. Также указывается, что само создание юридического лица без цели осуществления хозяйственной деятельности, включая регистрацию через подставное лицо, не обладает во всяком случае необходимым уровнем общественной опасности, требующим криминализации. Соответственно реакция на такие действия со стороны государства возможна мерами административно-правового характера [3, с. 239]. Высказана и противоположная позиция, одним из главных аргументов которой является положительная статистика органов внутренних дел, что свидетельствует о достижении цели установления уголовной ответственности [4, с. 40].

Представляется, что рассмотрение вопроса об обоснованности или необоснованности криминализации исследуемых деяний следует начать с общей уголовно-правовой характеристики и особенностей квалификации в практической деятельности.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ, характеризуется двумя альтернативными действиями: образование юридического лица через подставных лиц и представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в ЕГРЮЛ недостоверных сведений. В названии и диспозиции ст. 173.1 УК РФ использован термин «образование», раскрывающийся посредством двух самостоятельных действий – создание и реорганизация. Понятие заимствовано из Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», а именно из п. «г» ст. 5, раскрывающего характеристику сведений, которые содержатся в реестре, в том числе данные об образовании юридического лица. В ГК РФ категория «образование» применяется при установлении правил формирования органов управления юридического лица (ст. 53, 65.3, 97 и др.). При возникновении нового субъекта гражданского оборота речь идет об учреждении (ст. 50.1 ГК РФ). Исходя из толкования диспозиции ст. 173.1 УК РФ, образование юридического лица формально не связано с внесением советующей записи в ЕГРЮЛ, так как слово «повлекшее» относится к характеристике второго самостоятельного деяния – представление документов. Создание юридического лица предполагает возникновение нового субъекта гражданского оборота и осуществляется путем первичной регистрации. Создание юридического лица проходит две обязательные стадии: 1) стадию дорегистрационную, которая включает: принятие решения учредителями о создании, документальное оформление такого решения – составление учредительных документов, регистрационных форм, оплата государственной пошлины и т. д.; 2) стадию регистрации – передачи документов в государственный орган для осуществления регистрации юридического лица. Однако в данном случае представление документов является самостоятельной формой выполнения объективной стороны. Следовательно, образование юридического лица – это дорегистрационный этап его создания, что в равной степени применимо и для реорганизации юридического лица.

Указанная дифференциация способов выполнения объективной стороны преступления порождает вопрос о моменте окончания преступного деяния. В науке по данному вопросу предложены два подхода. Первый основан на том, что образование юридического лица включает в себя и предшествующие регистрации действия, порождающие юридические факты,

удостоверенные документами, которые закон требует представить в регистрирующий орган. В объективную сторону деяния входят действия, состоящие как в подписании названных документов, так и в осуществлении предусмотренной законом процедуры выражения волеизъявления сторон соответствующих соглашений [5, с. 37]. Второй подход основан на том, юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи в единый государственный реестр (п. 8 ст. 51 ГК РФ). Следовательно, анализируемое преступление будет окончено с момента внесения сотрудником регистрирующего органа в ЕГРЮЛ, который ведется на бумажном и (или) электронном носителе, сведений о создании или реорганизации юридического лица. Нахождение необходимых документов в регистрирующем органе должно рассматриваться как покушение на совершение преступления [6, с. 136; 7, с. 127].

Первая позиция является обоснованной с точки зрения логически верной теории наличия двух самостоятельных стадий образования юридического лица. Однако с позиции практики и системного толкования положения гражданского и уголовного права окончательным рассматриваемое преступление необходимо считать не ранее момента внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ. В судебной практике как образование квалифицируют изготовление необходимых и достаточных для осуществления регистрации юридического лица документов*. Поиск (приискание) лиц, которые впоследствии выступят номинальными учредителями или руководителями юридических лиц, их уговоры, передача им материального вознаграждения, а равно введение таких лиц в заблуждение также квалифицируются как образование юридического лица**. Если приискание и прочие вышеперечисленные действия выполняет одно лицо, изготавливает документы другое, а в налоговый орган представляет третье, то действия указанных лиц должны быть квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ. О совершении преступлений группой лиц по предварительному сговору свидетельствует совместный и согласованный характер цепочки последовательных действий, направленных на достижение общего преступного результата. Во всех вышеперечисленных случаях суды констатируют, что запись о фиктивном юридическом лице внесена в ЕГРЮЛ, что позволяет считать преступление окончательным***.

Представление документов предполагает их фактическую передачу в уполномоченный орган. При совершении рассматриваемого преступления в форме предоставления документов сведения могут касаться не только вновь созданного лица, но и информации о замене реального руководителя либо участника на номинального. Тот есть по ст. 173.1 УК РФ квалифицируется представление сведений о подставном лице при внесении соответствующих изменений в учредительные документы или данные ЕГРЮЛ. Статьи 173.1 и 173.2 УК РФ могут быть вменены и при создании некоммерческой организации, так как в диспозициях рассматриваемых норм отсутствует указание на вид юридического лица. Все это, по нашему мнению, также свидетельствует о том, что рассматриваемые деяния относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности с большой долей условности.

По статье 173.2 УК РФ квалифицируется фактическая передача документа третьему лицу. Как правило, для осуществления регистрационных действий только фактической передачи недостаточно в связи с тем, что регистрационные действия предполагают личное присутствие лица либо у нотариуса, либо в налоговом органе при представлении документов. Передача документа, удостоверяющего личность и дальнейшее представление

* Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 26.04.2017 по делу № 1-195/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/261017.html> (дата обращения: 23.06.2022).

** Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2020 № 77-1253/2020. URL: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vosmogo-kassatsionnogo-suda-obshchey-urisdiksii-ot-09-06/> (дата обращения: 30.06.2022); апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 05.06.2019 по делу № 22-2318/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LYZbWiQ7eyH8/> (дата обращения: 01.07.2022).

*** Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2020 по делу № 77-2593/2020. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=23221#246ApAT6VX5gH3T51> (дата обращения: 29.06.2022).

в регистрирующий орган необходимого комплекта документов в судебно-следственной практике, квалифицируются по ст. 173.1 УК РФ как представление документов без дополнительного вменения ч. 1 ст. 173.2 УК РФ*.

В судебно-следственной практике встречаются и иные примеры квалификации, когда подобные деяния могут быть квалифицированы и по совокупности преступлений: если лицо передает паспорт, а затем самостоятельно представляет документы в налоговый орган для государственной регистрации, то содеянное образует совокупность преступлений по ст. 173.1 и 173.2 УК РФ**. Представляется, что квалификация по совокупности преступлений является излишним вменением. Образование юридического лица включает в том числе действия по приисканию подставного лица, его убеждению, склонению и т. д. Характер действий лица может включать в себя и представление документа для регистрации. В том случае, если лицо после представления документа, удостоверяющего личность, не самоустраняется, а продолжает совершать действия, в результате которых в ЕГРЮЛ будут включены недостоверные сведения, то действия подлежат правовой оценке по более тяжелой норме (ч. 2 ст. 173.1 УК РФ).

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 173.2 УК РФ, исключает возможность заблуждения лица относительно целей, для которых он передает документ и выдает доверенность [8, с. 156]. Неосведомленность о том, для чего передаются документы либо выдается доверенность, также исключает квалификацию по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ***. Для квалификации действий по передаче документа либо выдачи доверенности по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ передающее лицо должно понимать, для каких целей будут использованы документы или доверенность.

Определение подставного лица приведено в примечании к ст. 173.2 УК РФ и является единым для двух составов. В классическом значении под подставным лицом понимают субъекта, выдвинутого другим лицом-номинатором в целях совершения действий в его интересах, но формально – от своего имени [9]. В примечании к ст. 173.1 УК РФ подставное лицо понимается несколько иначе. Во-первых, подставные лица по форме являются учредителями (участниками) юридического лица либо органами управления юридического лица. Во-вторых, подставное лицо применительно к ст. 173.1 и 173.2 УК РФ никоим образом не ассоциируется с бенефициаром. В уголовном законе категория «подставное лицо» помимо рассматриваемых составов преступлений не встречается. Однако это понятие упоминается в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», в котором указывается, что цель легализации имущества, приобретенного преступным путем может проявляться в совершении финансовых операций или сделок с участием подставных лиц, не осведомленных о том, что задействованные в соответствующих финансовых операциях и сделках денежные средства и иное имущество приобретены преступным путем (в результате совершения преступления).

Таким образом, понятие подставного лица при квалификации легализации преступно приобретенного имущества по содержанию не тождественно аналогичной категории в ст. 173.1 и 173.2 УК РФ. В первом случае субъект осознает свое участие в сделке и желает этого, однако не знает о преступном характере происхождения предмета такой сделки. При незаконной организации юридического лица есть два варианта: первый – лицо осознает противоправный

* Постановление Центрального районного суда г. Барнаула о прекращении уголовного дела от 01.04.2022, дело № 1–409/2022. URL: https://centralny-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=159740069&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.07.2022).

** Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.05.2021 № 77–1678/2021. URL: <https://base.garant.ru/324800503/> (дата обращения: 29.06.2022).

*** Апелляционное определение Московского городского суда от 05.07.2018 по делу № 10–9463/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SO CN&n=1063944#g9kApAT0wLLztO511> (дата обращения: 28.06.2022).

характер регистрации и добровольно на это идет; второй – лицо не знает, что данные о нем как об учредителе либо как об органе управления организации внесены в ЕГРЮЛ. Осведомленность лица о противоправной регистрации на него или с его участием организации порождает вопрос о разграничении предоставления документов для незаконной организации юридического лица от пособничества в преступлении, для совершения которого создавалось юридическое лицо, или которое было совершено при его помощи. Возможные основания разграничения видятся следующим образом:

1) по способу получения документа. В случае, если передача документа, а равно выдача доверенности сопровождалась обманом относительно истинных намерений лица, то содеянное при наличии умысла передающего квалифицируется по ст. 173.2 УК РФ. В случае, если передающее лицо осведомлено о том, каким образом и в каких целях создается юридическое лицо, содеянное квалифицируется как пособничество в ином преступлении. Здесь также следует установить и встречное представление за передачу и использование документа. Если вознаграждение обусловлено будущим временем, то вероятная квалификация в качестве пособничества будет верной;

2) по времени использования юридического лица в совершении основного преступления. Данный критерий также не носит абсолютного характера, однако может быть применен в качестве одного из мотивов той или иной квалификации. Если организация использовалась для совершения иного преступления в максимально короткие сроки после передачи документа, то вероятность осведомленности передающего о целях использования документа значительно выше;

3) по характеру совместных преступных действий и роли лица в данных действиях. Так, подготовка документов по форме № Р14001, подписание данной формы, а равно подписание учредительных документов указывают на активную роль в совершении преступления. Во внимание следует принимать и то, что в ч. 1 ст. 173.1 УК РФ предусмотрена ответственность только за представление документа, удостоверяющего личность, либо за выдачу доверенности. Следовательно, иные действия, в том числе вышеперечисленные, не могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ, так как выходят за пределы данной нормы*.

Правовая оценка введения в заблуждение как конструктивного признака состава в судебно-следственной практике может быть спорной. Так, например, сообщение недостоверных, ложных сведений без особых проблем квалифицируется по ст. 173.2 УК РФ. Тогда как несообщение о юридически значимых обстоятельствах, которые могут существенным образом повлиять на принятие решения об участии в организации, в некоторых случаях может не признаваться преступным [10, с. 16]. Для квалификации содеянного как введение в заблуждение необходимо, чтобы подставное лицо формально высказало желание стать учредителем или руководителем, однако его воля сформирована под влиянием заблуждения. Заблуждение должно быть существенным и касаться самого факта участия в деятельности юридического лица, а не последствий такого участия. Неосведомленность лица предполагает его полное неведение о том, что он является участником (руководителем) организации. Подобная ситуация возможна, в частности, при использовании листов бумаги с ранее нанесенной подписью, при использовании похищенного паспорта и т. д.

Отсутствие цели управления – наиболее дискуссионный признак подставного лица. Для квалификации действий по ст. 173.1 и 173.2 УК РФ необходимо установить отсутствие цели управления в определенном временном промежутке: на момент передачи документов, выдачи доверенности, образования юридического лица, то есть до момента, когда преступления являются оконченными. В том случае, если лицо изначально имело цель управления, то есть

* Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 08.06.2016. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal/details/7dc51b38-0840-4359-af87-60268b41a5e6?sessionRangeDateFrom=08.06.2016&formType=fullForm> (дата обращения: 01.07.2022).

намеривалось исполнять обязанности, но затем по каким-то причинам не стало этого делать, то сведения о нем не могут признаваться недостоверными и признаки состава преступления отсутствуют.

Также признаком подставного лица, не имеющего цели управления, является то, что такое лицо добровольно согласилось войти в органы управления, но фактически не собиралось принимать участие в управлении юридическим лицом. В юридической литературе справедливо указано, что такое лицо оказывает содействие в форме пособничества лицу, совершающему незаконную регистрацию юридического лица, добровольно выдавая ему документ, удостоверяющий их личность, или доверенность [6, 11 с. 136]. При этом, несмотря на самостоятельное уголовно-правовое значение, такие действия подлежат самостоятельной квалификации по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ.

Следует подчеркнуть, что терминология примечания к ст. 173.1 УК РФ не соответствует категориальному аппарату гражданского законодательства, в котором термин «органы управления юридического лица» не встречается. Близким, но не тождественным по значению является категория «органы юридического лица» (ст. 53 ГК РФ, ст. 32 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 2 Федерального закона «Об акционерных обществах и т. д.).

Под органом юридического лица понимается лицо (единоличный орган) или совокупность лиц (коллегиальный орган), которые в соответствии с законодательством, документами юридического лица либо решением иного уполномоченного на то органа юридического лица наделены определенными полномочиями в отношении юридического лица [11, 12 с. 97]. В соответствии со ст. 53 ГК РФ органы юридического лица реализуют его право- и дееспособность. Предположим, что, используя формулировку «органы управления юридического лица», законодатель имел в виду единоличный исполнительный орган либо главу коллегиального исполнительного органа, то есть лиц, которые могут без доверенности действовать от имени юридического лица, тем самым реализуя его правоспособность. Однако это лишь предположение, и формулировка примечания к ст. 173.1 УК РФ в данной части представляется не вполне корректной и не соответствующей терминологии гражданского законодательства.

Изученные нами материалы судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что рассматриваемое преступление крайне редко совершается самостоятельно. В подавляющем большинстве изученных приговоров и материалов деяния квалифицируются по совокупности ст. 173.1 и ст. 159, 172, 174.1, 187, 198, 199 УК РФ*. На данное обстоятельство обращено внимание и в юридической литературе. Многие авторы указывают, что организации, регистрируемые на подставных лиц, используется при совершении иных преступлений: хищений, налоговых преступлений, легализации имущества, добытого преступным путем, незаконной банковской деятельности, незаконного оборота средств платежей [12, 13 с. 97]. В научной литературе высказано мнение и о том, что образование любого юридического лица через подставных лиц может рассматриваться как усеченный состав мошенничества [14, с. 57]. Верховный Суд РФ при рассмотрении конкретного уголовного дела указал, что при создании юридического лица, имеющего целью совершение хищений, не исключается возможность и необходимость вменения и ст. 173.1 УК РФ. Основывается данная позиция на том, что рассматриваемое преступление непосредственно причиняло вред не отношениям собственности, а иному объекту уголовно-правовой охраны – отношениям, связанным с осуществлением предпринимательской, финансовой и иной экономической деятельности

* Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2020 № 77–1253/2020. URL: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vosmogo-kassatsionnogo-suda-obschey-urisdiiksii-ot-09-06/> (дата обращения: 30.06.2022).

по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг*. В соответствии с настоящей редакцией незаконное образование юридического лица подлежит квалификации по совокупности с преступлениями, совершаемые с использованием, а равно посредством такого юридического лица. При совершении нескольких деяний незаконное образование юридического лица, а равно представление документов для такой регистрации фактически образуют подготовительную стадию иного преступления, подлежащего, однако, самостоятельной квалификации**.

Квалификация по совокупности преступлений с основным составом возможна только в том случае, если лицо в преддверии совершения более тяжкого преступления самостоятельно совершило подготовку к нему, то есть выполнило объективную сторону незаконного образования юридического лица. Например, приискало и убедило подставное лицо зарегистрировать организацию и/или представило документы в налоговый орган. В том случае, если указанные действия выполнило третье лицо, например, работник юридической фирмы, квалифицировать действия заказчика по совокупности преступлений невозможно. Очевидно, что объективную сторону ст. 173.1 УК РФ он не выполнял. Возможно, такие действия подпадают под ч. 3 ст. 33 УК РФ. Однако этот подход также весьма сомнителен, так как далеко не всегда заказчик убеждает совершить преступление, в большинстве случаев он откликается на рекламу, пользуется иным образом ставшей известной информацией. В подобном случае лицо, участвующее либо обеспечивающее незаконное образование юридического лица, будет нести уголовную ответственность по ст. 173.1 УК РФ. Заказчик, в свою очередь, ответственность по статье уголовного закона об основном преступлении. В связи с этим согласимся с авторами, считающими серьезным упущением при законодательном толковании понятия «подставное лицо» исключение фактора бенефициара от действий, предусмотренных ст. 173.1 и 173.2 УК РФ [15, с. 85].

Однако, на наш взгляд, при этом не снимается сущностный вопрос: является ли незаконное образование юридического лица объективно самостоятельным преступлением, либо оно выступает способом облегчения совершения иного, более тяжкого преступления, либо непосредственно способом его совершения? Полагаем, что незаконное образование юридического лица и, как следствие, незаконное предоставление или приобретение документов, необходимых для такого образования, самостоятельной объективной общественной опасностью не обладают. Сама правосубъектность подобных юридических лиц не причиняет и не может причинить ущерб экономическим отношениям. Мы допускаем возможность причинения вреда такому объекту рассматриваемых преступлений, как общественные отношения по обеспечению достоверности сведений ЕГРЮЛ и общественные отношения, возникающие в связи с реализацией обязанности государства по осуществлению контрольных функций, выражающихся в обеспечении достоверности сведений государственного реестра юридических лиц. Однако указанный объект исключает возможность размещения рассматриваемых деяний в гл. 22 УК РФ. Вред реальный или возможный причиняется не фактом незаконной регистрации юридического лица, а основным преступлением, для совершения которого такое юридическое лицо создано, – мошенничеством, уклонением от уплаты налогов и т. д. Полагаем, что незаконное образование юридического лица и представление документов для такого образования как самостоятельные составы подлежат исключению из уголовного закона. Незаконное

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 19-УД17-38. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/132f9304361f2518ba1bff2f7f70addc/> (дата обращения: 01.07.2022).

** Апелляционное определение Московского городского суда от 05.07.2018 по делу № 10-9463/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1063944#g9kApAT0wLLztO511> (дата обращения: 28.06.2022); апелляционное определение Московского городского суда от 24.04.2017 по делу № 10-5856/2017. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/5d8759a6-b2a6-4181-8ab7-adc9c501b08e> (дата обращения: 29.06.2022).

образование юридического лица, которое в дальнейшем будет задействовано в преступной деятельности, может и должно являться исключительно квалифицирующим признаком конкретного состава преступления и только в том случае, когда общественная опасность такого преступления повышается по сравнению с общим составом преступления.

Законодателем рассматриваемые преступления отнесены к преступлениям небольшой тяжести с минимальным сроком давности, что, по нашему мнению, создает легальную возможность избежать уголовной ответственности по истечении непродолжительного периода времени после регистрации юридического лица. Отсюда значительное количество уголовных дел, возбуждаемых следственными органами по ст. 173.1 и 173.2 УК РФ, прекращаются в связи с истечением срока давности. Таким образом, заявленная при криминализации цель – улучшение инвестиционного климата и обеспечение достоверности сведений ЕГРЮЛ не достигается.

Изучая ст. 172.1 и 173.2 УК РФ, мы пришли к следующим выводам.

В результате совершения преступлений, предусмотренных данными статьями, искажаются сведения государственного информационного ресурса – ЕГРЮЛ, причиняется вред общественным отношениям, возникающим в связи с реализацией государственной функции по контролю за деятельностью юридических лиц, а добросовестные предприниматели утрачивают право на получение достоверной информации из реестра.

Терминология, используемая для характеристики подставного лица, не соответствует категориальному аппарату гражданского права, что порождает сложности в квалификации.

В подавляющем большинстве случаев создание юридического лица является подготовительным этапом совершения иного, более тяжкого преступления, что влечет квалификацию деяний по совокупности преступлений.

Отнесение исследуемых деяний категорий к преступлениям небольшой тяжести позволяет избежать уголовной ответственности по истечении непродолжительного периода.

Сложности в квалификации самих деяний приводит к противоречиям в судебно-следственной практике.

Указанное подтверждает вывод о необходимости декриминализации рассматриваемых преступлений как самостоятельных деяний и включения аналогичного квалифицирующего признака в так называемые основные составы преступлений.

Литература

1. Васильева Е. Г. Проблемы пресечения и уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьями 173.1 и 173.2 УК РФ // Противодействие преступлениям в сфере экономики: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. г. Москва, 24 апреля 2015 г.: сб. науч. ст. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 85–90.
2. Рожавский З. Д. Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. – 35 с.
3. Егорова Н. А., Лихолетов А. А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица: проблемы квалификации и правовой регламентации // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 233–239.
4. Ларичев В. Д. Преступления в сфере экономики, связанные с незаконным образованием юридического лица через подставных лиц, а также незаконным использованием документов // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 39–43.
5. Яни П. С. Образование юридического лица через подставных лиц // Законность. 2014. № 5. С. 35–39.
6. Устинова Т. Д. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12. С. 130–136.
7. Ермаков С. В. Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц и незаконное использование документов (статьи 173. 1, 173. 2 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 126–129.
8. Петухов Е. Н. Особенности квалификации незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица // Общество и право. 2014. № 3. С. 156–158.
9. Бизнес: толковый словарь. М.: ИНФРА-М. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/15543>.

10. Майорова Е. И., Яковлева А. В. Об уголовной ответственности за действия, связанные с незаконным образованием юридического лица // Научный портал МВД России. 2018. № 4. С. 14–20.
11. Устинова Т. Д. Указ. соч.
12. Дмитриев О. Д. Органы управления в системе органов юридических лиц // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2010. № 3. С. 95–99.
13. Назырова Н. А. Вопросы расследования преступлений, предусмотренных статьей 173. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 97–105.
14. Аснис А. Я. Правовые последствия признания не соответствующими Конституции РФ отдельных положений статьи 159.4 УК РФ и последующего признания данной статьи, утратившей силу // Право и экономика. 2016. № 10. С. 55–61.
15. Рожавский З. Д. Подставное лицо в контексте преступлений, совершаемых с использованием фирм-однодневок // Современное право. 2017. № 6. С. 85–88.

УДК 343.57

НЕЗАКОННЫЙ ОТПУСК В АПТЕЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ, СОДЕРЖАЩИХ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА: АНАЛИЗ ПРИЧИН И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Александра Николаевна Маркина, старший научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

aleks.nikolaevna12@mail.ru

Аннотация

Исследуются проблемы, связанные с отсутствием на практике единого подхода к квалификации деяний, связанных с незаконным отпуском в аптечных организациях сильнодействующих лекарственных препаратов, а также приводятся основные факторы, детерминирующие незаконный отпуск в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества. В статье уделяется внимание необходимости усовершенствования существующего алгоритма действий должностных лиц органов внутренних дел по выявлению и документированию преступлений, предусмотренных статьей 234 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: «аптечная» наркомания, полинаркомания, профилактика потребления сильнодействующих веществ, противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, статья 234 Уголовного кодекса Российской Федерации

ILLEGAL RELEASE OF MEDICINES CONTAINING POTENT SUBSTANCES IN PHARMACY ORGANIZATIONS: ANALYSIS OF THE CAUSES AND CURRENT SITUATION

Alexandra N. Markina, senior researcher, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian

Abstract

The problems connected with the absence in practice of a unified approach to the qualification of acts related to the illegal release of potent drugs in pharmacy organizations are investigated, and the main factors determining the spread of non-medical consumption of drugs containing potent substances are given. Attention is paid to the need to improve the existing algorithm of actions of officials of internal affairs bodies to identify and document crimes provided for in Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: “pharmacy” addiction, poly-drug addiction, prevention of the consumption of potent substances, countering the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic and potent substances, article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation

С 2010 г. наблюдается рост более чем в 2,5 раза числа лиц с зависимостью от новых потенциально опасных психоактивных веществ и с полинаркоманией и более чем в 3 раза – с зависимостью от лекарственных препаратов с психоактивным действием*.

* Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733.

Статистические данные, отражающие динамику преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ (незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта), свидетельствуют об осложнении ситуации, связанной с незаконным оборотом сильнодействующих или ядовитых веществ. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2019 г. по фактам совершения преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ, поступило 4045 сообщений; в 2020 г. – 6422 сообщения; в 2021 г. – 6240 сообщений. Выделение сведений по предмету и субъекту преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, в официальной статистической отчетности не предусмотрено. Таким образом, информации о фактах совершения преступлений, связанных с незаконным отпуском сотрудниками аптечных организаций лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества*, не имеется. Тем самым диктуется необходимость принятия мер по противодействию преступлениям, связанным с незаконным сбытом сильнодействующих лекарственных препаратов. Сложность выявления и раскрытия названной группы преступлений объясняется отсутствием на практике единого подхода к квалификации деяний, связанных с незаконным отпуском в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества.

Установление и исследование причин совершения того или иного вида правонарушения (преступления) является важной задачей, разрешение которой определяет современное содержание процесса выявления, раскрытия и расследования той или иной группы преступлений, а также направления совершенствования имеющихся в названной деятельности алгоритмов.

К факторам, детерминирующим незаконный отпуск в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, можно отнести целый комплекс причин и условий совершения названной группы преступлений.

Первой причиной может быть названо существование такого асоциального явления, как «аптечная» наркомания. «Аптечная» наркомания – это психофизиологическая зависимость человека от лекарственных препаратов, называемых «аптечными наркотиками». В подростковой и молодежной среде имеет место недостаточность информации о сильнодействующих лекарственных препаратах и их пагубном влиянии на подрастающий организм. Также относительная доступность, простота применения и интенсивность воздействия лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества [1], становится причиной увеличения группы риска (аптечных наркоманов) за счет детей и подростков из благополучных семей со средним уровнем достатка. Иначе говоря, субкультура с ценностями в виде свободного, гедонистического стиля жизни продолжает свое развитие, а благодаря сочетанию доступности наркотиков и относительной финансовой свободы наркотизация названной группы потребителей осуществляется быстрее.

Вторым детерминирующим фактором (причиной) является несовершенство и вариативность толкования действующего законодательства, что, конечно, вызывает сложности у правоприменителей при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным сбытом сильнодействующих лекарственных препаратов, а также множество практических ситуаций, не имеющих очевидных способов разрешения.

Специальный нормативный акт о сильнодействующих и ядовитых веществах в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует, поэтому на оборот лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, распространяются общие правила (в отличие от лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, на обращение которых действие Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» распространяется с учетом требований Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

* Далее – сильнодействующие лекарственные препараты; лекарственные препараты, содержащие сильнодействующие вещества.

Для целей ст. 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта» Правительством Российской Федерации Постановлением утвержден Список сильнодействующих и ядовитых веществ, а также крупный размер сильнодействующих веществ*.

Следует отметить, что после включения на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 27 мая 2019 г. № 667 в Список сильнодействующих веществ таких препаратов, как «Прегабалин», «Тропикамид» и «Тапентадол», спрос у наркозависимых лиц на «Конвалис», «Габапентин», «Нейронтин», не состоящие на предметно-количественном учете и не подлежащие контролю, но обладающие схожим психоактивным действием, заметно возрос. Данный факт подчеркивает необходимость пополнения названного Списка новыми веществами.

Анализ существующей судебной и правоприменительной практики позволил выделить ряд проблем, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, связанных с незаконным отпуском в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества.

В случаях незаконного приобретения и/или хранения, трудности возникают в доказывании субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 234 УК РФ. Весьма затруднительно (а иногда невозможно) доказать наличие у подозреваемого умысла на незаконный сбыт сильнодействующих лекарственных препаратов (вследствие своей осведомленности о содержании в лекарственных препаратах сильнодействующих веществ). Например, при задержании лица, у которого хранятся препараты, содержащие в своем составе сильнодействующие вещества в крупном размере, возможность привлечения к ответственности отсутствует без установления цели сбыта и субъективной стороны состава преступления, так как лицо должно быть не только осведомлено о наличии сильнодействующих веществ в составе препаратов, но и иметь прямой умысел на их сбыт.

Для достижения наибольшей эффективности процесса документирования преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ, необходимо рассмотреть основные спорные моменты, которые возникают при квалификации деяний, предусмотренных ч. 1–4 данной статьи.

Значительная часть изымаемых подразделениями по контролю за оборотом наркотиков сильнодействующих веществ поступает в незаконный оборот через розничные аптечные сети. Между тем на практике часто возникают проблемные вопросы квалификации действий работников (сотрудников) аптечных организаций, реализовавших сильнодействующие лекарственные препараты без рецепта. В связи с этим в целях верного применения норм уголовного законодательства и во избежание ошибок при привлечении к различным видам ответственности, следует рассмотреть разницу между составами преступлений, уголовная ответственность за которые установлена ч. 1–3 и ч. 4 ст. 234 УК РФ.

Части 1–3 ст. 234 УК РФ предусматривают ответственность за совершение действий, выразившихся в незаконных изготовлении, переработке, приобретении, хранении, перевозке или пересылке, а также сбыте сильнодействующих или ядовитых веществ либо оборудования для их изготовления. При этом лицо не является субъектом легального оборота указанных веществ, не обладает правом на осуществление указанных действий и его умысел направлен непосредственно на сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ.

Отпуск лекарств из аптеки является частным случаем сбыта, который может быть осуществлен в соответствии с действующим законодательством только путем сделки купли-продажи. В аптеках отпуск лекарств осуществляется фармацевтами. Фармацевт вправе быть

* Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 (с изм. и доп.).

участником оборота сильнодействующих и ядовитых веществ и осуществлять их реализацию в аптечной организации, имеющей лицензию на осуществление фармацевтической деятельности. Согласно квалификационным требованиям на эти должности могут быть назначены лица, имеющие медицинское (т. е. специальное) образование, которым известен порядок отпуска лекарственных средств. Таким образом, фармацевт, допустивший безрецептурный отпуск сильнодействующих и ядовитых веществ, имеет явный умысел, направленный на нарушение требований специальных правил посредством продажи сильнодействующих и ядовитых веществ без рецепта врача. Указанные действия сотрудника аптечной организации, повлекшие за собой наступление общественно опасных последствий, надлежит квалифицировать по ч. 4 ст. 234 УК РФ.

Уголовная ответственность за реализацию фармацевтом сильнодействующих и ядовитых веществ может наступить и по ч. 1–3 ст. 234 УК РФ, но только если указанные вещества продаются им как частным лицом вне рамок аптечной организации либо когда реализуются непосредственно на рабочем месте в рабочее время (при этом реализованные фармацевтом (провизором) сильнодействующие и ядовитые вещества ранее официально в аптеку не поступали и вырученные от продажи денежные средства остаются непосредственно у реализующего их фармацевта). Во всех остальных случаях, при отсутствии общественно опасных последствий, безрецептурный отпуск сильнодействующих лекарственных препаратов является административным правонарушением.

Состав преступления, предусмотренного ч. 1–3 ст. 234 УК РФ, является формальным. Данное преступление признается оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных действий, составляющих его объективную сторону. В свою очередь, преступление, квалифицируемое по ч. 4 ст. 234 УК РФ, имеет материальный состав и будет иметь место только в тех случаях, когда нарушение правил отпуска (продажи) препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, повлечет по неосторожности их хищение либо причинение существенного вреда. Если же эти признаки (хищение либо существенное причинение вреда) будут отсутствовать, то в действиях лица, продавшего препарат с нарушением существующих вышеуказанных правил, не будет содержаться состава преступления. При таком толковании закона сотрудникам органов внутренних дел весьма затруднительно противодействовать незаконной реализации лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества в аптечных организациях. Более того, если при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» в аптечной организации лекарственный препарат, содержащий сильнодействующие вещества, был изъят у покупателя сразу после его приобретения, то наступление тех самых «последствий» вообще невозможно.

Нераскрытым в должной мере в законодательстве Российской Федерации является вопрос о квалификации действий врача, выписывающего рецепты для подставных пациентов, которые затем по данным рецептурным бланкам приобретают сильнодействующий лекарственный препарат с целью личного употребления или перепродажи. Сильнодействующие вещества могут быть получены в распоряжение любого лица, предъявившего рецепт, в том числе лица, страдающего наркоманией, токсикоманией или имеющего иные заболевания, связанные с расстройством психического состояния.

Третьей причиной, способствующей незаконному отпуску в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, следует считать несовершенство защиты рецептурных бланков на лекарственные препараты, содержащие сильнодействующие вещества от подделки.

Сбыт сильнодействующих или ядовитых препаратов лицами, получившими право на использование этих препаратов согласно предписанию врача, в специальной литературе рассматривается как типичный источник поступления сильнодействующих и ядовитых веществ в незаконный оборот [2].

Следует также отметить, что при реализации сотрудниками аптечных организаций лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества («Трамадол», «Лирика», «Прегабалин», «Тропикамид»), большинство фармацевтов и провизоров не могут отличить подлинный рецепт от подделки. Решением данной проблемы могло бы стать введение новой формы рецептурных бланков с нанесением на них голограммы либо штрих-кода, по которым возможно будет определять подлинность данных бланков. С большой вероятностью справиться с обозначенной проблемой позволит завершение к 2023 г. разработки механизма назначения лекарственных препаратов через приложение «Электронный рецепт»*.

Важным аспектом в сложившейся ситуации является распространенность и востребованность приобретения лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, в различных социальных сетях, в Telegram-каналах, на сайтах и рекламных площадках, в чатах, расположенных в том числе в теневой части Интернета – Даркнете.

Таким образом, формирование и усовершенствование существующих технологий выявления и документирования преступлений, связанных с незаконным сбытом лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, является залогом успешного раскрытия и расследования названной группы преступлений, совершаемых в том числе недобросовестными сотрудниками (работниками) аптечных организаций, что, в свою очередь, будет способствовать снижению распространенности «аптечной наркомании», полинаркомании.

В целях недопущения фактов поступления в незаконный оборот лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, в Российской Федерации установлен контроль за их производством, приобретением, хранением, учетом, отпуском, перевозкой и пересылкой путем закрепления соответствующих правил и ограничений, а также ответственности за их нарушение. Однако на практике существует ряд неразрешенных до настоящего времени проблем, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при квалификации и дальнейшем расследовании преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ и связанных с незаконным отпуском в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества. Решение большинства возложенных на должностных лиц органов внутренних дел задач по выявлению и документированию незаконного сбыта лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, требует систематического сбора информации из различных источников и ее своевременного анализа.

Меры, необходимые для разрешения существующих проблем, должны не только иметь системный характер, но и способствовать усовершенствованию применения должностными лицами органов внутренних дел специальных знаний и методик. Практика решения задач, связанных с выявлением и документированием незаконного сбыта лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, свидетельствует о необходимости усовершенствования существующих алгоритмов.

Литература

1. Бушуев И. В., Петров М. В., Довгань Е. А. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту наркотикосодержащих лекарственных препаратов в розничной аптечной сети // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. № 3. Т. 1.
2. Косарев С. Ю. Преступления, связанные с сильнодействующими и ядовитыми веществами: криминалистическая характеристика и особенности расследования. СПб, 2004.

* URL: <https://pravo.ru/news/208969/>

УДК 343.63

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Илья Викторович Никитенко, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный юридический институт МВД России
dfvnii@mail.ru

Наталья Васильевна Подгорная, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный юридический институт МВД России

Аннотация

В статье рассмотрены особенности уголовно-правовых систем Исламской Республики Иран и Турецкой Республики относительно ответственности за преступления сексуального характера, проанализированы основные отличия от соответствующих положений отечественного уголовного права; сформулирован ряд авторских суждений и выводов о специфике законодательной регламентации рассматриваемых правовых институтов в указанных странах.

Ключевые слова: Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран, уголовное законодательство Турции, половая неприкосновенность и половая свобода

CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE INDIVIDUAL IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF SOME COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST REGION AND CENTRAL ASIA

Ilya V. Nikitenko, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of criminal law and criminology, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Natalia V. Podgornaya, senior lecturer of the Department of criminal law and criminology, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract

By means of a private comparative analysis of the criminal legal systems of the Islamic Republic of Iran and the Republic of Turkey, which provide for liability for sexual crimes in the context of clarifying differences from the relevant provisions of domestic criminal law, a number of author's judgments and conclusions about the peculiarities of the legislative regulation of the legal institutions under consideration are formulated.

Keywords: Law on Islamic Criminal Penalties of the Islamic Republic of Iran, criminal legislation of Turkey, sexual integrity and sexual freedom

В продолжение аналитического обзора законодательных норм о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности некоторых стран ближневосточного региона и Центральной Азии, начатого компаративным анализом Закона об уголовном праве Израиля [1, с. 22], целесообразно обратить внимание на соответствующие положения уголовного законодательства Турции и Ирана.

Как было отмечено в предыдущих публикациях, выбор этих государств не случаен, поскольку уголовные законы этих стран отображают все многообразие уголовно-правовых систем, доминирующих в Центрально-Азиатском и Ближневосточном регионах.

В связи с этим целесообразно напомнить, что уголовное законодательство Израиля формировалось под влиянием правовых обычаев иудаизма и тех правовых систем, которые в разные исторические периоды господствовали на землях Палестины. Уголовное право Турецкой Республики в своем развитии также не миновало канонического влияния ислама, однако в период формирования светского государства турецкое законодательство заимствовало черты романо-германской правовой системы. Однако, вопреки логике развития правовых систем современных Израиля и Турции, связанной с постепенным переходом от правовых канонов иудаизма и ислама к правовым системам светской государственности, в праве современного Ирана наблюдается обратный процесс отказа от светских реформ, начатых в начале XX в., и возврат к принципам шариатского права. Кроме того, в отличие от Израиля и Турции – государств с широкими международными связями и высокой динамикой миграционных процессов, правовая система Исламской Республики Иран развивается в условиях относительной изоляции, что значительно снижает возможности внешнего воздействия на правовую политику этого государства.

Контраст социальных, идеологических, политических и других факторов, влияющих на различия в рассматриваемых правовых системах, а также близость географического положения этих стран обуславливают повышенный интерес к подобным исследованиям.

Характеризуя уголовное право Ирана относительно преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, целесообразно напомнить, что главным источником правовых канонов и норм, образующих Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран [2], являются законы шариата*. В обобщенной форме уголовное законодательство этого государства можно представить как свод уголовно-правовых предписаний и запретов, юридическое содержание которых основано на исламских религиозных законах. Подтверждается это многочисленными ссылками, используемыми при описании конкретных уголовно-правовых деяний. Одним из таких примеров является описательная диспозиция ст. 63 названного закона. Данная норма содержит описание прелюбодеяния, которое в исламе определено как «зина» – разновидность половых сношений, находящаяся под запретом исламского религиозного закона. Аналогичные ссылки на законы шариата содержат правовые положения ст. 85 и 101, в первой из которых упоминается о временных критериях прекращения брачных отношений, а во второй – закреплены обязанности судьи по поводу исполнения уголовного наказания за прелюбодеяние. При этом указанные примеры не являются исключением, наоборот, подобные корреспондирующие нормы весьма распространены в уголовном законодательстве Ирана.

Следует отметить, что такая законодательная практика имеет место и в других мусульманских странах, правовые системы которых построены на основе законов шариата. Прежде всего к таким государствам относятся Арабские Эмираты, Афганистан, Ирак, Ливия, Пакистан и Саудовская Аравия. Данное обстоятельство существенно влияет на уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности в этих странах, так как законодательные положения об уголовной ответственности за такие деяния должны полностью соответствовать религиозным запретам. Вместе с тем известно и то, что принятые в исламе каноны относительно половых отношений во многом отличаются от светских обыденных правил, которые представляются как критерии половой нравственности в большинстве светских государств. Иными словами, нормы шариата, а следовательно, и основанные на этих нормах положения уголовного законодательства могут объявлять вне закона деяния, которые не признаются преступными в странах с альтернативными правовыми системами.

* Законы шариата – свод религиозных исламских законов закрепленных в Коране и других религиозных источниках.

В связи с этим целесообразно напомнить о том, что законы шариата, а соответственно и основанные на этих законах правовые системы, закрепляют в качестве преступлений против половой нравственности половые сношения между мужчиной и женщиной при обстоятельствах, которые противоречат нормам исламских религиозных законов.

Особенностью уголовного законодательства Исламской Республики Иран является то, что на фоне столь широкой криминализации в сфере половых отношений фактически отсутствуют составы преступлений, в описании объективной стороны которых содержится непосредственный уголовно-правовой запрет на какое-либо насилие или угрозу его применения в связи с совершением действий сексуального характера.

Вероятно, что уголовно-правовой запрет на сексуальное насилие основан на согласии вступления в половую связь или на его отсутствии, а также на осознании и осведомленности о правом и фактическом содержании совершаемых деяний.

Обоснование данного предположения построено на распространенности в соответствующих положениях Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран следующих правовых дефиниций: «при отсутствии добросовестного заблуждения обеих сторон относительно дозволенности совершенного деяния» (ст. 63); «прелюбодеяние подлежит нормированному наказанию при условии, если оно совершено по собственной воле совершеннолетним вменяемым лицом» (ст. 64); «заявление лицом о том, что оно совершило прелюбодеяние по ошибке или незнанию» (ст. 66); «заявление лицом о том, что оно совершило прелюбодеяние по принуждению» (ст. 67).

Примечательно, что на фоне законодательной конкретизации условий преступности и наказуемости рассматриваемых деяний в уголовном законодательстве Ирана отсутствуют уголовно-правовые дефиниции о сексуальном насилии, как это принято в романо-германском либо англо-саксонском праве. Вместе с тем очевидно, что подобные правовые запреты содержатся в религиозных канонах, на которых основано шариатское право и уголовное право Ирана в частности.

Данная особенность рассматриваемой уголовно-правовой системы обусловлена еще и тем, что в ней фактически отсутствуют юридические нормы, законодательная техника и смысловая конструкция которых основана на классических принципах описания тех или иных составов преступлений с относительной конкретизацией их объективных и субъективных признаков.

Вместе с тем необходимо отметить, что основанные на законах шариата правовые нормы вовсе не исключают объективные и субъективные обстоятельства, характеризующие те или иные преступления. Однако можно предположить, что упоминание о подобных обстоятельствах лишь дополняет юридическое содержание описанного в законе явления, но не представляет его правовую модель, как это принято, например, в иных правовых системах, в которых признание преступности и наказуемости деяний полностью зависит от наличия в уголовном законе соответствующего состава преступления. В связи с этим следует напомнить о том, что именно по такому принципу организована отечественная уголовно-правовая система, в которой основанием уголовной ответственности является совершение деяния, соответствующего всем признакам определенного уголовным законодательством состава преступления.

В отличие от уголовно-правовых систем, соответствующих законодательным принципам так называемого светского права, уголовное право Ирана, как, впрочем, и некоторые другие правовые системы, основанные на нормах шариата, не предусматривает ответственности за такие преступления, как изнасилование либо насильственные действия сексуального характера. Данная правовая особенность связана с тем, что уголовно-правовые запреты, основанные на соответствующих религиозных нормах, относятся к сексуальному насилию. В подобных условиях любые формы сексуального насилия подлежат уголовной ответственности, как и другие половые сношения (прелюбодеяние), запрещенные религиозным законом под страхом наказания [3, с. 280].

Такая особенность представляется как обобщенная форма уголовно-правового запрета на различные деяния сексуального характера, противоречащие нормам ислама, включая и те половые сношения, которые совершены вопреки свободному волеизъявлению потерпевших лиц.

Данное предположение следует из смысла ст. 64 Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран, в которой сформулировано условие уголовной ответственности за подобные деяния. Так, на основании указанной нормы лицо, совершившее акт прелюбодеяния, подлежит наказанию при условии, если это деяние «совершено по собственной воле совершеннолетним вменяемым лицом, которое осознавало правовые последствия своих действий».

Таким образом, иранский законодатель делает акцент не только на самом факте прелюбодеяния, но и на возможности исключения наказуемости, а следовательно, и преступности деяния лиц, лишенных свободы волеизъявления при совершении полового акта.

Можно предположить, что с позиции иранского законодателя подобные нарушения половой свободы личности, как и в отечественном уголовном праве, могут быть осуществлены в разных формах, таких как непосредственное физическое насилие или угроза его применения к потерпевшим или другим лицам либо использование беспомощного состояния потерпевших. Однако необходимо отметить, что прямые указания на признаки, формирующие объективную сторону сексуального насилия, как это принято в уголовно-правовых системах романо-германского или даже англосаксонского (прецедентного) права, в уголовном законодательстве Ирана отсутствуют. Вероятно, что подобный подход к законодательному описанию уголовно-правовых свойств преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности характерен и для других стран, уголовно-правовые системы которых основаны на принципах шариатского права.

Примечательно, что на фоне максимально обобщенного описания объективных признаков в законодательстве Ирана отмечается более предметный подход к уголовно-правовой регламентации основных признаков субъекта преступления, которые закреплены в нормах, содержащих юридические составы рассматриваемых деяний.

Очевидно, что в ранее упомянутой норме ст. 64 Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран среди основных условий, допускающих уголовную ответственность в форме «нормированного наказания», называются совершеннолетие и вменяемость виновного в прелюбодеянии. Кроме того, иранский законодатель обращает внимание на осведомленность виновного «о правовых последствиях своих действий».

Вероятно, что данное правовое условие может противоречить распространенному в иных правовых системах принципу «презумпции знания закона», правовой смысл которого отображает известная юридическая формула «незнание закона не освобождает от ответственности». Приведенный же пример из иранского законодательства дает основания полагать, что подобная правовая дефиниция основана на принципе, имеющем противоположное значение – «незнание закона освобождает от ответственности». Однако необходимо учитывать то, что данное предположение может быть признано безупречным при условии отсутствия смысловых изъянов, вызванных неточностью перевода комментируемых норм.

С опорой на мнения других авторов, исследовавших вопросы ответственности за половые преступления в уголовном праве мусульманских стран, можно прийти к выводу, что изнасилование может быть признано актом прелюбодеяния в отношении потерпевшей, оправданием которой является принуждение к совершению полового акта.

Мусульманские юристы с самого раннего периода исламского права соглашались с тем, что исполнители изнасилований должны подвергаться наказанию, но наказание не должно назначаться жертвам принудительного или бесконтактного прелюбодеяния [4, с. 88–96].

Таким образом, шариатское право не содержит правовых дефиниций, аналогичных современной концепции изнасилования, которая имеет место в иных системах светского права. С определенной долей вероятности можно утверждать, что под изнасилованием в мусульманском праве понимается нарушение свободы волеизъявления в половых отношениях.

В связи с этим вполне обосновано суждение о том, что в общинных и патриархально ориентированных обществах поздней античности сексуальность женщины была истолкована как нечто контролируемое ее законным опекуном или владельцем, а не ею самой. Поэтому «категория принудительного сексуального нарушения не была четко дифференцирована от других категорий, таких, как консенсуальное нарушение сексуальных норм (соблазнение)» [5 с. 281].

Многие преступления сексуального характера совершаются в насильственной форме, включая непосредственное физическое воздействие или психическое принуждение, а также угрозу причинения вреда в будущем. Даже ранние источники шариатского права за принуждение к акту прелюбодеяния предусматривали самые суровые наказания, однако жертвы подобных деяний наделялись специальной «процессуальной привилегией», согласно которой действовал особый порядок обвинения насильников. Ярким примером законодательного воплощения подобных канонических норм сегодня является положение ст. 67 Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран, согласно которому «заявление лица о том, что совершило прелюбодеяние по принуждению, принимается судом при отсутствии доказательств обратного».

Вероятно, что данное положение призвано не только закрепить частнопубличный порядок обвинения, но и утвердить «презумпцию виновности» в отношении насильника. И если следовать логике расширительного толкования данной нормы, то после подачи заявления об изнасиловании предполагаемый виновник должен был доказывать свою невиновность. Таким образом, законодательство Ирана априори поддерживает сторону обвинения, возлагая бремя доказывания невиновности на самого обвиняемого или же тех, кто поддерживает его защиту в суде. Существует мнение, что данное обстоятельство может повысить риски ложных обвинений. Однако справедливости ради необходимо отметить и то, что уголовно-правовым мерам, препятствующим подобным обвинениям, посвящена самостоятельная глава названного закона. Например, за ложное обвинение в прелюбодеянии предусмотрено суровое телесное наказание.

Подводя итог краткому аналитическому обзору уголовного законодательства Ирана об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, целесообразно отметить, что в общем и целом иранский законодатель предусматривает уголовную ответственность за все известные светским правовым системам разновидности сексуального насилия. Однако необходимо обратить внимание и на то, что на фоне предусмотренной иранским законодателем ответственности за разные вариации сексуального поведения, которые не образуют преступности и наказуемости деяний в большинстве светских государств, сексуальное насилие представлено как одно из отягчающих обстоятельств.

Переходя к аналитическому обзору уголовного законодательства Турции, целесообразно напомнить, что именно Турецкая Республика является одним из современных примеров эволюции уголовного права, основанного на законах шариата, в светскую правовую систему.

Все составы преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, определенные турецким законодателем в Уголовном кодексе, сгруппированы в книге второй «Специальные положения», главе второй «Преступления против личности», главе шестой «Преступления против сексуальной неприкосновенности».

Подчеркнем, что относительно рассматриваемой группы преступлений, в отличие от УК РФ, УК Турецкой Республики в качестве правоохраняемого объекта называется только половую неприкосновенность личности без указаний на ее половую свободу.

Представляется, что это лишь одна из особенностей правовых дефиниций, заключающаяся в наделении феномена «половая неприкосновенность личности» более широким смыслом, чем это имеет место в отечественном уголовном законодательстве. В связи с этим уместно провести параллель с рассматриваемым выше законом Ирана, в котором также не упоминается о половой свободе личности, что, скорее всего, свидетельствует о влиянии мусульманского права на формирование уголовного законодательства Турции.

Примечательно, что в УК Турецкой Республики глава о преступлениях против сексуальной неприкосновенности личности начинается ст. 102, которая содержит норму об ответственности за сексуальное насилие. Здесь мы видим аналогию с отечественным уголовным законодательством, так как соответствующая глава УК РФ (гл. 18) также открывается составом преступления «Изнасилование».

Однако в отличие от принятой отечественным законодателем практики давать более или менее развернутое описание основных характеристик соответствующих деяний, статья 102 УК Турецкой Республики не содержит каких-либо разъяснений относительно названного преступления. Так, в ч. 1 комментируемой нормы определено: «Любое лицо, нарушающее телесную неприкосновенность другого человека в результате сексуального поведения, наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет по жалобе жертвы» [6].

Сопоставляя данное положение с иными нормами рассматриваемой главы, можно предположить, что это и есть основной состав по отношению к другим насильственным преступлениям сексуального характера. Однако из его буквального толкования следует, что под сексуальным насилием следует понимать любые действия сексуального характера против воли потерпевшего, нарушающие его право на телесную неприкосновенность. Однако не совсем понятно, что именно понимает турецкий законодатель под «телесной неприкосновенностью» и какое именно «сексуальное поведение» нарушает право на неприкосновенность тела. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать «нарушением телесной неприкосновенности» отличные от полового акта действия, но по своему характеру также имеющие сексуальную направленность?

В поиске ответов на поставленные вопросы целесообразно обратить внимание на ч. 2 комментируемой нормы, в которой упоминается еще одно действие сексуального характера, выражающееся в «растлении». Так, «если сексуальное поведение остается на уровне растления, назначается тюремное заключение сроком от двух до пяти лет», что значительно меньше санкции, предусмотренной за деяние, названное в ч. 1 рассматриваемой нормы. Следовательно, сексуальное «растление» и есть одно из проявлений преступного «сексуального поведения», но в отличие от полового акта исключаящее непосредственный генитальный контакт насильника и жертвы.

В отечественном законодательстве подобные действия предполагают уголовную ответственность как за изнасилование (ст. 131 УК РФ) или иные насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), но только в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста.

Вероятно, предусмотренное ст. 102 УК Турецкой Республики деяние в форме «растления» можно сопоставить с преступлением, предусмотренным ст. 135 УК РФ, – «развратные действия». Однако, в отличие от турецкого законодательства, среди потерпевших от указанного преступления могут быть лица, не достигшие 16-летнего возраста.

Можно предположить, что уголовное законодательство Турции к жертвам «растления» относит любых лиц, в отношении которых без их согласия совершаются действия сексуального характера, отличающиеся от обычного полового акта. В целом же подобные деяния можно определить как противоречащие общепринятым нормам в сфере половых отношений развратные действия.

В части 2 ст. 102 УК Турецкой Республики, по аналогии с отечественным законодательством, представлен квалифицированный состав преступления, в котором перечислен ряд

обстоятельств, отягощающих уголовную ответственность. Так, «деяние путем помещения полового органа или другого предмета в тело жертвы подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не менее двенадцати лет. Если этот акт совершен против супруга, расследование и судебное преследование зависят от заявления жертвы».

Очевидно, что данная норма, в отличие от ч. 1, конкретизирует объективную сторону сексуального насилия. Однако упоминание о том, что совершение подобного деяния в отношении супруга подлежит ответственности только при заявлении жертвы, вызывает вопрос относительно ч. 1, где, судя по всему, предусмотрен частнопубличный порядок обвинения.

Примечательно, что глава 6 УК Турецкой Республики, объединяющая уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления против половой неприкосновенности личности, содержит наименьшее количество статей. Вместе с тем следует отметить, что две из четырех статей данной главы содержат положения об уголовной ответственности за половые преступления в отношении несовершеннолетних. Так, статья 103 УК Турецкой Республики предусматривает уголовную ответственность за сексуальное насилие над детьми, а в ст. 104 определена ответственность за половой акт с несовершеннолетним.

Завершает главу статья 105 «Преступления против половой неприкосновенности», которая содержит описание состава преступления об ответственности за сексуальное домогательство. Данная норма имеет схожие признаки со ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера».

Литература

1. Никитенко И. В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в уголовном законодательстве Израиля // Вестник ДВЮИ МВД России. 2022. № 3(60).
2. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / пер. с перс. М. С. Пелевина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 343 с.
3. Манна А. К., Игнатова М. А. Половые преступления в уголовном праве мусульманских стран // Евразийский юридический журнал. 2019. № 128.
4. Петровский А. В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – 109 с.
5. Манна А. К., Игнатова М. А. Указ. соч.
6. Уголовный кодекс Турецкой Республики от 26.09.2004 (с изм. и доп.). URL: <https://av-saimincekas.com/tu/zakony/TKK-TURK-уголовное-право>.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.9

ПОСЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ, КАК СИСТЕМА ДЕЙСТВИЙ ПО ЗАКРЕПЛЕНИЮ ДОБЫТЫХ РАССЛЕДОВАНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РАСШИРЕНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ

Евгений Владимирович Чиненов, кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород
Chinenovevg@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены ключевые вопросы последующего этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. Выделены задачи, предложены типовые программы действий следователя по их разрешению.

Ключевые слова: расследование преступлений, преступления в сфере экономики, железнодорожный транспорт

THE SUBSEQUENT STAGE OF THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT AND TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES, AS A SYSTEM OF ACTIONS TO CONSOLIDATE THE EVIDENCE OBTAINED BY THE INVESTIGATION AND EXPAND THE EVIDENCE BASE

Evgeny V. Chinenov, *kandidat nauk*, degree in Economic, associate professor, head of the Department of criminalistics, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod

Abstract

The article discusses the key issues of the subsequent stage of the investigation of crimes in the field of economics committed on railway transport. Tasks are highlighted, standard programs of actions of the investigator for their resolution are proposed.

Keywords: crime investigation, economic crimes, railway transport

Не менее важным периодом в работе по уголовному делу, имеющим выраженную криминалистическую специфику, является последующий этап расследования. По своему значению он считается решающим [1]. Предопределяя результат предварительного расследования, предшествуя предстоящему рассмотрению уголовного дела в суде, данный этап требует пристального внимания к его организации и производству, а потому предполагает должное методическое обеспечение.

Следуя логике проводимого нами комплексного исследования, рассмотрим содержание последующего этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, сосредоточив внимание на подлежащих разрешению основных задачах и соответствующих им программах действий следователя.

Обозначив цель данного этапа – полное и всестороннее доказывание всех обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, сквозь призму следственных ситуаций, предпримем попытку выделить в сложившейся следственной практике черты, индивидуализирующие данный ограниченный период расследования с кратким описанием особенностей тактики отдельных действий субъекта расследования. Впоследствии проведенная работа позволит ввести искомое в систему формируемой криминалистической методики.

Задачи последующего этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, обладают следующей спецификой.

1. Относительная определенность условий задач

Этап отличается достаточностью необходимых криминалистических данных о событии преступления и его участниках, о способе преступления, о следах и пр. В комплексе, определенность таких сведений позволяет находить оптимальные методы разрешения складывающихся следственных ситуаций, обеспечивая их преобразование в ситуации завершения расследования. Развернутому, последовательному, методичному доказыванию способствует программирование (алгоритмизация) типовых тактических решений последующего этапа расследования.

2. Информационная обеспеченность этапа

Ход последующего этапа расследования, так же, как и первоначального, всецело зависит от информационного обеспечения. В то же время на последующем этапе криминалистическая информация, находящаяся в распоряжении субъекта расследования, характеризуется бóльшим объемом, а ее содержание – конкретностью, целенаправленностью, упорядоченностью, доказательственной силой, разнообразием процессуальных форм [2]. Такое положение диктует необходимость перехода от эвристического метода ведения расследования, свойственного первоначальному его этапу, к методу дискурсивному [3; 4, с. 19]. Он в современной криминалистике имеет эпистемологические предпосылки, что подтверждается ведущимся научным поиском по обоснованию собственных теоретических моделей, разработке методологии, определению специфических аналитических приёмов [5]. Перспективность применения методов дискурс-анализа криминалистической информации на последующем этапе можно объяснить следующими наблюдениями:

– основанные на достоверной информации рассуждения и доводы, как интуитивные, так и принимаемые на основе последовательных и логичных доказательств, позволяют с достаточной долей уверенности разрешать проблемность складывающихся ситуаций расследования;

– развитие следственных ситуаций расследования и соответствующих им действий следователя связано с достижением цели критического исследования и проверки информации, доказательств, изобличающих преступника, собирания недостающей информации, выявления дополнительных доказательств, эпизодов, сведений о соучастниках преступления, установления обстоятельств, способствовавших его совершению.

3. Направленность деятельности следователя

В отличие от первоначального этапа расследования, где в большей степени требовались поисковые, интуитивные, эвристические способности следователя, на последующем этапе расследования на первый план выходят:

- а) тактические и коммуникативные способности субъекта расследования [6; 7];
- б) знание психологии и системное использование специальных знаний из различных областей науки (экономики, производственных процессов железнодорожного транспортного производства, сферы обслуживания и пр.) [8; 9; 10].

В целом данный период характеризуется значительным преобладанием процессуальных действий, в перечне которых допросы, обыски, очные ставки, проверка показаний на месте, предъявление для опознания, экспертизы, предполагающие необходимость использования специальных знаний в той или иной форме. Направленность деятельности субъекта расследования от поисково-познавательной переходит в познавательно-исследовательскую, доказательственную, в системе которой доминирует обладающая выраженной спецификой деятельность по закреплению доказательств и расширению доказательственной базы.

Особенности закрепления доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, заключаются в специфике запечатления сведений, предметов, следов, имеющих доказательственное значение, в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. В частности, это касается:

- использования специальной терминологии при описании в соответствующих протоколах следственных и иных процессуальных действий [11];
- специфики перемещения к местам происшествий на объектах железнодорожного транспорта и транспортной инфраструктуры, осуществления фото- и видеосъемки и пр. [12];
- составления планов и схем, содержащих элементы железнодорожного транспорта и его инфраструктурных объектов, моделирования происходящих в отрасли производственно-технологических процессов в ограниченной системе координат пространства и времени [13].

Анализ существующих проблем предварительного расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, позволил определить возможные пути расширения доказательственной базы по уголовным делам выделенной категории. Таковыми могут явиться:

- совершенствование криминалистического обеспечения процесса доказывания [14];
- применение в доказывании экономической и производственно-технологической, нормативно-справочной и иной информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности, работы специалистов и экспертов, взаимодействия с работниками железнодорожных транспортных организаций, пользования отраслевыми цифровыми и специальными справочными ресурсами [15].

4. Многоцелевой характер задач этапа

Задачи, решаемые на данном этапе содержат множество целевых показателей, или критериев. В их числе:

- раскрытие преступления в случаях, когда это не было осуществлено на первоначальном этапе, например, ввиду многоэпизодности преступления, длительности проведения ревизий, судебных экспертиз и пр.;
- обобщение, анализ и оценка всех имеющихся доказательств;

- продолжение сбора доказательственной информации (в случае необходимости);
- выявление всех участников преступления;
- установление дополнительных эпизодов преступной деятельности;
- изучение личности обвиняемого;
- преодоление противодействия расследованию.

Решение обозначенных задач предполагает соблюдение обязательного требования планирования расследования – индивидуальности. Каждое уголовное дело о преступлениях в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, обладает характерными, неповторимыми особенностями, что заставляет субъекта расследования искать такой план, при котором система целевых показателей и критериев обеспечивала бы наиболее эффективное решение задач расследования.

5. Проблемность ситуаций, возникающих на основе психологического воздействия на обвиняемого либо во взаимоотношениях между соучастниками преступления

Работу следователя на последующем этапе отличает необходимость преодоления определенных трудностей, объясняющих проблемный характер ситуаций последующего этапа расследования. В их ряду: логико-психологические, связанные преимущественно с познавательно-исследовательской деятельностью субъекта расследования; организационные, касающиеся упорядочения имеющейся доказательственной информации и создания условий для качественного окончания расследования. Их содержание обуславливает существование особой разновидности проблемных ситуаций – «проблемно-конфликтных» [16, с. 8]. Характеризуются эти ситуации устойчивым переплетением отношений по закреплению добытых расследованием доказательств, расширению доказательственной базы, непосредственному доказыванию преступления, преодолению противодействия расследованию. Разрешение таких ситуаций требует от следователя наличия необходимых теоретических знаний, практического опыта организации расследования, умения пользоваться наряду с эвристическими, исследовательскими приемами, методами версионной работы, обладания особой следственной интуицией.

Появление логико-психологических трудностей в расследовании, влияющих на степень проблемности ситуаций последующего этапа, зависит от следующих факторов:

а) в основном латентный характер многих признаков и свойств искомых объектов. Касается он в первую очередь специфических следов преступлений в сфере экономики, их признаков; особенностей познания способа преступления (приготовления, непосредственного совершения, сокрытия) – во вторую; установления используемых орудий и средств – в третью;

б) существование ситуаций множественного объяснения одного и того же явления. Так, например, превышение норм расходования топлива и горюче-смазочных материалов в локомотивном депо может быть предположительно объяснено следующими версиями: недостатками в первичном учете; проведенными незапланированными работами (выходами на линию); нарушениями в работе топливных систем тепловозов; хищениями, осуществляющимися машинистами в период их рабочих смен;

в) преимущественно конфликтный характер этапа расследования, существенно осложняющий получение доказательств в связи с негативной позицией и противодействием участников уголовного судопроизводства (прежде всего обвиняемых, должностных лиц железнодорожных транспортных организаций и др.).

Для устранения конфликтных ситуаций наряду с известными тактическими приемами (мотивация лиц, оказывающих противодействие, на принятие невыгодных для них решений; применение тактико-психологических приемов, направленных на установление причастности к преступлению или осведомленности о нем; на преодоление или нейтрализацию пассивного противодействия расследованию; на нейтрализацию или ликвидацию активного противодействия) [17] нами предлагается:

- целенаправленное предъявление доказательств с созданием мнения высокой степени осведомленности следователя о специфике функционирования железнодорожного транспорта;
- использование в процессе доказывания информации, получаемой от работников железнодорожной транспортной отрасли, из отраслевых информационных ресурсов (например, через корпоративные сети ОАО «РЖД», сеть «Интернет»); от сотрудников подразделений уголовного розыска, ЭБиПК, БППГ, специалистов;
- применение специализированных тактических комплексов (тактических операций и комбинаций).

6. Тактические особенности действий на последующем этапе расследования

Все действия на последующем этапе расследования, так или иначе, связаны с проверкой версий. Отдельные из них всецело определяются спецификой версий, другие имеют относительно самостоятельное значение. К рассматриваемым действиям следует отнести те, которые связаны с выполнением обязательных предписаний закона: предъявление обвинения и допрос в качестве обвиняемого; действия по возмещению ущерба; получение данных, характеризующих личность обвиняемого; ознакомление обвиняемого и других лиц с материалами дела; выполнение ходатайств.

Особую категорию действий составляют информационно-справочные. В их числе:

- проверка по различным видам учетов (оперативным; оперативно-справочным; розыскным; экспертно-криминалистическим; профилактическим; административным);
- направление отдельных требований и запросов в различные организации, отдельных поручений;
- изучение архивных материалов и уголовных дел.

Проанализировав каждую версию и наметив вопросы, которые по ней должны быть разрешены с учетом стоящих задач, на последующем этапе расследования следователь определяет, какие действия предпринять для разрешения этих вопросов, в какой последовательности и в какие сроки их провести. В этих целях рекомендуется систематизировать и оценивать собранные материалы, уточнять планы расследования, составлять различные схемы и таблицы, назначать специальные экспертные исследования, осуществлять производство допросов обвиняемых и очных ставок с их участием, проводить опознание, следственные эксперименты, проверку показаний на месте. Указанные действия не только закрепят добытые расследованием доказательства, но и обеспечат расширение доказательственной базы совершенного преступления.

Для быстрого и качественного решения задач последующего этапа расследования типовой план следственных действий по уголовному делу считаем необходимым дополнить вопросами, требующими обязательного разрешения в связи с возникшей проблемной ситуацией. В частности, это:

- проведение повторного осмотра места происшествия, прилегающей территории инфраструктурных объектов организаций железнодорожного транспорта, где был обнаружен факт хищения;
- подробные допросы эксперта-бухгалтера;
- через администрацию организации железнодорожного транспорта проверка и уточнение информации об учетном объекте;
- назначение повторной судебно-бухгалтерской экспертизы.

Обобщая сложившуюся следственную практику, отметим, что в целом на последующем этапе расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, в перечне следственных действий доминируют те, производство которых на начальном этапе было либо невозможно, либо нецелесообразно (например, очная ставка, проверка показаний на месте). Отличает также этап необходимость осуществления значительного количества специальных экспертных

исследований, в том числе повторных либо дополнительных, причем помимо традиционных экспертиз, которые избираются при расследовании экономических преступлений, производятся идентификационные криминалистические, психиатрические и др. В ряде случаев они могут быть комплексными, требующими от следователя специальных знаний.

Системное изучение задач, решаемых на последующем этапе расследования, позволило классифицировать их исходя из информационного критерия, в частности в зависимости от объема криминалистической информации и степени ее достоверности. Такой подход позволит нам содержание задач последующего этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, раскрыть через типовые следственные ситуации и алгоритмы действий следователя.

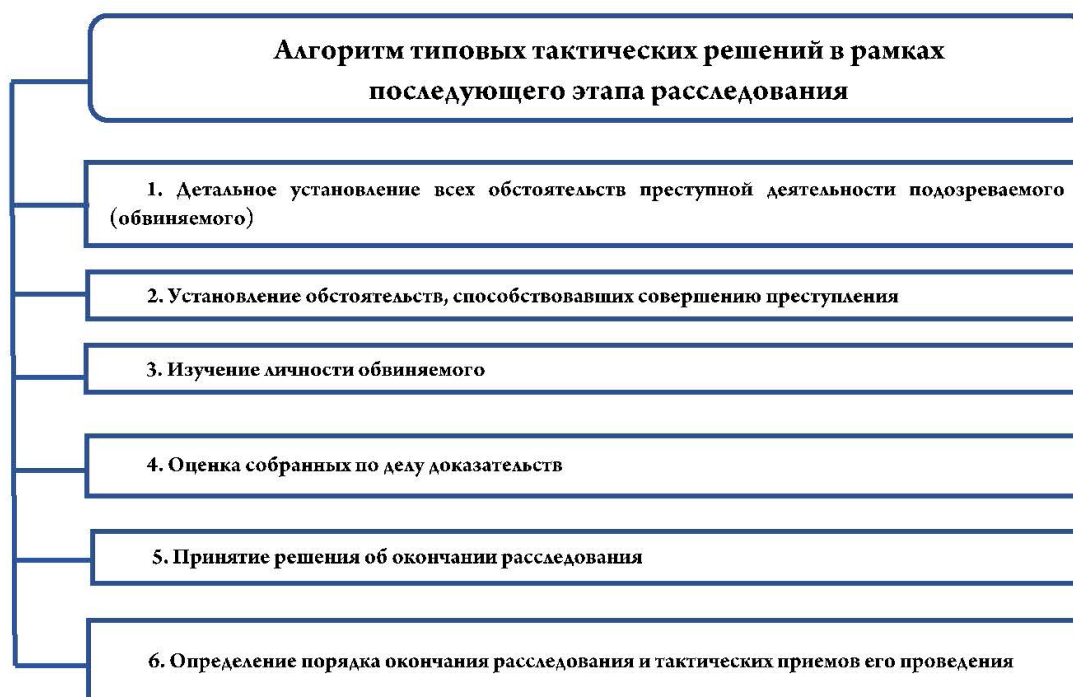
В наиболее общем виде следственные ситуации последующего этапа расследования можно охарактеризовать следующим образом.

1. По преступлениям, имеющим материальный объект (предмет) преступного посяательства, следственные ситуации предлагается дифференцировать на два подкласса: простые, благоприятные (например, ст. 158 УК РФ); сложные, неблагоприятные (например, ст. 159, 160 УК РФ).

2. По преступлениям, не имеющим материального объекта (предмета) преступного посяательства, следственные ситуации в большинстве своем сложные, неблагоприятные (гл. 22, 23 УК РФ).

Сложные (неблагоприятные) следственные ситуации дифференцируются на проблемные, конфликтные и проблемно-конфликтные. Их разрешение достигается применением различных приемов, основанных на версионном методе, интуитивном следственном методе, использовании рефлексивных рассуждений, приемов информационного маневрирования и законного психологического воздействия с обязательным использованием специальных знаний.

Решению задач последующего этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры способствует алгоритмизация тактических решений.

Заканчивается последующий этап окончанием следствия и подведением итогов расследования. На основе аналитической и процессуально-оценочной деятельности следователем систематизируется доказательственная информация, окончательно формулируется и выражается в процессуальных документах внутреннее убеждение следователя по каждому из обстоятельств дела, по каждому собранному доказательству. Для этого решаются две группы задач:

1) проведение необходимых для завершения расследования организационных и организационно-технических мероприятий (например, направленных на преодоление противодействию расследованию), иницируемых надзирающим транспортным прокурором либо рекомендованных руководителем следственного подразделения дополнительных следственных действий, обеспечение удовлетворения ходатайств обвиняемого либо его защитника;

2) аналитическая работа следователя, включающая: анализ всей совокупности доказательств по уголовному делу; систематизацию и оформление материалов дела; последовательное выполнение процессуальных требований, связанных с окончанием следствия путем составления обвинительного заключения; разрешение заявленных ходатайств; составление обвинительного заключения.

Для этого алгоритм действий следователя подчиняется цели проверки и систематизации материалов уголовного дела, порядка ознакомления с материалами дела заинтересованных лиц, составление обвинительного заключения и прилагаемых к нему документов.

Подводя итог, отметим следующее.

1. Систематизация расследования является важным условием эффективной организации и планирования процесса доказывания, успешного взаимодействия следователя с оперативными работниками, специалистами и экспертами. В основе систематизации расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, лежит структурно-системный подход, который позволяет рассматривать деятельность по расследованию преступлений как взаимосвязанную, взаимообусловленную совокупность частей, каждая из которых вытекает из предыдущей как логическое следствие ее причин, влияет на эффективность расследования и объективность итогового результата.

2. Ориентируясь на положения, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве, некоторые научные исследования [18, с. 129; 19, с. 48; 20, с. 18], с учетом сложности и специфики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, предварительное их расследование целесообразно разделить на два этапа: первоначальный – от возбуждения уголовного дела до предъявления обвинения и последующий – от последнего и до окончания следствия.

3. Успех реализации последующего этапа в значительной мере зависит от эффективной организации работы следователя на этапе первоначальном, от достаточности информации, что придает действиям по закреплению добытых расследованием доказательств и расширению доказательственной базы системность, а процессу расследования – большую целенаправленность.

Литература

1. Герасимов И. Ф. Этапы раскрытия преступления // Следственные ситуации и раскрытие преступлений: сб. науч. тр. Свердловск, 1975. С. 5–25.
2. Антонов А. Е. Источники криминалистически значимой информации, используемые при расследовании преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // ППА. 2017. № 3. С. 93–98.
3. Криминалистика: учебник / И. Ф. Герасимов [и др.]; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 2000. – 672 с.
4. Йоргенсен М. В., Филиппс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
5. Котов В. В. Дискурсивно-оценочный метод как технологическая инновация в криминалистике // Официальный сайт Института экосоциальных технологий. URL: <https://ist.ast.social/menu-news/672.html>
6. Центров Е. Е. О парадигме криминалистической тактики и ее основных понятиях // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 1. С. 79–98.

7. Горшкова Н. Д. Коммуникативные технологии в расследовании преступлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11–4. С. 68–71.
8. Грибунов О. П., Малыгина Е. А. Современные проблемы методики расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта // ГлаголЪ правосудия. 2015. № 2 (10). С. 50–53.
9. Мерецкий Н. Е., Родина О. М. Особенности расследования преступлений на железнодорожном транспорте в условиях Дальнего Востока // Современные проблемы развития образования и права: сб. мат-лов всерос. молодеж. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию ДВГУПС; под общ. ред. С. Е. Туркулец и Е. В. Листопадовой. Хабаровск – Южно-Сахалинск: ДВГУПС, 2017. С. 234–239.
10. Гелюс Т. Ф., Пудовиков А. С. Расследование преступлений экономической направленности: учеб.-практ. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2019. – 88 с.
11. Чиненов Е. В., Шукин В. И. Использование специальных знаний при расследовании экономических преступлений, совершаемых в сфере капитального строительства объектов и систем железнодорожного транспорта // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. № 4 (7). С. 21–25.
12. Чиненов Е. В., Чернышёв С. А. Повышение мобильности следственно-оперативной группы за счет использования специального транспорта // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). С. 110–116.
13. Чиненов Е. В., Шукин В. И. Пространственно-временные связи в расследовании экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 48–51.
14. Чиненов Е. В., Шукин В. И. Криминалистическое обеспечение как элемент организации расследования экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Вестник КРУ МВД России. 2019. № 1 (43). С. 45–50.
15. Чиненов Е. В., Шукин В. И., Скоморохов О. Н. Оперативно-розыскное сопровождение раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 307–311.
16. Драпкин Л. Я. Проблемные ситуации и основные методы их разрешения в процессе расследования // Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1978. Вып. 72. С. 6–17.
17. Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2011. – 147 с.
18. Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. – 511 с.
19. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. – 277 с.
20. Филиппов А. Г. Этапы расследования преступлений как категория криминалистической методики // Проблемы первоначального этапа расследования. Ташкент, 1986. С. 14–23.

УДК 343.985.2

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Сергей Александрович Янин, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия МВД России, Волгоград

s.yanin1@yandex.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена повышению эффективности расследования преступлений, посягающих на археологическое наследие народов России, посредством применения в доказывании некоторых новых информационных технологий. Рассмотрена актуальность деятельности государственных органов по охране археологического наследия, причины преступных посягательств на них, некоторые особенности предмета доказывания по преступлениям, предусмотренным ст. 243.2 УК РФ. Представлены предложения по применению новых информационных технологий в доказывании при производстве по уголовным делам о преступлениях данной категории.

Ключевые слова: расследование, культурное наследие, археологические предметы, доказывание, информационные технологии

MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE DISCOVERY AND INVESTIGATION OF CRIMES IN REGARD TO THE CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLE OF RUSSIA

Sergey A. Yanin, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, professor of the Department of organization of investigative work, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

Abstract

This article is devoted to improving the efficiency of the investigation of crimes encroaching on the archaeological heritage of the peoples of Russia, through the use of some new information technologies in proving. The article considers the relevance of the activities of state bodies for the protection of archaeological heritage, the causes of criminal encroachments on them, some features of the subject of proof for crimes under Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The proposals on the use of new information technologies in proving in criminal proceedings on crimes of this category are presented.

Keywords: investigation, cultural heritage, archaeological items, evidence, information technology

Не секрет, что информационные технологии в последние годы глубоко проникли в нашу жизнь. Не осталось практически ни одной сферы человеческой деятельности, где в той или иной форме не использовались бы информационные технологии.

Преступность, являясь негативной сферой человеческой деятельности, активно использует результаты развития технической мысли для достижения своих целей. Противостоя ей, правоохранительные органы также вынуждены корректировать свою деятельность по борьбе с этим негативным явлением, активно внедряя новые информационные технологии для раскрытия и расследования преступлений.

В настоящей статье речь пойдет о применении некоторых возможностей, явившихся следствием развития научно-технического прогресса вместе с «классической» работой органа дознания и предварительного следствия по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с посягательствами на культурное наследие народов России, в частности, на археологические памятники (ст. 243.2 УК РФ).

Вред, причиняемый такими преступлениями истории России, а также воспитанию подрастающего поколения, в моменте не так виден, однако в перспективе разрушителен для страны. Этнос, не знающий и не берегущий свои историю и культуру, обязательно заменит их навязанным извне суррогатом, а затем постепенно растворится в массе других народов, утратив свою самобытность.

Поэтому роль памятников – выступать овеществленным выражением тысячелетней российской истории и государственности, не допускать возможности манипулирования фактами и фальсификации истории, что в нынешних условиях противостояния с коллективным Западом весьма и весьма актуально.

В России памятники археологии и археологические предметы находятся исключительно в государственной собственности, тем самым государством гарантируется их сохранение и преемственность поколений. Наглядным примером значимости для государства такой деятельности является включение положений о необходимости охраны культурного наследия, к которому относятся и археологические памятники, в Конституцию Российской Федерации и в Стратегию национальной безопасности России [1].

Огромное количество памятников истории и культуры, археологических объектов, доставшихся нам от предыдущих поколений и народов, населявших территорию России в разные времена, кроме очевидного положительного вектора для страны несет еще и риски незаконного воздействия на них в целях наживы. Не секрет, что в условиях экономических кризисов, случающихся за последние десятилетия с пугающей периодичностью, стоимость наиболее ценных активов поднимается в разы. Такими активами, не подверженными, в отличие от ресурсов и валют, понижению цены, являются предметы искусства, антиквариата и археологии. «Добыча» последних варварскими методами влечет за собой уничтожение культурного слоя в земле, в котором они залежали, что сделает невозможным для археологов, даже в случае изъятия таких предметов у преступников, установить важные для истории сведения. Такие негативные последствия обусловлены неповторимостью культурного слоя, образующегося постепенно, последовательно, на протяжении столетий, и потому, в случае разрушения и перемешивания грунта, не восстановимого.

В связи со спецификой «археологических» преступлений, с необходимостью серьезно вникать в нормативную базу, регламентирующую сферу охраны памятников, с особенностями производства следственных действия и использования специальных знаний качество расследования таких преступлений, к сожалению, не находится на должном уровне. Причинами этого являются, кроме прочего, недостаточная профессиональная подготовка лиц, занимающихся раскрытием и расследованием данных преступлений, обусловленная в том числе ненадлежащим методическим обеспечением расследования. Анализ научной и учебной литературы позволил прийти к выводу о том, что отечественные авторы сконцентрировались в основном на различных аспектах квалификации преступлений рассматриваемых видов, упуская из внимания вопросы расследования [2–4].

Восполняя этот пробел, мы на основе изучения научных источников, материалов судебно-следственной практики попытались сформулировать некоторые рекомендации и предложения, направленные на улучшение качества расследования указанных преступлений, что, по нашему мнению, позволит повысить эффективность борьбы с преступными посягательствами на объекты археологического наследия.

При расследовании преступлений рассматриваемого вида важным представляется установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Особое внимание следует обратить на предусмотренные п. 2 и 5 указанной статьи и тесно связанные между собой виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы, а также обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (в частности, отсутствие в действиях лица состава преступления, предусмотренного названной статьей УК РФ), и предусмотренные п. 4 характер и размер вреда, причиненного преступлением [5, с. 42].

С учетом того, что для признания преступными действия лица, заключающиеся в незаконном поиске и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания, требуется наступление общественно опасных последствий, при этом следователю и органу дознания необходимо доказать следующие факты:

- 1) проведение фигурантом незаконных земляных работ в целях отыскания артефактов;
- 2) отнесение изъятых в ходе незаконных раскопок предметов к археологическим;
- 3) осведомленность лица об этом;
- 4) уничтожение либо повреждение в ходе «добычи» таких предметов культурного слоя.

Если вторая и четвертая позиции однозначно требуют вовлечения в расследование профильных специалистов для производства ряда судебных экспертиз (государственной историко-культурной, а также комплексной экспертизы культурных ценностей), то доказывание фактов проведения лицом раскопок, а также осведомленности об отнесении обнаруженных им предметов к археологическим может быть осуществлено с привлечением новых информационных технологий, что повысит эффективность доказательственной базы и качество расследования в целом.

Подтвердить вину задержанного лица при отрицании им противоправного характера своих действий («находился на месте преступления случайно», «археологические предметы заметил издали как лежащие на поверхности» и т.п.), установить мотивы и цели совершения преступления (коллекционирование либо торговля археологическими предметами для систематического получения прибыли) возможно путем анализа оставленной таким лицом следовой картины – не только материальных, но и цифровых следов. Последние, не являющиеся «традиционными» для криминалистики, можно определить как информацию, хранящуюся в памяти ПЭВМ, социальных сетях, сети «Интернет». Данный вид следов «обусловлен ускоренной цифровизацией современного общества, тем, что большое количество людей пользуются ПЭВМ, оставляя там следы своих операций, которые можно и нужно использовать в доказывании» [6, с. 222–223].

Так, например, лица, занимающиеся незаконными раскопками, в большинстве своем имеют целью последующий сбыт обнаруженных археологических предметов. Для этого они заводят страницы в социальных сетях, дают объявления о продаже найденного, консультируются относительно принадлежности и стоимости обнаруженных предметов, размещают видеозаписи собственных раскопок, чтобы документально подтвердить факт обнаружения именно ими конкретных артефактов, доказать подлинность последних для успешного их сбыта. В Интернете имеется множество и персональных страниц, и различных форумов так называемых «копателей», где подобные сведения выставлены на всеобщее обозрение. Поэтому мы предлагаем использовать особенности подобного поведения преступников для повышения эффективности процесса доказывания означенных преступлений в силу того, что перечисленная выше информация, своевременно выявленная и зафиксированная на материальных носителях, явится одним из важнейших доказательств их виновности. Сделать это предлагается следующими способами.

Так, в ходе оперативной разработки либо расследования данных фактов при обнаружении такого контента для его фиксации следует провести выемку у провайдеров, администраторов социальных сетей сведений о владельцах страниц в таких сетях, их переписку, IP-адреса, с которых осуществлялись выходы на страницы интересующими следствие лицами. Тщательный анализ полученных сведений позволит установить иную криминалистически

значимую информацию: определить круг причастных к совершению «археологических» преступлений либо потенциальных свидетелей, показания которых могут иметь доказательственное значение; расширить количество разрабатываемых фигурантов и круг проводимых оперативно-розыскных мероприятий, что, в свою очередь, будет способствовать получению еще большего количества значимых сведений. Накопление же последних будет способствовать формированию качественной и достаточной доказательственной базы, опровергнуть которую подозреваемым (обвиняемым) впоследствии будет невозможно.

Проводя обыски по месту жительства фигуранта и в иных местах, особое внимание следует обратить не только на обнаружение предметов, предположительно относящихся к археологическим, поисковым техническим средств, инструкций к ним, документов об их приобретении, специальной литературы, карт местности, но и носителей цифровой информации – ПЭВМ, флеш-карт, смартфонов, фото-, видеоаппаратуры. Осмотр данных средств, последующее назначение судебной компьютерно-технической экспертизы предоставят лицу, ведущему расследование, такие сведения, которые можно будет эффективно использовать в доказывании – имеющиеся фотоснимки, видеозаписи противоправных действий фигуранта, данные о переговорах подозреваемого с другими лицами, осведомленными о его деятельности, которые могут предоставить следствию важную информацию, и т.д.

Кроме того, в подтверждение факта нахождения фигуранта на конкретных участках местности, где были совершены незаконные поисковые действия, можно использовать данные геотегов на полученных из памяти цифровых устройств фотоснимках и видеозаписях.

Примером успешного использования новых информационных технологий в расследовании преступлений данного вида вкупе с «традиционными» способами получения доказательств служит уголовное дело по обвинению Семенова О.Н. в совершении преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ*.

Так, в ходе ОРМ был установлен и задокументирован факт выставления Семеновым в Интернете фотографий и видеоматериалов о найденных им 1479 серебряных монет русских княжеств и 5 слитков (гривен), датируемых концом XIV – началом XV в., с целью их продажи, с пояснениями относительно обстоятельств их обнаружения. Оперативными сотрудниками в ходе разработки проводились прослушивание телефонных и иных переговоров разрабатываемого лица и его окружения. С помощью сотовых компаний-операторов определялось местоположение телефонов фигурантов по базовым станциям в целях подтверждения их нахождения в конкретных местах, где проводились незаконные раскопки.

Кроме того, в ходе расследования были проведены выемки информации о владельцах страниц в социальной сети «ВК», на которых фигурировали сведения о купле-продаже обнаруженных монет и слитков. Полученные при этом данные иных осведомленных лиц, которым предлагалось приобрести артефакты, а также с кем проводились консультации относительно атрибутирования обнаруженных археологических предметов и их примерной стоимости, позволили установить их личность и допросить в качестве свидетелей, что явилось дополнительным доказательством виновности подозреваемого.

При осмотре содержимого ноутбука Семенова был обнаружен скан карты Владимирской губернии Российской империи XIX в. с указанием населенных пунктов, литература по монетам древнерусских княжеств.

Для осмотра места происшествия – участка поля, где проводились незаконные раскопки, был применен беспилотный летательный аппарат, что способствовало повышению качества осмотра, составлению подробной схемы места происшествия применительно к окружающей местности.

* Уголовное дело № 1-1/2019. Архив Юрьев-Польского районного суда Владимирской области, 2019 г.

Впоследствии указанные сведения были подтверждены иными материалами дела, что, с учетом позиции подозреваемого, заключающейся в отрицании своей вины (раскопками не занимался, нашёл монеты случайно; увидел их с дороги, когда проезжал мимо на автомобиле; продажами не занимался, в монетах ничего не понимаю и т.п.), позволило сформировать доказательственную базу и направить уголовное дело с обвинительным заключением прокурору.

В результате в ходе судебного рассмотрения дела материалы ОРМ, включая акты осмотра страниц социальной сети «ВКонтакте», протоколы допросов свидетелей, были приняты судом как достоверные и непротиворечивые доказательства, на основе собранных доказательств постановлен обвинительный приговор.

Таким образом, применение в расследовании преступных посягательств на памятники археологии новых информационных технологий будет способствовать успешному их расследованию и эффективной охране культурного и археологического достояния народов России.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
3. Редчиц М. А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
4. Халиков И. А. Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
5. Янин С. А., Янина Т. Н., Горелов М. Г. Расследование преступлений, предусмотренных статьями 243.2 и 243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Волгоград: ВА МВД России, 2022.
6. Янина Т. Н. Типичная следовая картина совершения преступлений против археологического наследия народов России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58).

УДК 343.985

К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Павел Александрович Жердев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск
pashkhv@yandex.ru

Оксана Владимировна Усенко, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск
oksana.usenko@list.ru

Аннотация

В настоящем исследовании приводятся некоторые основные положения борьбы с негативным элементом, затрудняющим процесс расследования преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники. На основе анализа компьютерных деликтов предложены алгоритмы преодоления противодействия расследованию, выступающие ориентиром в построении и развитии частной криминалистической методики и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: противодействие, заинтересованные лица, маскировка, фальсификация, имитация, сокрытие, предварительное расследование, тактические приемы и формы

ON THE QUESTION OF OVERCOMING OBSTACLE TO INVESTIGATION OF COMPUTER CRIMES

Pavel A. Zherdev, *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor, associate professor of the Department of Criminalistics, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk

Oksana V. Usenko, *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the Department of Criminalistics, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk

Abstract

This study provides some basic provisions for combating the negative element that hinders the process of investigating crimes committed using computer technology. Based on the analysis of computer torts, algorithms for overcoming opposition to investigation are proposed, which act as a guideline in the construction and development of private forensic methods and law enforcement.

Keywords: counteraction, interested parties, disguise, falsification, imitation, concealment, preliminary investigation, tactics and forms

В связи с развитием научно-технических средств и размахом современной организованной преступной деятельности проблема противодействия расследованию в последнее время стала особенно актуальной. Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерной техники, всегда являлось сложной задачей правоохранительных органов, поскольку существует большая вероятность столкнуться с негативным элементом, затрудняющим процесс установления истинны по уголовному делу. Если ранее противодействие расследованию преступления понимали только как применение форм и методов сокрытия преступных деяний, то в настоящее время это целенаправленная деятельность по препятствованию установлению истины по уголовному делу.

Наиболее емкое понятие дает Л. Я. Драпкин: «Противодействие расследованию – это умышленные действия (система действий), препятствующие установлению объективной истины по делу и работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений» [1, с. 566].

Противодействие является непосредственным выражением борьбы противоположностей. Оно появляется там, где непосредственно происходит столкновение интересов отдельных лиц или групп людей. Противодействие неотъемлемо имеет место на всех этапах расследования, так как события преступлений являются выражением борьбы противоборствующих интересов.

Особую актуальность проблема противодействия криминальной среды приобрела в последнее время, когда деятельность правоохранительных органов значительно осложняется тем, что ранее разрозненная и стихийная преступность сейчас окончательно оформилась как организованная. Более изощренными и жестокими стали способы и приемы противодействия. В настоящее время организованные преступные группировки, имея достаточно высокие профессиональные навыки, современные технические средства, вооружение, практически неограниченные финансовые возможности и широкие коррумпированные связи, используя поддержку многочисленных «заместителей» и «защитников», не только тщательно скрывают свои преступные деяния, но и оказывают активное противодействие своему разоблачению на всех стадиях уголовного судопроизводства [2].

Для того чтобы избежать уголовной ответственности, противодействие со стороны обвинения всегда было сопряжено совершением активных противоправных деяний. Такое противодействие всегда сопутствовало преступности. Вначале это было простым противодействием, которое со временем превратилось в систему открытого и утонченного сопротивления деятельности государства по борьбе с преступностью. Появились не только новые средства, формы, но и методы его осуществления. Если ранее опытный следователь мог выявлять и преодолевать хитрости и увертки подозреваемых в совершении преступления, то в настоящее время одного опыта мало ввиду того, что сегодня следователю могут противостоять профессиональные преступники, которые владеют различными методами и современными техническими средствами.

Все чаще при совершении обозначенных выше преступлений лица используют современные технические достижения и информационные технологии: компьютерную технику, программы в Интернете, позволяющие их использовать при дистанционном преступлении, при этом совершенствуются способы хищения денежных средств с банковских счетов граждан.

Одна из форм противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации является сокрытие преступления. Данные противоправные действия можно определить как деятельность (элемент преступной деятельности), направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления, преступника и их носителей [3, с. 54].

Преступная деятельность, направленная на сокрытие совершенного преступного деяния, может заключаться в утаивании доказательственной информации и в противодействии проведению расследования уголовного дела, реализуются разными способами. Названные действия можно разделить на следующие группы:

- 1) сокрытие информации о совершенном преступном деянии;
- 2) сокрытие сведений о совершенном преступном деянии;
- 3) фальсификация сведений о совершенном преступном деянии;
- 4) смешанные способы и методы.

Необходимо отметить, что к активным формам сокрытия информации о совершенном компьютерном преступном деянии относятся:

- 1) сокрытие вещественных доказательств по уголовному делу, предметов, с помощью которых совершено преступление, и т. д.;

2) уничтожение информации (например, с носителей информации, документов и пр.), а также ее фальсификация.

Пассивными формами сокрытия информации о совершенном преступном деянии может быть не только умалчивание информации, но и непредставление, сдерживание информации или же отказ от дачи показаний. Здесь необходимо иметь в виду, что каждый имеет конституционное право не давать показаний против своих родных, и хотя это можно рассматривать как противодействие проведению расследования уголовного дела, не следует забывать, что это является правом как свидетеля, так и подозреваемого в совершении преступления.

Так, суд Центрального района г. Хабаровска вынес приговор по уголовному делу в отношении гр. Ш. Она признана виновной в даче заведомо ложных показаний в суде. Суд установил, что гр. Ш. была вызвана в суд в качестве свидетеля по уголовному делу. При допросе она пыталась помочь обвиняемому уйти от уголовной ответственности, решив создать ему алиби. При этом девушка уверяла суд, что в тот момент, когда было совершено преступление, ее знакомый якобы находился с ней и ее подругой совсем в другой местности. Однако вина подсудимого была доказана, а показания гр. Ш. признаны недостоверными. Суд, учитывая положительные характеристики, молодой возраст подсудимой и совершение преступления впервые, приговорил ее к штрафу*.

Противодействие расследованию при изменении показаний обвиняемого или подозреваемого происходит и в связи с разными обстоятельствами, чаще всего таковыми являются:

- страх перед отбыванием наказания;
- давление, подкуп, угрозы со стороны других виновных лиц (соучастников, исполнителей, организаторов и т. д.);
- ввиду малого количества вещественных доказательств и показаний, указывающих на их виновность и др.

Потерпевшие и свидетели также могут изменять свои показания вследствие угроз расправы с ними, их родственниками или близкими людьми, из-за подкупа со стороны подозреваемых (обвиняемых).

Маскировка информации имеет следующие цели:

- изменить представление о способе совершенного преступного деяния;
- изменить представление о личности подозреваемого в совершении преступного деяния;
- изменить представление о назначении объектов (носителей информации).

Кроме того, маскировка направлена на то, чтобы «сбить следователя с истинного представления о других обстоятельствах, имеющих значение для дела [4, с. 26].

Среди способов маскировки информации можно назвать:

- 1) перемещение объектов (например: с места, где они должны находиться в соответствии с существующими или предписанными правилами, на другое, как это происходит при нарушении правил хранения и передачи документов);
- 2) изменение внешности преступника;
- 3) создание шоу использования объекта таким образом, который не служит его реальной цели;
- 4) сокрытие данных с помощью действий, которые должны быть предприняты одновременно.

Фальсификация данных означает создание заведомо ложной информации (носителей) или их подделку. Фальсификация как способ сокрытия совершенного преступного деяния может быть выражена:

- 1) дачей заведомо ложных показаний;
- 2) заменой объектов;
- 3) полной или частичной подделкой документов;

* URL: <https://www.dvnovosti.ru/incidents/2013/04/16/7758/> (дата обращения: 20.10.2022).

- 4) созданием поддельных следов и других вещественных доказательств;
- 5) составлением заведомо ложного отчета, доноса или заявления;
- 6) частичным уничтожением объектов, изменением их внешнего вида или назначения [5, с. 77].

В следственной практике смешанные способы сокрытия совершенного преступного деяния могут быть представлены разными видами имитации обстоятельств преступления [6, с. 27]. Имитация совершенного преступного деяния является созданием ситуации, не соответствующей событию преступного деяния с дополнением определенного поведения имитатора и его соучастников.

Основа имитации преступного деяния – искусственное создание вещественных доказательств события преступления. Имитаторы и их соучастники ведут себя соответствующим образом, высказываются для того, чтобы создать у следователя неверное представление о совершенном преступлении. На практике известны случаи, когда имитатор доводит до следователя заведомо ложную информацию о том, что он якобы обнаружил доказательства совершенного преступного деяния.

Имитатор может преследовать следующие цели:

- 1) создать видимость совершения преступного деяния в целях сокрытия доказательств первоначального преступного деяния;
- 2) скрыть свое аморальное поведение, другие деяния, которые не носят преступного характера;
- 3) создать у следователя неверное представление или о деталях совершенного преступления, или об элементах структуры этого деяния [7, с. 25].

Постоянное развитие и изменение структуры киберпреступности заставляет правоохранительные органы государства в целом и специализированные подразделения ОВД в частности адекватно реагировать на изменение оперативной обстановки, своевременно определяя приоритеты борьбы, видоизменяя свои функции и ставя новые задачи, а именно:

1. Осуществление комплексного анализа и прогнозирование развития криминогенной обстановки в сфере информационных технологий и телекоммуникационных услуг, разработка на этой основе предложений по реализации государственной политики в области борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий.

2. Выявление и пресечение административных правонарушений в сфере IT-технологий, профилактика преступлений в указанной области.

3. Противодействие распространению противоправного и конфиденциального контента в телекоммуникационных и компьютерных сетях.

4. Криминалистическое и информационное обеспечение структурных подразделений и служб ОВД, иных правоохранительных органов, а также общественных организаций, проведение системы оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи и в Интернете, взаимодействие с головными компаниями-операторами связи, непосредственная обработка и анализ биллинговой информации.

5. Участие в планировании и проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в подготовке методического обеспечения для решения задач, входящих в компетенцию управления «К» БСТМ МВД России. Освещение своей деятельности в средствах массовой информации.

6. Организация и осуществление совместных оперативно-розыскных мероприятий с правоохранительными органами иностранных государств по борьбе с транснациональными и международными преступлениями.

Первым рубежом преодоления противодействия IT-преступлениям может стать деятельность интернет-провайдеров в России, которые при соответствующих изменениях во внутренних правилах регистрации способны отсекают еще на стадии регистрации доменного

имени очевидные попытки противоправной деятельности, а также аннулировать регистрацию действующих доменных имен, уличенных в таковой (особенно в случае, когда хостинг или контент-провайдер находится за пределами Российской Федерации).

Вторым и основным рубежом должны стать хостинг-провайдеры. В реальной жизни невозможно представить ситуацию, при которой коммерческая или общественная организация была бы зарегистрирована без указания целей и характера своей предполагаемой деятельности. Более того, деятельность, выходящая за рамки, указанной в уставе организации, является основанием для прекращения ее регистрации. Также невозможно представить, что арендодатель предоставит в пользование арендатору оборудование или помещение, не располагая о нем никакими сведениями и для неизвестных целей. В российском сегменте сети подобное положение не только возможно, но и повсеместно распространено.

И третьим рубежом могли бы стать контент-провайдеры, непосредственно общающиеся с пользователями и имеющие возможность не только самостоятельно удалять информацию, нарушающую права интеллектуальной собственности, но и проводить профилактическую и воспитательную работу в пользовательской среде Интернета.

Литература

1. Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика: учебник. М., 2014.
2. Мироненко С. Ю. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений как элемент преступной деятельности // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровых трансформаций: 62-е криминалистические чтения: сб. науч. статей / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. М., 2021. С. 239–246.
3. Марков А. И. Психология преступной инсценировки: о некоторых подходах к распознаванию // Юрист-Правовед. 2012. № 2 (85).
4. Веренич И. В. Приемы и способы получения криминалистически значимой информации о противодействии расследованию преступлений // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2019.
5. Противодействие экономической преступности / О. А. Скутельник [и др.]. М., 2016.
6. Веренич И. В. Указ. соч.
7. Мерецкий Н. Е. Противодействие расследованию и криминалистические возможности его преодоления? // Вестник криминалистики. 2015. № 1 (53).

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

Марина Олеговна Янгаева, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул
marina-yumo@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье автором на основе судебно-следственной практики разных субъектов РФ выявлены и проанализированы основные проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, возникающие при расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалюты. На основе собранного эмпирического материала предложен алгоритм действий сотрудников органов внутренних дел при расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалюты.

Ключевые слова: криминалистика, расследование преступлений, цифровая валюта, криптовалюта

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE USE OF CRYPTOCURRENCIES

Marina O. Yangaeva, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul

Abstract

In this article, based on the judicial and investigative practice of various subjects of the Russian Federation, the author identifies and analyzes the main problems that law enforcement agencies face when investigating crimes related to the use of cryptocurrency. Based on the collected empirical material, an algorithm for the actions of law enforcement officers investigating crimes related to the use of cryptocurrency, is proposed.

Keywords: forensics, crime investigation, digital currency, cryptocurrency

С 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который посвящен регулированию исследуемой сферы общественных отношений – обращению цифровой валюты.

Следует отметить, что информационно-телекоммуникационные технологии не обошли своим вниманием финансовый сектор, в котором в последнее время все активнее происходят процессы, связанные с конвертацией реальных денежных платежных единиц в цифровую валюту (криптовалюту). Данные финансовые процессы не остались незамеченными преступной средой. При этом преступные проявления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе возникающих в финансовой сфере по отношению к цифровой валюте, имеют тенденцию к увеличению [1, с. 4].

Судебно-следственная практика расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты или в отношении ее, незначительна. Это связано с новизной сложных экономических отношений, пробельностью их правового регулирования, анонимностью совершаемых операций и сложностями их выявления в информационно-телекоммуникационном пространстве. Однако в связи с повышением интереса к криптовалюте она получает

все большее распространение: нельзя игнорировать факты о том, что глобальная рыночная капитализация криптовалют, по данным CoinMarketCap, составляет примерно 26 трлн руб., а объем сделок за 24 часа – 8167 572900 749 руб.,* появляются новые криптовалюты, технологии и протоколы, совершенствуются способы совершения преступлений с ними.

Анализ практики расследования преступлений, связанных с использованием криптовалюты, показывает, что лица, осуществляющие расследование, не обладают в должной степени криминалистическими знаниями, необходимыми для расследования уголовных дел названной категории, а также знаниями по тактике производства отдельных следственных и иных процессуальных действий. В связи с этим ошибки и недочеты, допускаемые при процессуальном оформлении преступления, а также при его дальнейшем расследовании, приводят к утрате важной информации, имеющей доказательственное значение.

Практика показывает, что в противоправной деятельности цифровая валюта может быть:

а) предметом преступного посягательства в ситуациях ее хищения;

Так, неизвестный путем мошеннических действий похитил у Н. из криптокошелька на бирже EXMO 0,6 биткоина стоимостью 600000 руб. В ходе проверочных мероприятий установлено, что гр-ке Н. во время общения по Skype от неизвестного мужчины, представившегося Игорем, поступило предложение обналечить за определенный процент принадлежащие ей 0,6 биткоина. Однако, не имея намерений выполнять условия договоренности, мужчина посредством удаленного доступа перевел указанную цифровую единицу стоимости с электронного кошелька потерпевшей и скрылся [2, с. 63];

б) орудием или средством противоправной деятельности (составляющей способа совершения преступления) при покупке оружия, приобретении наркотических средств, в незаконном обороте порнографических материалов или запрещенных в гражданском использовании предметов. Виртуальные валюты могут использоваться в террористической, экстремистской деятельности, для конверсии или передачи имущества, когда такое имущество представляет собой доходы от преступлений, в целях сокрытия или утаивания противоправной деятельности, служившей средством его получения [3, с. 272–277].

*Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Пензы от 14 февраля 2018 г. по уголовному делу по обвинению К. и Р. по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 1 ст. 174.1 УК было установлено, что обвиняемые в целях легализации денежных средств, полученных от продажи наркотических средств, осуществляли переводы на биткоин-биржи и интернет-площадки**.*

Практика показывает, что для успешного расследования уголовных дел данной категории оно должно поручаться наиболее квалифицированным и опытным следователям, которые осведомлены о различных способах совершения преступлений, связанных с криптовалютой.

При проверке обстоятельств, подлежащих доказыванию по преступлениям, совершенных с использованием криптовалюты, происходит тесное взаимодействие следователя с сотрудниками органа дознания, осуществляющими сопровождение материала, а также иными организациями и ведомствами. Например, для установления имущественного положения заподозренных лиц, наличия недвижимости, транспортных средств, денежных средств на их счетах, наличия долей в уставном капитале юридических лиц, установления аффилированных организаций и лиц, причастных к совершению хищений с использованием криптовалюты, выявления возможной легализации доходов, полученных преступным путем, сотрудниками органов внутренних дел направляются соответствующие запросы в государственные органы, кредитно-финансовые организации, банки, межрегиональные управления Федеральной службы по финансовому мониторингу.

* URL: <https://coinmarketcap.com/ru/>

** Приговор Железнодорожного суда г. Пензы от 14.02.2018. URL: https://zheleznodorozhnii-pnz.sudrf.ru/mod0ules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19656649&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

Сбор информации осуществляется также с использованием информационных систем субъектов финансово-экономической деятельности, баз данных МВД России, а также конфиденциального аппарата и возможностей специальных подразделений МВД России.

Во исполнение распоряжения следователя в территориальные ОМВД России, в УЭБиПК и УУР МВД России соответствующих субъектов Российской Федерации направляются поручения на проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению местонахождения похищенного имущества, объектов вложения похищенных денежных средств, устанавливаются обстоятельства преступного происхождения денежных средств, недвижимого имущества и других материальных ценностей.

Кроме того, следователем должно устанавливаться имущественное положение родственников лица, совершившего преступление (например, необходимо выявить периодичность выездов за границу, перемещения внутри страны, цели поездок, доходы, полученные законным путем, которые сопоставляются с расходами и наличием имущества).

У криптобиржи необходимо запросить данные о представленных документах регистрируемых на бирже лиц, чья деятельность проверяется в связи с расследованием преступления, а также информацию:

- об IP-адресе (–ах), с которого подозреваемый авторизовывался на ресурсе криптобиржи;
- номер телефона, оставленного при регистрации на криптобирже;
- адрес электронной почты;
- точное время авторизации.

Зная все вышеперечисленные данные, можно попробовать установить фактический адрес местонахождения подозреваемого.

Для установления провайдера сети Интернет подозреваемого лица можно воспользоваться ресурсами, например, <https://whoer.net/ru/checkwhois>, www.2ip.ru.

Далее нужно оперативно обратиться с письменным запросом к интернет-провайдеру для получения данных о месте использования искомого IP-адреса (на определенную дату и время), а также журналов соединений с Интернетом с электронного устройства пользователя, как минимум, за три месяца, предшествовавшие факту хищения денежных средств.

Проанализировав материалы уголовных дел следственных подразделений разных субъектов Российской Федерации мы можем предложить примерный обобщенный алгоритм следственных, процессуальных и иных действий первоначального этапа расследования:

- допрос потерпевших (представителей потерпевшей стороны);
- осмотр места происшествия (помещение, где потерпевший осуществлял вход в электронное устройство). Здесь необходимо отметить, что специфика осмотра места происшествия по исследуемой категории дел, в отличие от кражи в жилище, будет заключаться в том, что необходимо осмотреть только устройство. Если это стационарный компьютер, можно его осмотреть на месте, а если это, например, ноутбук, то нет необходимости выезжать по месту жительства потерпевшего, можно его осмотреть в служебном кабинете с участием специалиста. Чаще всего осмотр места происшествия проводится по месту осуществления преступной деятельности подозреваемого для отыскания следов не только виртуальных, но и материальных;
- проведение оперативно-розыскных мероприятий параллельно со следственными действиями в целях установления виновных лиц, мест их возможного нахождения и установления технических средств и других объектов, с помощью которых совершались преступные действия;
- получение решения суда на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

– выемка технических средств связи с последующим осмотром предметов с участием специалиста;

– обыск и выемка. Мобильные устройства необходимо перевести в режим «полет». Кроме того, при изъятии мобильных устройств необходимо выяснить данные для входа в систему – пароли. При изъятии мобильных телефонов оптимально получить информацию с мобильного устройства, для чего специалист может использовать специализированные комплексы «Мобильный криминалист», UFED или XRY. В дальнейшем устройство необходимо направить на исследование или экспертизу. Если специалист на месте производства следственного действия не может получить оперативно значимую информацию, то электронный носитель изымается для дальнейшего исследования;

– осмотр сайта, который может быть проведен в кабинете следователя с использованием его рабочего компьютера. В протоколе осмотра описывается внешний вид сайта и все действия, выполняемые следователем при переходе по ссылкам и пунктам меню, все действия следователя должны иметь привязку ко времени, поэтому необходимо указывать часовой пояс или время UTC. В протоколе также указываются технические средства и программное обеспечение, которое применялось в процессе осмотра. Страницы сайта необходимо скопировать на неперезаписываемый оптический диск и приобщить его к протоколу осмотра. Гарантией достоверности происхождения скопированной информации является участие при производстве следственного действия понятых;

– осмотр информационного содержания средств электросвязи и электронных носителей информации, обнаруженных в ходе обысков и других следственных действий, с целью получения доказательств, установления связей подозреваемого и иной криминалистически значимой информации;

– допросы свидетелей. Необходимо отметить, что данные преступления чаще всего осуществляются в отсутствие идеальных следов, показания свидетелей носят косвенный характер и сводятся к общим данным, характеризующим личность подозреваемого и предполагаемый род его деятельности;

– в случае установления подозреваемого обыски проводятся по месту осуществления преступной деятельности и месту жительства;

– назначение и производство всех необходимых судебных экспертиз (компьютерной, радиотехнической, бухгалтерской, дактилоскопической, трасологической и др.), выбор которых зависит от конкретной следственной ситуации и объектов, обнаруженных в ходе проведения осмотров и обысков.

Изучив судебно-следственную практику можно сделать вывод о том, что одним из проблемных вопросов для правоохранительных органов является оценка суммы причиненного ущерба. К сожалению, в настоящее время на территории Российской Федерации не существует органа, уполномоченного оценить стоимость криптовалюты на конкретную дату (время). На данный период времени практика складывается следующим образом: стоимость одного биткоина рассчитывается с использованием бирж криптовалют, например, ЕХМО («Эксмо»). Следователь получает от биржи ответ на свой запрос следующего содержания: «Курс 1 Bitcoin по состоянию на 28 февраля 2018 года составил 11002 доллара 38 центов США, всего похищено биткоинов на сумму 30806 долларов 664 цента США, стоимостью по курсу Центрального банка Российской Федерации (Банка России) на 28 февраля 2018 года 55,6717 рублей за 1 доллар США, а всего похищено на общую сумму 1715 059 рублей 36 копеек» [4, с. 32]. Данная позиция должна найти поддержку у надзирающего прокурора при обязательном раскрытии в запросе способов определения рыночной стоимости криптовалюты специалистом.

На наш взгляд, на законодательном уровне следует рассмотреть вопрос о возложении полномочий на Центральный банк Российской Федерации по оценке стоимости криптовалюты на конкретную дату (время) и выдаче справок правоохранительным органам.

Необходимо отметить и иные типичные проблемы, которые должен учитывать следователь при планировании своей работы по расследованию преступлений, совершенных с использованием криптовалюты:

- ограниченность доступа к информации, представляющей банковскую тайну;
- длительный период получения сведений по запросам, т. к. организации, отвечающие на запросы правоохранительных органов, расположены в других городах субъектов Российской Федерации;
- значительный объем получаемых доказательств и специфика их осмотра и др.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, отсутствие частной методики расследования преступлений, связанных с криптовалютой, не дает возможности правоохранительным органам получить достаточную информацию, необходимую для начала расследования (досудебного производства) [5, с. 145]. В связи с этим ученым-криминалистам необходимо своевременно проводить научные исследования по данной категории преступлений и внедрять научно-практические, а также методические рекомендации в практическую деятельность.

Во-вторых, предложенный в статье примерный обобщенный алгоритм следственных, процессуальных и иных действий первоначального этапа расследования может быть применен в практической деятельности в зависимости от складывающейся следственной ситуации.

В-третьих, для успешного расследования преступлений, связанных с использованием криптовалюты, необходимо наладить процедуру взаимодействия между правоохранительными органами и специалистами экспертных учреждений ФСБ РФ, МВД РФ, Центрального банка РФ, иных банков и т. д. Тогда процесс передачи информации будет происходить быстро, целенаправленно и непрерывно [6, с. 144].

Литература

1. Ушаков А. Ю., Саакян А. Г., Поздышев Р. С. Практика расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. – 54 с.
2. Лебедева А. А. Цифровые технологии в финансовой сфере (на примере криптовалют): неизбежность или осознанный выбор РФ?: монография. М.: Проспект, 2021. – 120 с.
3. Осипов В. В. Использование криптовалюты в преступных целях // Природа. Человек. Культура: сб. мат-лов I междунар. науч.-просвет. форума, г. Кисловодск, 3-5 октября 2018 г. М.: Науч. консультант, 2018.
4. Ушаков А. Ю., Саакян А. Г., Поздышев Р. С. Указ. соч.
5. Мерецкий Н. Е. Установление способов совершения мошенничества на рынке криптовалют // Уголовная политика на современном этапе: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., проходившей в рамках 2-го Байкал. юрид. форума, г. Иркутск, 23–25 сент. 2021 г. Иркутск, 2021. С. 141–146.
6. Мерецкий Н. Е. Указ. соч.

УДК 343.98

ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Надежда Анатольевна Архипова, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

akula_1983@mail.ru

Аннотация

Важность рассматриваемой темы статьи подтверждается многочисленными научными исследованиями. При этом, несмотря на имеющиеся освещения проблемных вопросов по данной теме, она нуждается в дальнейшем исследовании. Автором определены основные трудности при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в ходе расследования данной категории дел, а также приведены предложения по оптимизации процесса расследования.

Ключевые слова: следователь, абонент, абонентское устройство, мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии

OBTAINING INFORMATION ABOUT CONNECTIONS BETWEEN SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER DEVICES DURING THE INVESTIGATION OF THEFTS COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Nadezhda A. Arkhipova, *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul

Abstract

The importance of the topic of the article under consideration is confirmed by numerous scientific studies. At the same time, despite the available coverage of problematic issues on this topic, it needs further research. The author identifies the main difficulties in obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices during the investigation of this category of cases, and also provides suggestions for optimizing the investigation process.

Keywords: investigator, subscriber, subscriber device, fraud, information and telecommunication technologies

В настоящее время применение информационно-телекоммуникационных технологий охватило все сферы современного общества. Это оказывает положительное влияние на жизнь каждого человека. Однако наряду с развитием общества появляются новые способы хищений, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ).

Анализ статистических данных о состоянии преступности за январь-июнь 2022 г. свидетельствует о том, что каждое четвертое преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Однако за 6 месяцев текущего года число зарегистрированных киберпреступлений заметно сократилось – на 8,2 %, в том числе тяжких и особо тяжких – на 14,8 % [1].

Хищения, совершаемые с использованием ИТТ, имеют существенную специфику. Использование данных технологий дает возможность преступникам дистанционно управлять действиями своих жертв, тем самым снижая риски быть обнаруженными, что усложняет органам предварительного следствия сбор доказательственной базы по установлению причастности к совершению преступления конкретного лица.

В настоящее время одним из способов установления лица, совершившего хищение с использованием ИТТ, является сбор и использование информации о телефонных соединениях между абонентами. Данная информация отображается в мобильных телефонах пользователей, а также в базах данных оператора связи. Ее значение выражается в обеспечении возможности следователю установить сведения о соединениях абонентов в определенное время – получение сведений о дате, времени, продолжительности, частоте, типе соединений между абонентами; получение информации о втором абоненте, с которым производилось соединение (абонентский номер, ФИО, адрес регистрации, информация о его соединениях, определение абонентского устройства и места нахождения абонентов во время соединения (IMEI, SIM-карта, номер и адрес базовой станции), установление маршрута движения абонента в определенный период времени.

В ходе раскрытия и расследования хищений, совершенных с использованием ИТТ, анализ данной информации позволяет установить способ связи с потерпевшим (телефонный звонок, смс-сообщение о списании денежных средств или блокировке карты), частоту и продолжительность общения (возможность потерпевшим опознать по голосу звонившего), маршрут передвижения потерпевшего к банкоматам, фактическое местонахождение лица в определённый период времени, сведения о пополнении лицевого счета абонентского номера, список абонентов, которые потенциально могут обладать информацией о преступнике.

После поступления заявления от пострадавшего в рамках проверки сообщения о преступлении осуществляются действия, направленные на получение информации о телефонных соединениях между абонентами. В рамках данных мероприятий выясняются обстоятельства совершенного преступления, способ передачи денежных средств, сумма причиненного ущерба. В период проверки информация о телефонных соединениях может быть получена различными способами: получение объяснений; направление запросов; проведение осмотров предметов и документов; направление органу дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Перечень мероприятий, которые могут быть проведены в ходе проверки сообщения о преступлении, определен в ст. 144 УПК РФ. В этом перечне отсутствует следственное действие, направленное на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Это обстоятельство усложняет процесс сбора сведений о совершенном преступлении и его участниках. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами возможно только на основании судебного решения. Кроме того, на результативность проведенных мероприятий в рамках проверки сообщения о преступлении влияет оперативность получения информации о телефонных соединениях абонентов.

Для сокращения времени при проведении проверки сообщения о преступлении следователь может прибегнуть к одному из способов получения информации о телефонных соединениях – истребованию от пострадавшего детализации соединений, которые он мог самостоятельно получить в салонах связи. В этом документе будет содержаться информация о всех телефонных соединениях абонента по его абонентскому номеру за определенный период времени. На практике встречались ситуации, когда пострадавшие при самостоятельном обращении в офис оператора связи запрашивали сведения о соединениях за неполный период общения с преступниками, что усложняло установление периода времени совершения преступления. Полученный документ, а также иные документы, которые подтверждают перевод денежных средств на другие банковские карты (счета) или лицевой счет абонентского номера, приобщаются к материалам проверки сообщения о преступлении.

В других случаях определенная информация устанавливалась при осмотре мобильного телефона. В мобильном телефоне может содержаться информация об абонентском номере преступника, периодичность и продолжительность телефонного разговора с ним, текстовые, голосовые сообщения и другая значимая информация. При осмотре мобильного телефона следователь может не получить необходимую информацию о соединениях, так как с течением времени часть информации удаляется, поэтому более достоверной будет информация о соединениях, полученная из баз данных операторов связи.

При согласии абонента информация о его соединениях может быть получена самим следователем в присутствии абонента путем заказа детализации на портале личного кабинета оператора сотовой связи. Некоторые авторы предлагают использование данного способа получения сведений оформлять следственным осмотром с участием этого абонента [2, с. 4].

Следует отметить, что для раскрытия хищений, совершенных с использованием ИТТ, большое значение имеют результаты оперативно-розыскной деятельности, которые также могут содержать информацию о телефонных соединениях между абонентами.

В ходе проверки сообщения о преступлении возможно направление запросов соответствующему оператору связи для предоставления сведений об анкетных данных лица, на которого зарегистрирован абонентский номер, который использовался при совершении преступления, о номере и дате договора об оказании услуг с приложением заверенной копии договора. Изучение следственной практики показало, что сроки исполнения запросов о владельце абонентских номеров, направленных в компании операторов сотовой связи, могут составлять 1–3 месяца. Даже при получении сведений о личных данных лица, на которого зарегистрирован абонентский номер, следователю не позволяло устанавливать личность преступника, так как при совершении данных преступлений чаще всего преступники используют SIM-карты, которые зарегистрированы на подставных лиц.

Длительность проверки сообщения о рассматриваемых преступлениях также приводит к сокращению возможности установить местонахождение преступника и похищенных денежных средств. В ходе проверки сообщения о преступлении информация о телефонных соединениях по абонентскому номеру пострадавшего носит только ориентирующий характер. Информацию о входящих, исходящих звонках абонентского номера с указанием сведений о месте расположения базовых станций операторов сотовой связи, через которых обеспечивалось соединение указанного абонента с другими абонентами, с указанием IMEI абонентских устройств, посредством которых осуществлялись соединения, о движении денежных средств по счету абонентского номера, IMEI-номере устройства, в котором использовались SIM-карты с определенными абонентскими номерами, следователем может получить только в рамках производства следственного действия, регламентированного ст. 186.1 УПК РФ, которое проводится только после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

После принятия решения о возбуждении уголовного дела, возможности следователя расширяются по получению информации о телефонных соединениях абонентов. Чаще всего проводятся следующие следственные действия: 1) допрос потерпевшего; 2) допрос свидетелей; 3) выемка и обыск помещений с целью изъятия мобильных телефонов, 4) проведение осмотров средств связи.

В протоколах этих следственных действий отображается важная информация об абонентских номерах, о технических характеристиках абонентских устройств, что позволяет сформулировать ходатайство перед судом о производстве получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Данное следственное действие может быть проведено для получения информации о соединениях по абонентскому номеру потерпевшего. В этой ситуации объем получаемой информации от операторов связи будет шире, ранее у следователя не было возможности проанализировать информацию о базовых станциях, через которые осуществлялось соединение абонентов и абонентских устройств. Результат этого следственного действия позволит уточнить

технические характеристики абонентского устройства потерпевшего, его местонахождение в момент совершения преступления, а также установить абонентские номера преступников для последующего получения детализации соединения.

При получении сведений об абонентском номере преступника необходимо также учитывать, что в настоящее время они могут использовать различные способы сокрытия преступной деятельности путем изменения абонентского номера и (или) оператора связи. При обращении к соответствующим сайтам следователь имеет возможность самостоятельно установить предварительную информацию об актуальном операторе связи.

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами по абонентскому номеру преступника позволяет собрать информацию о лице, совершившем преступление. Этому способствует анализ документа, содержащего информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в котором необходимо обратить внимание на детализацию соединений за продолжительный период времени, а также данные о способах пополнения лицевого счета абонентского номера SIM-карты.

Детализация телефонных соединений за продолжительный период времени определяется сведениями соединениями между абонентами и (или) абонентскими устройствами, которые уже состоялись в прошлом, и соединениями, которые возможны в будущем. Телефонные соединения между абонентами, которые состоялись в прошлом, – это соединения, непосредственно связанные с событием преступления. Получение информации о таких соединениях должно состояться в максимально короткий срок, так как это дает возможность раскрыть преступление по горячим следам.

Кроме того, не следует исключать, что преступник в дальнейшем может продолжить использовать тот же абонентский номер, абонентское устройство для совершения других преступлений. Поэтому при производстве данного следственного действия у операторов связи также можно затребовать сведения о соединениях, которые могут состояться в будущем в течение нескольких месяцев. Таким образом, при получении информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами по абонентскому номеру преступника важно получить информацию о телефонных соединениях, которые состоялись в прошлом, а также о тех, которые возможны в будущем.

Если для пополнения баланса использовался электронный кошелек отечественной платежной системы (Яндекс.Деньги) или банковские карты, эмитированные отечественными банками, то последующие запросы необходимо направить этим субъектам для предоставления сведений о том, кто является владельцем электронного кошелька либо кто является клиентом (держателем) счета банковской карты [3].

В процессе расследования преступлений возможно дальнейшее использование полученной информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами во время производства других следственных действий (обыск, выемка, осмотр) с целью обнаружения и изъятия SIM-карт, мобильных телефонов, коробок от мобильных телефонов, черновых записей, содержащих список номеров.

Осмотр мобильных телефонов преступников сопровождается изучением списка контактов, журнала звонков, содержания текстовых сообщений. При большом объеме контактов и сообщений целесообразно использовать выборочный способ осмотра, заключающийся в получении информации, свидетельствующей о соединениях с потерпевшим, и др.

Тактическими особенностями использования осмотра документа, содержащего информацию о телефонных соединениях между абонентами, могут быть использованы при дальнейшем расследовании в качестве основания для повторного производства тех или иных следственных действий, в том числе и тех, которые до этого по делу не проводились. После производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следует нередко повторение данного следственного действия, но уже относительно новых, выявленных в ходе первого производства обстоятельств (по иным номерам и абонентам) [4, с. 117].

Выводы по результатам осмотра документа о телефонных соединениях могут использоваться для опровержения или подтверждения проверяемой следственной версии и определения последующего направления расследования. На основании установленных данных из детализации данных следователь может предложить наиболее вероятную версию. Важен охват версиями всех реально возможных объяснений исследуемого события преступления. Следователь может в первую очередь проверить ту следственную версию, которая более соответствует установленным обстоятельствам преступления.

Возможность дальнейшего использования результатов рассматриваемого следственного действия в качестве доказательств зависит от вида информации, запрашиваемой от оператора связи и ее содержания. Степень точности запрашиваемых сведений о телефонных соединениях между абонентами оказывает несомненное влияние на выводы следователя. Изучая результаты следственного действия, следователь делает выводы о том, в какое время в каком месте какой абонент пользовался мобильным телефоном. Правильные выводы формируются в совокупности с другими доказательствами, которые имеются в материалах уголовного дела.

Необходимо отметить, что процесс формирования выводов по результатам осмотра документа, содержащего информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, не оканчивается по завершении его осмотра, а продолжается на протяжении всего расследования, в ходе которого результаты поочередно сопоставляются с другими доказательствами по мере их получения.

В протоколе осмотра документа, содержащего информацию о телефонных соединениях, следователь определяют доказательственное значение определенной части информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и использует их для установления обстоятельств совершенного преступления.

Осмотр документа, содержащего информацию о телефонных соединениях между абонентами, должен заключать анализ установленных обстоятельств. Результаты такого осмотра документа сопоставляются с совокупностью других доказательств. Они могут быть отражены в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), при составлении обвинительного заключения.

Таким образом, можно отметить, что при расследовании хищений, совершаемых с использованием ИТТ, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами связано с различными проблемами. Лица, совершающие преступления в данной сфере, продолжают использовать неидентифицируемые технические средства. Трудности при расследовании данных преступлений возникают из-за несвоевременности поступления информации от операторов связи, организаторов сайтов в сети Интернет. Кроме того, следователи ограничены нормами уголовно-процессуального законодательства. Разработка и расширение уголовно-процессуальных норм при расследовании хищений, совершенных с использованием ИТТ [5, с. 36], будет способствовать установлению лица, совершившего преступление, возмещению причиненного ущерба потерпевшему, получению доказательств при расследовании рассматриваемой категории преступлений.

Литература

1. Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за январь–июнь 2022 г. // <https://мвд.рф/reports/item/31209853/>.
2. Антонов О. Ю. Тактика получения и использования криминалистически значимой информации от операторов связи // *Российский следователь*. 2020. № 4. С. 3–7.
3. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учеб. пособие: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. – 208 с.
4. Скобелин С. Ю. Расширение границ следственного действия в виде получения информации между абонентами // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2019. № 4. С. 115–117.
5. Ушаков А. Ю., Долгачева О. И. Некоторые вопросы правового обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТ-технологий // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*. 2022. № 1. С. 32–36.

УДК 343.985

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛУЖБЫ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ С ДРУГИМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Юлия Ивановна Юрина, преподаватель кафедры криминалистики, Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

iulia.iurina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию значимости участия участковых уполномоченных полиции в раскрытии и сопровождении расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, целесообразности осуществления взаимодействия всех служб территориального органа внутренних дел, в числе которых следователь и участковый уполномоченный полиции. В ходе исследования автор приходит к выводу о необходимости разработки методического обеспечения и его внедрения в деятельность участкового уполномоченного полиции, первостепенными целями которого будут являться выявление, раскрытие и расследование киберпреступлений, в том числе мошенничеств и краж, совершенных с использованием ИТ-технологий. Автор отмечает, что работа по внедрению в органы дознания, в том числе в службу участковых уполномоченных полиции, специальных знаний в области механизма следообразования данных преступлений должна осуществляться в целях увеличения раскрываемости, что невозможно без единого алгоритма взаимодействия всех служб территориальных органов внутренних дел.

Ключевые слова: следователь, взаимодействие, участковый уполномоченный полиции, информационно-телекоммуникационные технологии, сеть Интернет, киберпреступления, поручение

ON THE ISSUE OF THE INTERACTION OF DISTRICT POLICE COMMISSIONERS WITH THE TERRITORIAL BODIES OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF IT TECHNOLOGIES

Yulia I. Yurina, lecturer of the Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul

Abstract

The article is devoted to the study of the importance of the participation of district police officers in the disclosure of crimes and the investigation of criminal cases committed using information and telecommunication technologies (hereinafter IT-technologies), the expediency of the interaction of all services of the territorial body of internal affairs, including the investigator with the district police commissioner. When executing the instructions of the investigator (inquirer), the district police commissioner must have special knowledge in the field of information, telecommunications

and computer technologies. In the course of the study, the author came to the conclusion that it is necessary to develop methodological support and its implementation in the activities of the district police commissioner aimed at identifying, disclosing and investigating cybercrimes, including fraud and theft committed using IT technologies. Thus, the author notes that the work on the introduction of special knowledge in the field of the mechanism of trace formation of these crimes into the bodies of inquiry, including the service of district police commissioners, should be carried out in order to increase the detection rate, which is impossible without a single algorithm of interaction of all services of territorial internal affairs bodies.

Keywords: district police commissioner, investigator, interaction, information and telecommunication technologies, Internet, cybercrime, assignment

В марте 2021 г. проходило расширенное заседание коллегии МВД России, где были рассмотрены основные направления работы органов внутренних дел. Так, как отдельное направление рассматривалась борьба правоохранительных органов внутренних дел с киберпреступлениями. На заседании коллегии отмечалось, что за последние 6 лет количество совершенных киберпреступлений возросло в 10 раз и приоритетным направлением работы системы МВД России должно стать взаимодействие с банковским сообществом, интернет-провайдерами, операторами сотовой связи, которое в целом приведет к росту раскрываемости киберпреступлений. Президент РФ В. В. Путин в ходе заседания обратил внимание на то, что «деятельность органов внутренних дел в данном направлении не должна вестись за счет статистики или бумажной отчетности, важна кропотливая работа на земле»*.

Важность борьбы с киберпреступностью подтверждается созданием за последние два года новых подразделений в структуре МВД РФ, предназначенных для противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Численность сотрудников данных подразделений в марте 2021 г. составляла более 5 тыс. человек**. Такие группы создаются и в территориальных органах внутренних дел. Например, в подразделении оперуполномоченных полиции сформированы группы оперуполномоченных (3–4 человека), деятельность которых напрямую связана с выявлением и раскрытием киберпреступлений и сопровождением дальнейшего расследования уголовных дел. В следственных органах создаются следственно-оперативные группы, состоящих из групп следователей, занимающихся расследованием уголовных дел по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Выявление и раскрытие преступлений является одним из основных направлений деятельности участкового уполномоченного полиции при несении службы на административном участке, который нередко сталкивается с необходимостью сбора материала предварительной проверки по преступлению, совершенному с использованием IT-технологий. Так, возникает вопрос о целесообразности ведения участковыми уполномоченными полиции работы по выявлению и раскрытию киберпреступлений при наличии подразделений, созданных в территориальных органах внутренних дел для выполнения задач в этом направлении.

Следует обратить внимание на тот факт, что многими исследователями (Н. Р. Шевко, Л. П. Зверьянская, Е. А. Антонян, В. С. Овчинский, О. Ю. Антонов) отмечаются проблемы использования сотрудниками органов внутренних дел, в деятельность которых входит предупреждение, выявление, раскрытие и расследования киберпреступлений, специальных познаний в области компьютерной техники, без которых невозможно получение криминалистически значимой информации.

М. Ю. Тарасова и Ю. В. Контемирова предлагают в качестве улучшения деятельности органа дознания по противодействию хищений денежных средств с банковских счетов граждан,

* URL: https://www.itv.ru/news/2021-03-03/402564-o_roste_prestupleniy_v_sfere_it_govoril_prezident_na_rasshirennom_zasedanii_kollegii_mvd (дата обращения: 10.09.2022).

** URL: <https://мвд.рф/news/item/18809813/> (дата обращения: 26.05.2022).

совершаемых с использованием IT-технологий, увеличить штат участковых уполномоченных полиции и создать рабочую группу из числа сотрудников уголовного розыска, главного следственного управления, участковых уполномоченных полиции, бюро специальных технических мероприятий, Центра связи и пресс-службы ГУ МВД в целях разрешения вопросов координации принимаемых мер и анализа итогов противодействия дистанционным мошенничествам и хищениям с банковских счетов [1]. В настоящее время указанные предложения частично реализованы.

Среди ведомственных нормативных актов в рамках данной темы следует отметить приказ Главного управления МВД России по Алтайскому краю от 18 ноября 2021 г. № 499 «Об использовании и пополнении подсистемы ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество»», в соответствии с которым в Алтайском крае ведется учет мошенничеств. На местном уровне регистрируется первичная информация о зарегистрированных сообщениях (заявлениях) о преступлениях, совершенных дистанционным способом с использованием IT-технологий. Внедрение в правоохранительные органы информационно-поисковой системы «Дистанционное мошенничество» предназначено для дистанционного изобличения кибермошенников, система позволяет устанавливать причастность лиц к серийным преступлениям. Доступ к подсистеме с функцией «оператор» имеют почти все службы правоохранительных органов, в их число входят территориальные органы МВД России на районном уровне, а также сотрудники дежурных частей.

Взаимодействие подразделений территориальных органов внутренних дел Алтайского края при раскрытии и расследовании уголовных дел о мошенничествах и хищениях, совершенных с использованием IT-технологий на территории Алтайского края, регулируется сформированным алгоритмом взаимодействия сотрудников – приложение № 2 к распоряжению Главного управления МВД РФ по Алтайскому краю от 1 февраля 2022 г. № 12, в котором обязанности участкового уполномоченного полиции при раскрытии преступлений рассматриваемой категории не указываются.

Киберпреступления отличительны трудностью расследования, высокой степенью латентности. Совершение таких преступлений возможно в любом месте с наличием доступа в сеть Интернет, сетевых структур или информационных технологий. Следовательно, большое значение имеет повсеместное взаимодействие между службами органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющими противодействие киберпреступлениям.

Подразделение участковых уполномоченных полиции априори осуществляют процессуальное взаимодействие с другими территориальными органами внутренних дел в ходе выявления, раскрытия и расследования киберпреступлений в форме исполнения поручений следователя о производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, об осуществлении помощи в их производстве, о принятии мер, призванных создавать необходимые условия для успешного производства следственных действий.

Участковые уполномоченные полиции по заявлениям и сообщениям о преступлениях экономической направленности, тяжких и особо тяжких преступлениях, по заявлениям и сообщениям, не относящимся к компетенции органов дознания, а также о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, совершенных за пределами территории административных участков, закрепленных за ними, проверку не проводят, что объясняет минимизацию взаимодействия территориальных органов внутренних дел с подразделением участковых уполномоченных полиции*.

Нередко следственные органы, в производстве которых находятся уголовные дела о совершенных дистанционных мошенничествах, направляют в подразделения участковых уполномоченных полиции, ведущих свою деятельность в разных регионах России, поручения допросить потерпевшего и свидетелей, проживающих в труднодоступной сельской местности. Такая тенденция объяснима специфичностью данного вида преступлений, выражающейся в их трансграничности.

* О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Системный анализ ведомственных нормативных правовых актов в области взаимодействия подразделений территориальных органов внутренних дел в ходе расследования уголовных дел о мошенничествах и хищениях, совершенных с применением ИТ-технологий, и изученная судебная практика указывают на наличие в настоящее время исключительно процессуальной формы взаимодействия следователя и участкового уполномоченного полиции, выраженной в исполнении последним отдельных преюдициальных для выполнения письменных поручений следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий.

Но нельзя не учитывать организационные формы взаимодействия участкового уполномоченного полиции с другими службами органов внутренних дел в ходе выявления и раскрытия киберпреступлений. Примерами организационной формы будут являться уведомление органов предварительного следствия о готовящемся или совершенном преступлении, создание следственно-оперативных групп с включением в них участковых уполномоченных полиции, планирование следственных, оперативно-справочных и розыскных действий.

Как подчеркивает С. Н. Юсупкадиева, «организационные формы взаимодействия не имеют правового характера и не предусмотрены уголовно-процессуальным законом, но их практическое значение велико, поскольку они обеспечивают согласованную деятельность следователя и органов дознания по расследуемому уголовному делу» [2].

Следовательно, в ходе выявления, раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий, процессуальное и организационное взаимодействие следователя с участковым уполномоченным полиции может осуществляться, но в особых, нестандартных ситуациях.

Примером такого взаимодействия является участие участкового уполномоченного полиции в организации и производстве обыска по месту жительства преступника, осуществлявшего на территории Московской области в 2021 г. мошеннические действия, выраженные в оформлении дистанционно кредитных заявок в различных кредитных учреждениях и микрофинансовых организациях с предъявлением поддельных паспортов граждан Российской Федерации*. В результате получения информации от участкового уполномоченного полиции и оказания им помощи в производстве обыска по месту жительства преступника, последний был задержан и привлечен к уголовной ответственности.

Однако если речь идет о сборе материалов проверки по заявлению или сообщению о совершенном преступлении в сфере ИТ-технологий, то здесь участковому уполномоченному полиции необходимо иметь специальные познания, касающиеся информационно-телекоммуникационных технологий, механизма слеодообразования, новых методов и средств, предназначенных для обнаружения, фиксации и изъятия данных следов.

По некоторым данным, в среднем по России с использованием ИТ-технологий совершается каждое четвертое преступление, а по Москве – практически каждое второе**. В связи с этим является необходимым прохождение участковыми уполномоченными полиции дополнительного обучения по направлению информационной безопасности и противодействию преступлениям в сфере информационных технологий.

Весной 2022 г. при содействии Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ГУОООП) МВД России коллективом Барнаульского юридического института МВД России разработан информационный ресурс «Остановим киберпреступность. В помощь участковому уполномоченному полиции». Его структура и наполнение содержит образец заполнения бланка объяснения по делам о хищениях в сфере ИТ-технологий, инфографику (брошюры, раздаточный материал), приемы бесконфликтного общения участковых

* Материалы уголовного дела № 12101010041001545.

** ТАСС: информационное агентство России: сайт. URL: <http://tass.ru> (дата обращения: 10.09.2022).

уполномоченных полиции с гражданами и другие советы психолога, примеры возможной квалификации хищений, совершенных с применением IT-технологий, алгоритмы действий участковых уполномоченных полиции при сложившихся типичных ситуациях по профилактике киберпреступлений. Использование предназначенных алгоритмов действий участковых уполномоченных полиции могут повлиять на эффективное взаимодействие участковых уполномоченных полиции с подразделениями территориальных органов внутренних дел Российской Федерации, что является положительным опытом Алтайского края.

Следует отметить, что в Алтайском крае работа участковых уполномоченных полиции по борьбе с киберпреступлениями направлена в большей степени на проведение профилактических мероприятий, чем на выявление, раскрытие подобного рода преступлений. Считаем, что такая ситуация складывается в связи с универсальностью подразделений участковых уполномоченных полиции, которая прежде всего объясняется законодательно установленными многочисленными функциями и задачами участковых уполномоченных полиции при несении службы на административном участке.

Подводя итог, важно отметить, что информационная глобализация, складывающаяся из развития современных общественных отношений, диктует новые правила жизни граждан, создавая при этом возможность распространению киберпреступности. Методическое обеспечение и нормативно-правовое регулирование взаимодействия территориальных органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел в сфере IT-технологий требует включения алгоритма взаимодействия, в том числе с подразделениями участковых уполномоченных полиции, как процессуальной, так и в организационной форме. Однако необходимо признать, что взаимодействие территориальных органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел в сфере IT-технологий будет неполноценным в силу отсутствия у сотрудников специальных познаний в области механизма слеодообразования цифровых и виртуальных следов.

Литература

1. Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В. О некоторых проблемах взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел при направлении и исполнении поручений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2(57).
2. Юсупкадиева С. Н. Этапы и формы взаимодействия следователя с другими службами ОВД при раскрытии и расследовании преступлений // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 10.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ПАССАЖИРСКОМ ПОДВИЖНОМ СОСТАВЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Екатерина Александровна Петрухина, старший преподаватель кафедры криминалистики, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород
p.e.a.86@yandex.ru

Аннотация

В настоящее время в научной литературе криминалистические классификации отдельных видов преступлений находятся в стадии активных разработок, однако классификации преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта, не уделено должного внимания. Среди преступлений, совершаемых в подвижном составе железнодорожного транспорта, одну из многочисленных групп составляют преступления, совершаемые в пассажирских поездах. Это обусловлено сложной структурой организации работы железнодорожных организаций, графиками движения поездов, дефицитом времени и информации, интенсивным пассажиропотоком, а также мобильностью и удаленностью местонахождения преступников, потерпевших и очевидцев преступления. В статье дана криминалистическая классификация преступлений, совершаемых в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, определены закономерности определенных групп преступлений, позволяющих разрабатывать рекомендации по выявлению, раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений, а также эффективному использованию при этом специальных знаний.

Ключевые слова: пассажирский подвижной состав, классификация преступлений, специальные знания, железнодорожный транспорт

CRIMINALISTIC CLASSIFICATION OF CRIMES COMMITTED IN PASSENGER ROLLING STOCK OF RAILWAY TRANSPORT

Ekaterina A. Petrukhina, Senior Lecturer of the Department of Criministics, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod

Abstract

Currently, in the scientific literature, criminalistics classifications of certain types of crimes are under active development, but the classification of crimes committed at railway transport facilities is not given due attention. Of particular relevance among the crimes committed in the rolling stock of railway transport are crimes committed in passenger trains. It is caused by the complex structure of the organization of the work of railway organizations, train schedules, lack of time and information, intensive passenger traffic, as well as the mobility and remoteness of the location of criminals, victims and eyewitnesses of the crime. The article provides a criminalistic classification of crimes committed in passenger rolling stock of railway transport, identifies the patterns of certain groups of crimes that allow developing recommendations for the identification, disclosure, investigation, prevention of crimes, as well as the effective use of special knowledge.

Keywords: passenger rolling stock, classification of crimes, special knowledge, railway transport

Изучение проблем расследования преступлений, совершаемых в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, предполагает проведение их криминалистической классификации. Такая необходимость объясняется потребностью в систематизации явлений, фактов, элементов и свойств, присущих преступлениям выбранной категории, в их обобщении в целях правильной организации ведения следствия. Разработанная криминалистическая классификация обеспечивает сознательный подход к изучению и оценке фактических данных, дает правильную ориентацию в складывающихся ситуациях расследования, участвует в определении его задач на всех этапах, тем самым положительно влияя на конечный результат.

Активно используются криминалистические классификации и в криминалистической методике. В частности, развитие криминалистической классификации преступлений, дополняющей их уголовно-правовую классификацию, является, с одной стороны, одним из важных средств повышения методического уровня расследования, а с другой – средством расширения пределов разработки более целенаправленных методов расследования преступлений, совершаемых субъектами в разных условиях различными способами [1, с. 169].

Криминалистические классификации в настоящее время считаются достаточно разработанной научной категорией. Ее исследованием занимались Р. С. Белкин, О. Я. Баев, А. Н. Васильев, И. А. Возгин, Ю. П. Гармаев, А. Ю. Головин, В. А. Образцов, Н. И. Яблоков и другие ученые-криминалисты.

Изучение работ отмеченных авторов позволяет, согласившись в целом с их мнением, сделать собственное заключение о теоретическом и прикладном значении криминалистических классификаций. Являясь средством систематизации преступлений по криминалистически значимым основаниям, способствующим формированию криминалистических характеристик преступлений и разработке частных криминалистических методик, криминалистические классификации позволяют выявлять не только общие закономерности определенной группы преступлений, но и разрабатывать научно-практические рекомендации по выявлению, раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений, а также использованию при этом специальных знаний.

Рассматривая критерии криминалистических классификаций преступлений, обратимся к работам Н. П. Яблокова. По его мнению, «классификация преступлений в методике их расследования должна исходить ... из криминалистических признаков преступления по различным основаниям, имеющим значение для раскрытия преступлений. В перечне таковых особо выделяется способ совершения преступлений, примененные орудия и средства, механизм формирования доказательств» [2, с. 43]. Наряду с отмеченными, в зависимости от вида преступления, в данный перечень могут также включаться иные криминалистически значимые данные, позволяющие методически правильно организовать расследование и, в частности, определять, например, типовые следственные версии.

Примером систематизации преступлений по криминалистически значимым основаниям, обладающим выраженной спецификой, являются преступления, совершаемые в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта.

В структуре преступности на транспорте особо выделяется группа преступлений, совершаемых в пассажирских поездах в процессе железнодорожных пассажирских перевозок (транспортировки людей и багажа). Она составляет более одной трети всех преступлений, совершаемых на транспорте.

Следует отметить, что на железнодорожном транспорте (в отличие от других видов транспорта) пассажирские перевозки обладают рядом особенностей и преимуществ: регулярность независимо от времени года и погодных условий; высокая скорость доставки пассажиров и их комфорт; относительно низкая цена проезда и др. В свою очередь, специфичность перевозочного процесса, так же, как и специфика функционирования

железнодорожного транспорта в целом, сказывается на характере совершаемых преступлений, что существенно влияет на их выявление и расследование, объясняет его криминалистическую сложность [3, с. 233].

Основываясь на положениях криминалистической систематики [4, с. 33], с учетом выделенной нами специфики, все преступления, совершаемые в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, считаем возможным классифицировать по ряду оснований: по видам преступлений, по месту, времени и способу их совершения.

1. Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта по видам деяний

Результаты комплексного анализа деятельности следственных подразделений УТ МВД России по ЦФО в 2021 г.* позволяют показать видовую структуру преступлений, совершаемых в пассажирских поездах:

- кражи (ст. 158 УК РФ) – 3930 преступлений (44,9 % от общего числа зарегистрированных преступлений на железнодорожном транспорте и 27 % от числа зарегистрированных хищений в этой сфере);
- преступления экономической направленности (например, ст. 159, 160, 201 УК РФ и др.) – 768 преступлений (16,4 %);
- преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (например, ст. 228 УК РФ) – 1552 преступления (21,7 %);
- преступления, связанные с незаконным оборотом оружия (например, ст. 222 УК РФ) – 123 преступления (11 %);
- прочие преступления: мошенничества, грабежи, разбои, убийства и др. – 422 преступления (6 %).

Статистика свидетельствует, что наибольший удельный вес в структуре преступлений, совершаемых в пассажирских поездах, занимают преступления против собственности (65 %).

2. Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, по критерию места их совершения

В соответствии с классификацией подвижного состава железнодорожного транспорта местами совершения преступлений могут быть поезда, выполняющие пассажирские перевозки: пассажирские, почтово-багажные; грузопассажирские. Они обладают рядом признаков, которые возможно учитывать при криминалистической характеристике преступлений, совершаемых в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, в их числе категория пассажирского поезда. Места совершения преступлений с учетом категории поезда могут варьироваться. Так, в пригородных поездах местом совершения преступлений могут быть: салон (49,3 %); пассажирский тамбур (27 %); туалетная комната (15 %); площадка переходная (7,7 %).

В пассажирских поездах дальнего следования типичными местами совершения преступления являются: купе вагона, плацкартное купе (35 %); служебное купе (23 %); коридор вагона (15 %); тамбур вагона (8 %); вагон пригородного электропоезда (6 %); туалет вагона (5 %).

На основе представленных данных можно заключить, что наиболее типичными местами совершения преступлений как в пригородных поездах, так и в поездах дальнего следования, являются салон, купе или плацкартное купе вагона.

По нашему мнению, место совершения преступления влияет на моделирование обстановки совершенного деяния и характер проверочных действий. Информация об обстановке совершения преступления имеет значение при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также при построении версий о личности преступников.

В связи с этим изучение обстановки места совершения преступления может служить основой для предположения о времени и способе его совершения, о личности преступника

* Состояние преступности на транспорте. Данные ГУТ МВД России за январь – декабрь 2021 г.

и потерпевшего; об объекте преступного посягательства; об используемых орудиях; о типичном для рассматриваемых преступлений механизме слеодообразования; о возможных способах сокрытия преступления. С учетом этого при проведении следственных действий, особенно на первоначальном этапе расследования, следователю необходимо привлекать специалиста для тщательной фото- и видеофиксации места происшествия. Это связано с тем, что в условиях функционирования пассажирского подвижного состава провести повторный либо дополнительный осмотр места происшествия проблематично.

Наиболее важным с информационной точки зрения следственным действием, выполняемым в условиях пассажирского поезда при обнаружении преступления, является осмотр места происшествия [5, с. 101]. Главной его задачей являются изучение обстановки места происшествия для выяснения всех обстоятельств произошедшего, а также обнаружение, фиксация и изъятие следов и предметов, связанных с преступным деянием.

Нельзя не отметить специфичность места проведения осмотра в условиях пассажирского состава. Она заключается в ограничении во времени и пространстве, большом пассажиропотоке, что негативно сказывается на сохранности места происшествия в неизменном виде. Следует отметить, что использование технических средств в данных условиях значительно ограничено. В этом также усматривается специфика.

3. Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, по времени их совершения

Немаловажное значение для эффективности расследования названной нами группы преступлений имеют сведения о времени совершения преступления. Анализ статистических данных показывает, что значительный рост преступлений в пассажирских поездах приходится на летний сезон. В период с июня по август (сезон отпусков) совершается на 15 % преступлений больше, чем за период с ноября по январь. Это связано с активизацией пассажироперевозок и введения дополнительных пассажирских поездов. Кроме того, 48 % преступлений в пассажирских поездах совершаются в ночное время с 0 до 8 часов, когда большинство пассажиров спят. В поездах пригородного сообщения количество преступлений возрастает в выходные и предвыходные дни.

4. Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, по способу их совершения

Наиболее информативное значение для методико-криминалистического обеспечения расследования рассматриваемой категории преступлений имеет способ совершения преступления.

Под способом совершения преступления понимается охватываемая единым преступным замыслом система действий субъектов преступления до, в момент и после его совершения [6, с. 33]. Иными словами, это действия, проходящие фазы подготовки к совершению преступления, непосредственной реализации преступного замысла и его сокрытия.

В соответствии со сложившейся в криминалистике классификацией способы совершения преступлений делятся на полноструктурные и неполноструктурные [7, с. 334; 8, с. 6]. Полноструктурный способ совершения преступлений в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта можно охарактеризовать как действия, относящиеся ко всем трем его элементам: подготовке, непосредственному совершению преступления и его сокрытию, проистекающим в специфических условиях места. При неполноструктурном способе один или два из этих элементов (подготовка к совершению преступления либо сокрытие) могут отсутствовать.

Фаза подготовки к совершению преступления в пассажирских поездах может включать в себя изучение и анализ:

а) пространственно-временных характеристик движения пассажирских поездов (схемы движений поездов, остановки в пути следования, время стоянки и пр.). Эти сведения

преступники используют для выбора наиболее безопасного способа совершения преступления, включающего в себя меры по сокрытию следов посягательства уже на подготовительной стадии. По статистике, в 10 % случаях преступники заранее изучали и выбирали маршруты поездов определенного направления, а также вагоны определенного класса. Для 21,8 % похитителей имело значение планирование времени совершения кражи;

б) конструктивных особенностей вагонов, их элементов (купе, спальные места, багажные отделения, переходы, туалеты, тамбуры, система запорных механизмов дверей). Так, например, гр. К. для планируемой перевозки наркотических средств в купе пассажирского вагона заранее изучил планировку вагона, маршрут движения поезда*. Обычно запрещенные для перевозки вещества прячутся в котлах отопления, электрощитах, нишах для постельного белья и пр.;

в) сведений, обеспечивающих совершение преступления (данные о проводниках, нарядах сопровождения поездов, изучение личности предполагаемых жертв и др.). Так, гр. П., планируя совершать кражи имущества пассажиров поезда № 742 сообщением Москва – Белгород, брала с собой сильнодействующий психотропный препарат. Наблюдая за поведением пассажиров поезда, выбирала для совершения преступления пассажиров мужского пола, распивающих спиртные напитки, затем подсаживалась к ним, завязывала разговор, в ходе которого незаметно подсыпала психотропное вещество, тем самым обеспечивая совершение кражи личного имущества**.

Фаза непосредственной реализации преступного замысла. Многообразие видов преступлений предполагает разнообразие способов их совершения.

Примерами могут являться преступления, совершаемые путем свободного доступа (в пассажирских поездах большое число краж совершается путем случайного обнаружения забытых личных вещей – телефонов, кошельков, ноутбуков); преступления, совершаемые путем проникновения в закрытое купе либо способом взлома, либо способом открытия специальными железнодорожными ключами.

Фаза сокрытия преступного деяния и оставляемых им следов. В пассажирских поездах с сокрытием совершаются две трети от общего количества преступлений. Особенность сокрытия преступного деяния в пассажирских поездах предполагает уничтожение следов на месте преступления, укрытие или выбрасывание орудий совершения преступлений из движущегося поезда, маскировка под несчастный случай, наступивший якобы в результате наезда поезда; инсценировка; фальсификация (заведомо ложное сообщение о преступлении, создание ложных следов), изменение внешности и т. п.

Подводя итог, считаем возможным констатировать, что отрасль железнодорожного транспорта характеризуется внутренним экономическим многообразием направлений и сфер деятельности, каждое из которых технически, технологически и экономически индивидуально. Это подтверждают специфика и видовое разнообразие преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, особенности их механизма, способов подготовки, совершения и сокрытия, что в целом формирует систему признаков этих преступлений [9, с. 631].

В заключение отметим, что криминалистическая классификация преступлений, совершенных в подвижном составе железнодорожного транспорта, представляет собой актуальную криминалистически значимую информацию о типичных преступлениях в этой сфере, совершенных в определенный период времени в определенном месте, в специфических условиях. Она может явиться основой для разработки действий по распознаванию преступлений в указанной сфере, организации их расследования, построения следственных версий, разработки эффективной тактики отдельных следственных действий и использования специальных знаний.

* Уголовное дело № 1–484/2021. Архив Свердловского районного суда г. Белгорода.

** Уголовное дело № 5–190/2021. Архив Свердловского районного суда г. Белгорода.

Литература

1. Михайлов О. Я. Классификация преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. 169 с.
2. Яблоков Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 5. С. 40–50.
3. Чиненов Е. В., Шукин В. И., Симоненко Е. И. Специфика функционирования железнодорожного транспорта и ее влияние на процесс раскрытия и расследования экономических преступлений // ЮП. 2019. № 2 (89). С. 232–236.
4. Образцов В. А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. 33с.
5. Шукин В. И., Чиненов Е. В., Скоморохов О. Н. Организационные и тактические аспекты осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершенных в пассажирских поездах // ППД. 2017. № 2. С. 100–103.
6. Образцов В. А. Указ. соч.
7. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
8. Дудников А. Л. Криминалистическое понятие «способ преступления» // Проблемы законности. 2012. № 120.
9. Чиненов Е. В. Криминалистическая классификация преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, и ее роль в формировании частных криминалистических методик // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 623–634.

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РАСКРЫТИИ, РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ольга Юрьевна Проурзина, преподаватель-методист информационного центра,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург
9216551424@mail.ru

Аннотация

В статье представлен обзор некоторых открытых информационных систем, программных приложений и информационно-технических средств, которые могут быть использованы для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, направленных против несовершеннолетних. На примере г. Санкт-Петербурга рассмотрено применение научных разработок и информационных технологий в повседневной жизни граждан, доступность негосударственных информационных систем в служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: расследование, предупреждение преступлений, несовершеннолетние, информационные системы

THE USE OF INFORMATION SYSTEMS IN THE DETECTION, INVESTIGATION AND PREVENTION OF CRIMES AGAINST MINORS

Olga Yu. Prourzina, lecturer-methodologist of the information center, Saint Petersburg University of the Ministry of the Internal of Russia, Saint Petersburg

Annotation

The article provides an overview of some open information systems and information technology tools that can be used to detect, investigate and prevent crimes against minors. Using the example of St. Petersburg, we will consider the use of scientific developments and information technologies in the daily life of citizens, the availability of non-state information systems in the official activities of law enforcement officers.

Keywords: Investigation, crime prevention, minors, information systems

Актуальность темы исследования обусловлена развитием научно-технического прогресса современного общества и введением в эксплуатацию концептуально новых информационных систем и информационно-коммуникационных устройств. В настоящей статье рассмотрим применение не предназначенных для служебного использования сотрудниками правоохранительных органов информационных систем для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Открытые информационные системы и пользовательские информационно-коммуникационные устройства являются доступными для населения в связи с развитием информационных технологий, невысокой стоимостью оплаты услуг связи, функционированием без оплаты, многофункциональностью. Внедрение информационных технологий в жизнь современного общества представляет возможности для предупреждения правонарушений, а также для раскрытия и расследования преступлений.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, за последние несколько лет зафиксирована убыль численности населения нашей страны. В связи с этим Правительство Российской Федерации разработало и внедрило

ряд социальных программ, направленных на улучшение демографической ситуации в стране и поддержку семьям, имеющим детей. Снижение рождаемости и естественная убыль являются причинами уменьшения численности населения России в целом. В Российской Федерации реализуются государственные программы по поддержке материнства и детства, по социальной поддержке семей, имеющих детей. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно для роста численности населения России. Забота о подрастающем поколении выражается не только в социальных мерах поддержки, но и в снижении числа преступлений, совершаемых по отношению к несовершеннолетним. Дети и подростки очень часто становятся жертвами преступлений, поэтому нуждаются в пристальном внимании и защите как со стороны родителей, так и со стороны государства.

По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2019 г. количество преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, по сравнению с 2018 г. увеличилось на 3,4 % – с 96150 до 99382. И если в 2020 г. этот показатель снизился до 90374, то в 2021 г. в отношении несовершеннолетних было совершено более 103 тыс. преступлений. За первое полугодие 2022 г. против несовершеннолетних совершено 56377 преступлений. Следует учитывать и то, что в статистические сведения включены раскрытые и расследованные преступления, но нередко преступления против несовершеннолетних носят латентный характер и не фиксируются в сводках.

Важно подчеркнуть, что недостаточное информирование детей и подростков, отсутствие определенных навыков поведения и обеспечения личной безопасности, правовая неграмотность или психологические особенности личности создают условия для совершения преступлений в отношении несовершеннолетних.

В настоящее время существуют многочисленные информационно-технические разработки, которые могут послужить для предупреждения преступности против несовершеннолетних, а также для раскрытия и расследования преступлений данной категории.

Изучение детерминант и условий совершения преступлений с применением информационных систем позволяет установить факт самого события преступления, обстоятельств его совершения и получить неоспоримые доказательства. При раскрытии и предупреждении преступлений против несовершеннолетних весомое значение имеет определение его местоположения в условиях срочности и достоверности получения информации. В этом могут помочь информационно-коммуникационные устройства, находящиеся в личном пользовании или функционирующие в информационных системах организаций. Данные устройства экономически доступны и просты в эксплуатации.

В числе личных информационно-технических средств, помогающих определить местонахождение ребенка, следует назвать GPS-трекеры – устройства, отслеживающие местонахождение и перемещение объекта. К ним можно отнести различные по техническому исполнению, стоимости и сложности работы приборы, выпущенные в виде брелоков, часов, браслетов, маячков, трекеров. Все эти устройства объединяет технология передачи данных по определению геолокации объекта. Дизайн исполнения устройства и его функциональные возможности могут быть различными и зависят от тех задач, которые будут выполнять, включая возможность скрытого размещения в одежде или личных вещах ребенка. К недостаткам данного устройства можно отнести необходимость поддержания заряда батареи и риск потери самого трекера. Трекер работает синхронно с коммуникационным устройством (например, смартфоном) родителя. На трекере может быть предусмотрена «тревожная кнопка», при нажатии которой передается сигнал о том, что ребенку требуется помощь. Информация, которую передает трекер, помогает определить уровень заряда устройства, его местонахождение на карте. «Умные часы» также выполняют функцию трекера, но относятся к устройствам с расширенной функциональностью, могут быть подключены к смартфону ребенка и исполнять роль переговорного устройства*.

* Нашли по часам: «умный» гаджет спас российскую девочку от педофила // Известия. 2021. 7 ноября.

Дети и подростки, оказавшись в опасной ситуации на улице, должны знать, что можно вызвать помощь и обратиться к экстренным службам реагирования не только при помощи телефона. В качестве общественных информационно-технических средств обратим внимание на информационно-коммуникационные терминалы экстренной связи «Гражданин – Полиция», которые позволяют обеспечивать связь граждан с диспетчерами службы экстренной помощи и направить ближайший наряд полиции по месту нахождения обратившегося. Терминал экстренной связи «Гражданин – Полиция» представляет собой комплекс оборудования и программного обеспечения, который позволяет принимать обращения граждан по двустороннему аудиоканалу через устройство экстренной связи в Центр обработки вызовов «112» с возможностью видеофиксации. Терминалы оборудованы видеокамерой, переговорным устройством, связь с диспетчерской службой устанавливается одним нажатием кнопки. Информирование несовершеннолетних о возможности обращения за помощью посредством терминалов позволит сократить время для определения их местонахождения и направления к ним ближайшего экипажа экстренной службы (полиция, «скорая помощь»). Терминалы расположены в общественных местах, на улицах, доступны для использования, обеспечены освещением для удобства граждан. Также диспетчер может помочь сориентироваться обратившемуся ребенку, если он потерялся или нуждается в психологической помощи, для этих целей всегда есть дежурный психолог в составе смены службы экстренной связи. На наш взгляд, необходимо обучать несовершеннолетних граждан правилам пользования экстренным терминалом и разъяснять возможности данного устройства.

К общественным информационно-техническим средствам считаем нужным отнести информационно-коммуникационные терминалы «Умный дом» и «Домофон». Данные устройства могут входить в программно-аппаратный комплекс «Безопасный город» и «Умный двор». В этом случае их размещение и функционирование будет осуществляться по единым требованиям Городского мониторингового центра, а могут быть представлены в виде негосударственных информационных систем, реализованных за счет финансирования управляющей компании, обслуживающей многоквартирный дом. Несмотря на простоту применения и ограниченный функционал этих устройств, они могут оказать помощь в расследовании и предупреждении преступлений. В современных домофонах имеется скрытая видеокамера, фиксирующая изображение на определенном расстоянии.

В Санкт-Петербурге, как и во многих других городах, функционирует программно-аппаратный комплекс «Безопасный город», в который входит система городского видеонаблюдения. Для территориальных отделов органов внутренних дел предоставлена техническая возможность доступа к городской системе видеонаблюдения для контроля за оперативной обстановкой, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности и раскрытия преступления по горячим следам.

Видеофиксация с места происшествия при раскрытии и расследовании преступлений представляет сотрудникам органов внутренних дел криминалистически значимую информацию. Благодаря единой системе видеонаблюдения ни одно дорожно-транспортное происшествие или противоправное действие, совершаемое в городе и попавшее в зону охвата видеокамеры, не останется незамеченным. Событие попадает в объектив видеокамеры, после чего информация в режиме реального времени поступает на монитор оператора, который фиксирует событие, а также на серверы-видеорегистраторы для последующего хранения. Срок хранения оперативного архива составляет 7 суток (на некоторых объектах – до 60 суток). По запросу органов внутренних дел видеозапись с городских видеокамер может быть предоставлена сотрудникам правоохранительных органов, адвокатских контор и иных органов, уполномоченных на работу с информацией подобного рода. Кроме того, любой гражданин может оставить заявку на сохранение видеоархива о происшествии, которое затрагивает его права и свободы. Сегодня во всех 18 районах

Санкт-Петербурга увеличивается количество видеокамер системы городского видеонаблюдения. В их поле зрения – сложные перекрестки и оживленные магистрали, городские парки и дворы спальных районов.

По состоянию на сентябрь 2022 г. в Санкт-Петербурге функционируют более 65 тыс. камер, подключенных к аппаратно-программному комплексу «Безопасный город». Система видеонаблюдения «Городской мониторинговый центр» аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» представляет систему видеofиксации и хранения информации с улиц и общественных мест города. При использовании приложения «Безопасный город» можно определить видеокамеру, находящуюся поблизости, ознакомиться с областью ее обзора, запросить в архиве системы сведения по отснятому видеоматериалу с конкретной камеры для расследования преступления. Вместе с тем необходимо учитывать временные рамки, существующие для хранения, обработки, архивирования и уничтожения данных.

Общественные места и улицы многих крупных городах Российской Федерации снабжены системами видеонаблюдения, что помогает обеспечивать общественную безопасность и охранять общественный порядок*. Однако дворы и подъезды многоквартирных домов часто становятся местами совершения преступлений в отношении несовершеннолетних**. При расширении системы аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» был внедрен один из самых масштабных комплексных инфраструктурных проектов – «Умный двор». Главная его задача – сделать дворы и парадные максимально безопасными для жителей. Проект предусматривает создание единой комплексной системы мониторинга, обеспечивающей безопасность и контроль ситуации на дворовых территориях. В рамках проекта предусмотрена комплексная модернизация домофонной инфраструктуры парадных многоквартирных домов и размещение на входах в парадные современных устройств мониторинга. В конце 2020 г. проект был реализован почти в 2000 жилых домов в 8 районах города (более 7,5 тыс. устройств со свободным доступом wi-fi во дворах). Получение видеозаписей с камер городского видеонаблюдения является отлаженным механизмом взаимодействия органов внутренних дел и Городского мониторингового центра. В то время как обеспечение видеонаблюдения на входе в подъезд, в парадных многоквартирных домов, на чердаках и в кабинах лифтов попадает в ведение частных организаций и осуществляется на договорной основе с управляющими компаниями***. В этих случаях получение видеofиксации с места преступления проводится сотрудниками, расследующими преступление, исходя из их личного опыта и профессионализма. Отсутствие единой схемы размещения приборов видеонаблюдения, единых центров хранения, архивации видеозаписей и обработки запросов представляет сложность при раскрытии и расследовании преступлений. Не всегда дети и подростки сообщают родителям или законным представителям о том, что стали жертвой преступления и впоследствии сотрудники органов внутренних дел, расследующие преступление, вынуждены приступать к поиску видеозаписи за продолжительный период, предшествующий дате поступления заявления о преступлении.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет система видеонаблюдения в городском транспорте****, которая позволяет контролировать соблюдение правил дорожного движения водителем, пешеходами и другими участниками дорожного движения; фиксирует поведение пассажиров, позволяет обнаружить бесхозные и безнадзорные предметы, определять

* Камера запечатлела, как женщина выкинула ребенка в центре Москвы // Вести. 2021. 14 августа. URL: <https://www.vesti.ru/article/2600625/> (дата обращения: 31.08.2022).

** Камеры наблюдения «Безопасный город» помогли нижегородским полицейским найти ребенка // Новости ГУ МВД России по Нижегородской области. URL: <https://52.мвд.рф/news/item/23644472/> (дата обращения: 31.03.2021).

*** «Умный двор» Калининского района г. Санкт-Петербурга. URL: <http://okrug21.ru/> (дата обращения: 23.09.2022).

**** Трехлетняя девочка несколько часов одна каталась в автобусе в Калининграде. Ребенка искали по камерам // Фонтанка. 2019. 23 октября. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/10/23/126/?ysclid=l8vce5utaz246053834> (дата обращения: 23.09.2022).

способы оплаты проезда, а также может повлиять на снижение количества карманных краж и иных правонарушений в салоне общественного транспорта. К недостаткам данной системы видеofиксации нужно отнести ее локальность в отношении каждого вида транспорта и индивидуальные технические решения при проектировании и эксплуатации. Несмотря на то, что транспортные системы видеofиксации расположены в общественном транспорте, но сами видеозаписи обрабатываются и хранятся локально по месту нахождения организации, осуществляющей пассажирские перевозки. И в случае необходимости получения архивной видеозаписи необходимы временные затраты сотрудников органов внутренних дел для получения данных. В каждом конкретном случае сама организация-перевозчик определяет количество и технические характеристики технических средств, входящих в систему видеонаблюдения, а также сроки хранения видеозаписи. Так, например, система видеонаблюдения на метрополитене имеет возможность архивирования видеозаписи, функцию распознавания лиц и предоставляет видеозаписи для использования правоохранительными органами в едином центре. Другие транспортные организации размещают технические средства системы видеонаблюдения в соответствии с внутренним положением предприятия и рекомендациями разработчика, хранят видеозаписи в локальных системах, не имеют единых правил по сбору, хранению и архивации данных, что является существенным недостатком при проведении расследования преступлений. По нашему мнению, назрела необходимость введения единых требований по организации, хранению, архивированию и предоставлению информации, полученной из систем видеонаблюдения на транспорте.

К локальной системе видеонаблюдения можно отнести системы, размещенные в образовательных, лечебных заведениях, в общественных учреждениях и организациях. Изучение системы видеонаблюдения в образовательных учреждениях представляет интерес при раскрытии и расследовании преступлений. Такими системами охватываются не только сами здания и помещения детских садов, спортивных, общеобразовательных школ, но и прилегающие территории, спортивные площадки и сооружения, расположенные на территории. Все это позволяет контролировать доступ посторонних лиц на объекты образовательных учреждений, исключить порчу имущества образовательного учреждения, расположенного вне зданий, повысить дисциплину обучающихся, снизить количество краж, а также установить обстоятельства совершения преступлений, несчастных случаев, получения травм учащимися. К недостаткам данных систем можно отнести отсутствие единого стандарта размещения технических средств видеонаблюдения, общих требований по техническим характеристикам и размещению системы видеонаблюдения в образовательном учреждении. В отдельно взятом образовательном учреждении руководитель или рабочая группа из числа сотрудников образовательного учреждения часто составляет техническое задание для внедрения системы видеонаблюдения, не обладая при этом специальными знаниями, что может привести к приобретению малофункциональных средств видеонаблюдения, нерациональному использованию системы видеонаблюдения или поставке технических средств с низкими техническими характеристиками по завышенным ценам.

Системы видеонаблюдения, расположенные в общественных местах, в торговых центрах, например, также оборудованы средствами видеofиксации. Видеозаписи с данных объектов, полученные органами следствия и дознания, помогают раскрывать преступления «по горячим следам», разыскивать несовершеннолетних, устанавливая личности соучастников преступлений, собирать доказательства. Однако отсутствие единого реестра объектов видеofиксации негосударственных систем видеонаблюдения создает сложности при раскрытии и расследовании преступлений с применением негосударственных систем видеонаблюдения. Разнообразные технические решения при внедрении данных систем у частных лиц, в негосударственных организациях, учреждениях, отсутствие технического регламента и единых требований по срокам хранения видеозаписи создает сложности при сборе и анализе сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Сложно представить современного подростка без «умного» телефона – смартфона. Как правило, смартфон как информационно-коммуникационное устройство является не только мобильным телефоном, но и коммуникатором с широким набором функциональных возможностей. Видеозапись, фотофиксация, диктофон, определение геолокации устройства, программное определение местоположения объекта, возможность выхода в информационно-коммуникационную сеть «Интернет», применение в качестве платежного средства и хранилище информации – лишь некоторые возможности, которые предоставляют современные средства связи. При раскрытии и расследовании преступлений в отношении несовершеннолетних данные их смартфонов могут предоставить следователям исчерпывающую информацию, начиная от перемещения объекта, установленных соединений с другими абонентами и до получения персональных данных*.

Оказание услуг сотовой связи в наши дни неразрывно связано с передачей и хранением данных посредством беспроводной связи. Учитывая широкий спектр информационных услуг, осуществляемых операторами сотовой связи, остановимся лишь на нескольких функциональных возможностях, предоставляемых пользователям услуг мобильной связи, а также сотрудникам правоохранительных органов**. Для родителей несовершеннолетних будет полезна услуга по контролю местонахождения абонента, как по взаимному согласию, так и по решению родителей (законных представителей) в одностороннем порядке***. Опция определения местонахождения абонента при оказании услуг сотовой связи может быть представлена при оформлении определенных тарифов на оказание услуг связи или при подключении дополнительной услуги для определения местоположения. Подключение данной опции необходимо на смартфонах двух абонентов для определения их местонахождения компанией, оказывающей услуги передвижной мобильной связи****. Так, например, оператор сотовой связи «Мегафон» предлагает данную опцию родительского контроля «Маячок». К недостаткам данной опции можно отнести оплату данной услуги, возможность подключения не во всех регионах Российской Федерации*****.

При согласии несовершеннолетнего обмениваться данными по местонахождению с родителями и близкими можно использовать приложения для определения местонахождения абонента. Некоторые приложения позволяют осуществлять данную возможность даже при выключенной функции геолокации на самом устройстве. К недостатку подобных приложений следует отнести необходимость подключения смартфона к информационно-коммуникационной сети «Интернет» для актуализации местоположения объекта. Некоторые приложения также могут фиксировать уровень заряда абонентского устройства, скорость его перемещения и отображение на карте местности. Данные функциональные возможности можно рассмотреть на примере приложения для определения местоположения «Zenly»*****. Удобство работы данного приложения заключается в том, что оно работает на мобильном телефоне абонента без оплаты и позволяет обмениваться голосовыми, текстовыми и графическими сообщениями. В качестве неудобства для пользователя можно считать необходимость подключения смартфона к информационно-коммуникационной сети Интернет, создание учетной записи для установки приложения, а также получение согласие других абонентов из числа контактов пользователя для определения их местоположения в данном приложении. Мобильные приложения с подобными функциональными возможностями представлены в виде нескольких

* Мобильное приложение «Find my kids». URL: <https://findmykids.org/ru/>.

** Мобильное приложение «Где мои дети». URL: <https://gdemoideti.ru/?ysclid=l8vcsmlytp766419391/>.

*** Родительский контроль Tele2. URL: <https://deti.tele2.ru/landing/>.

**** Родительский контроль «Билайн». URL: <https://spb.beeline.ru/customers/products/mobile/services/details/roditelskiy-kontrol-new/>.

***** Родительский контроль от ПАО «Мегафон». URL: https://spb.megafon.ru/services/family/roditelskiy_kontrol/?ysclid=l8vd39qgd7841211197/.

***** Мобильное приложение для отслеживания геолокации «Zenly». URL: <https://zenly.com/>.

программных решений и выбираются абонентами самостоятельно. При раскрытии и расследовании преступлений в отношении несовершеннолетних важна оперативная и достоверная информация, которая может находиться и в данных программных приложениях.

В настоящей статье проведен обзор лишь некоторых современных информационно-технических средств и вневедомственных информационных систем, имеющих криминалистически значимую информацию для органов следствия и дознания при раскрытии и расследовании преступлений, рассмотрены варианты использования информационных систем, программных приложений и информационно-коммуникационных устройств, не требующих значительных финансовых расходов, предоставляется абонентам на безвозмездной основе, а сотрудникам правоохранительных органов не требуется специальных познаний для определения функциональных возможностей информационных устройств и систем.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что необходимо разработать и реализовать проекты по информированию населения с участием правоохранительных органов о применении информационных систем, направленных на предупреждение и предотвращение преступлений. В современных условиях целесообразно информирование населения органами внутренних дел о возможностях современных информационных систем открытого доступа. Считаем, что повышение эффективности работы по раскрытию и расследованию преступлений будет достигнуто с учетом того, что применение вневедомственных информационных систем сотрудниками органов внутренних дел должно быть регламентировано. В настоящее время в российском законодательстве нет отдельного закона, регулирующего деятельность по видеонаблюдению, например. В связи с этим считаем целесообразным предложить разработку нормативно-правовой базы, регулирующей размещение, ведение и интеграцию негосударственных систем видеонаблюдения с аппаратно-программным комплексом «Безопасный город», организовать реестр систем видеонаблюдения с применением учета приборов видеофиксации и технических средств регистрации.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анастасия Анатольевна Бондарева, адъюнкт, Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению содержания криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства. В структуре характеристики отражены важные, подлежащие установлению сведения о личности преступника и мигранта, о способе и об обстановке совершения преступления, об обстоятельствах, способствующих совершению преступления, о механизме слеодообразования. Отмечается значимость криминалистической характеристики в организации эффективного и качественного расследования указанной категории преступлений.

Ключевые слова: иностранный гражданин, криминалистическая характеристика преступлений, лицо без гражданства, мигрант, миграционное законодательство, организация незаконной миграции, фиктивная регистрация

ON THE ISSUE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE FIELD OF VIOLATION OF MIGRATION LEGISLATION

Anastasiya A. Bondareva, post graduate, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul

Abstract

The article is targeted at the criminalistic characteristics of crimes within the area of the infraction of migration legislation, the structure of which reflects the important circumstances to be established: the personalities of the criminal and migrant, the technique used to commit a crime and the environment of the crime, the circumstances contributing to the commission of crimes, the mechanism of trace formation. Criminalistic characteristics in the organization of an effective and high-quality investigation of crimes of this category is of high importance.

Keywords: foreign citizen, criminalistic characteristics of the crime, stateless person, migrant, migration legislation, organization of the illegal entry, fictitious registration

Миграционные процессы являются неотъемлемым элементом развития общества и государства, оказывающие влияние на политическую, экономическую, социальную обстановку, демографическую ситуацию в стране и, конечно же, на национальную безопасность страны.

Согласно статистическим сведениям МВД России, за период январь – октябрь 2022 г. были зарегистрированы следующие преступления в сфере нарушения миграционного законодательства: организация незаконной миграции – 938 преступлений (на 16,8 % больше, чем в 2021 г.); фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица

без гражданства по месту жительства – 4322 факта (на 28,4 % меньше чем в прошлом году); фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации – 27750 преступлений (на 9,4 % больше)*.

В настоящее время государством предпринимаются закрепленные в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы** меры, целью которых является активизация борьбы с нарушениями миграционного законодательства. Концепция содержит основные направления миграционной политики по выявлению и пресечению нарушений миграционного законодательства Российской Федерации.

Уголовная ответственность за нарушения законодательства в сфере миграции закреплена в ст. 322, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ. Указанные уголовно-правовые нормы обладают рядом криминалистически значимых качеств, что позволяет их рассматривать комплексно, так как они имеют одну и ту же сферу преступного посягательства; обусловлены фактом незаконного въезда в страну мигранта, его пребывания или проживания на ее территории; совершение преступных деяний также образуют их совокупность.

При раскрытии и расследовании преступлений важным является изучение их криминалистической характеристики.

Следует отметить, что криминалистическая характеристика преступлений является научной абстракцией, отражающей типичные признаки, особенности, типичное содержание преступлений данного вида [1, с. 28].

Традиционно в структуре криминалистической характеристики преступлений представлены элементы, которые содержат сведения:

- о способах совершения преступления;
- об обстановке преступления;
- о предмете преступного посягательства;
- о личности преступника;
- о потерпевших;
- о механизме следообразования.

Изучение судебно-следственной практики позволяет выделить следующие коррелятивно связанные между собой элементы структуры криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства:

- личность преступника;
- личность мигранта;
- способ совершения преступления;
- обстановка совершения преступления;
- механизм следообразования;
- обстоятельства, способствующие совершению преступления.

А. В. Сухарникова выделяет личность незаконного мигранта как самостоятельный элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере организации незаконной миграции и рассматривает данный элемент как один из ведущих элементов структуры криминалистической характеристики [2, с. 68]. Мы считаем это верным.

На наш взгляд, личность мигранта играет ключевую роль в структуре криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства. Рассмотрим указанный элемент подробнее.

Законодатель к категории иностранных граждан и лиц без гражданства, которые находятся незаконно на территории Российской Федерации, относит лиц, въехавших

* Состояние преступности (актуальные данные) / Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/33913311/> (дата обращения: 02.12.2022).

** Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на территорию России с нарушением установленных правил либо не имеющих документов, подтверждающих право находиться на территории страны, либо не желающих покидать Россию по истечении срока пребывания, а равно нарушивших правила транзитного проезда через Российскую Федерацию*.

В зависимости от цели прибытия на территорию России С. Ю. Бирюков делит нелегальных мигрантов:

- на прибывших в Российскую Федерацию в целях ведения легальной трудовой деятельности;
- прибывших в Российскую Федерацию в целях совершения противоправных деяний;
- прибывших в Российскую Федерацию транзитом с целью последующего переезда в другие государства [3, с. 50–51].

В криминалистической характеристике преступлений ключевое место занимает такой ее элемент, как способ совершения преступления, являющийся наиболее значимым и информативным элементом.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 способами совершения преступных деяний в сфере нарушения миграционного законодательства названы:

- организация незаконной миграции;
- незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации;
- фиктивные регистрация по месту жительства, постановка на учет по месту пребывания мигранта в Российской Федерации**.

Сущность перечисленных способов отражается в совершении следующих преступных нарушений:

- мигрант осуществляет пересечение Государственной границы РФ с соблюдением установленного законом порядка прохождения пограничных КПП или вне их (как самостоятельно, так и с помощью средств передвижения);
- мигрант осуществляет пересечение Государственной границы РФ, не имея с собой действительных документов, либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- осуществление с участием мигранта организации незаконного въезда в РФ;
- осуществление с участием мигранта организации его нелегального нахождения на территории РФ (путем предоставления жилища или помещения для проживания, трудоустройства на территории России либо фиктивное предоставление перечисленных условий);
- осуществление организации незаконного транзита через территорию России;
- иные действия.

Вышеперечисленные преступные деяния способствуют образованию определенной следовой картины указанной категории преступлений. Так, к элементам механизма следообразования относятся:

- документы мигранта (в частности, документы, удостоверяющие личность, разрешающие пребывать или проживать на территории страны, а также осуществлять трудовую деятельность и т. д.);
- средства вычислительной техники, отражающие информацию о преступных нарушениях миграционного законодательства, а также используемые для изготовления подложных или поддельных документов для создания условий незаконного нахождения мигрантов на территории РФ;

* О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федер. закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– документы, находящиеся в кабинетах сотрудников миграционной службы, содержащие сведения о постановке на миграционный учет мигранта, об обращении с заявлением установленного образца о выдаче разрешения на временное проживание в Российской Федерации, вида на жительство в Российской Федерации, об оформлении российского гражданства и т. д.;

- следы рук, ног, следы биологического происхождения и т. д.;
- иные следы.

Так, И., являясь одним из участников группы лиц по предварительному сговору, представлял в национальных заграничных паспортах иностранных граждан фиктивные дата-штампы пограничного контроля и выдавал им фиктивные миграционные карты за денежное вознаграждение*.

Изучение характерных качеств (социальных, психологических, биологических, демографических, профессиональных) личности преступника позволяет определить корреляционные связи данного элемента криминалистической характеристики с иными ее элементами, что способствует изучению механизма совершения преступлений данными лицами и установлению значимых обстоятельств содеянного.

Уголовным законодательством предусмотрено привлечение к уголовной ответственности вменяемого физического лица, достигшего 16 лет ко времени совершения преступления.

Субъектами, совершившими преступные деяния в сфере нарушения миграционного законодательства, могут быть:

- иностранные граждане, лица без гражданства, граждане Российской Федерации (организуя незаконный въезд в Россию, нахождение на территории страны и т. д.);
- должностные лица (сотрудники территориальных подразделений по вопросам миграции, сотрудники подразделений пограничного контроля пограничных органов и т. д.).

Обстановка совершения преступления связана с такими категориями, как место и время.

К типичным местам совершения рассматриваемых преступлений относятся:

- находящиеся на Государственной границе Российской Федерации пункты пропуска;
- места незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации;
- места фактического пребывания, жительства, а также осуществления трудовой деятельности мигрантов;
- фиктивные места пребывания, жительства, а также осуществления трудовой деятельности мигрантов;
- места изготовления подложных или поддельных документов для мигрантов;
- иные места.

Обращая внимание на время совершения данных преступлений, необходимо отметить, что оно напрямую зависит от способа приготовления, совершения и сокрытия преступлений и не имеет точной выраженности.

К обстоятельствам, способствующим совершению преступления, следует отнести:

- уровень социально-экономического развития России;
- основания, позволяющие в упрощенном порядке осуществить въезд на территорию Российской Федерации, оформить документы, необходимые для временного или постоянного проживания;
- реализацию государственных программ, положения которых являются привлекательными для мигрантов;
- иные обстоятельства.

Таким образом, рассмотрение содержания криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства демонстрирует научный интерес к ее структурным элементам и их специфике. Криминалистическая характеристика

* Приговор Центрального районного суда г. Тулы № 1–174/2020 от 22.07.2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jC1FDLdgbfmd> (дата обращения: 02.12.2022).

преступлений имеет информационную основу, необходимую для вооружения практических сотрудников знаниями в рамках проведения эффективного и успешного расследования указанной категории преступлений.

Литература

1. Вардanian А. В., Айвазова О. В. Теоретические основы криминалистической характеристики преступлений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях системы здравоохранения // Юрист-Правоведь. 2012. № 4 (53). С. 28–31.
2. Сухарникова А. В. Методика расследования преступлений, совершаемых в сфере организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 296 с.
3. Бирюков С. Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 226 с.

УДК 343.988

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ (В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ)

Пётр Иванович Иванов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России, Москва

IvanovPI1952@yandex.ru

Аннотация

Актуальность затронутой в статье темы обусловлена прежде всего тем, что оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений, несмотря на ее объективную востребованность оперативными подразделениями полиции, не стала предметом углубленной теоретической разработки в рамках оперативно-розыскной науки. К сожалению, данный вид профилактики пока что в полной мере не признан специалистами в области указанной науки как разновидность оперативно-розыскной профилактики, что потребовало в рамках настоящей научной статьи поднять данную проблему в порядке ее постановки. На фоне интенсивного развития информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть «Интернет», сопровождаемого появлением новых вызовов и угроз, важность рассматриваемой формы профилактики все более усиливается. Результаты теоретического осмысления комплекса проблем, связанных с оперативно-розыскной виктимологической профилактикой преступлений, могли бы служить предпосылкой для разработки в последующем оперативно-розыскной методики либо частной теории оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: криминологическая профилактика, оперативно-розыскная профилактика, оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений, оперативно-розыскная наука

OPERATIONAL-INVESTIGATIVE VICTIMOLOGICAL CRIME PREVENTION AS AN INTEGRAL PART OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE PREVENTION (IN THE ORDER OF THE PROBLEM STATEMENT)

Pyotr I. Ivanov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Scientific Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

Abstract

The relevance of the topic raised in the article is primarily due to the fact that operational-investigative victimological prevention of crimes, despite its objective demand by operational police units, has not become the subject of in-depth theoretical development within the framework of operational-investigative science. Unfortunately, this type of prevention has not yet been fully recognized by experts in the field of this science as a kind of operational search prevention, which required raising this problem in the framework of this scientific article in the order of its formulation. Against the background of the intensive development of the information and telecommunications network, including the Internet, accompanied by the emergence of new challenges and threats, the importance of this form of prevention is increasing. The results of a theoretical

understanding of the complex of problems related to the operational-investigative victimological prevention of crimes could serve as a prerequisite for the development of an operational-investigative methodology or a private theory of operational-investigative activity in the future.

Keywords: criminological prevention, operational-investigative prevention, operational-investigative victimological prevention of crimes, operational-investigative science

Обеспечение безопасности собственности, жизни, здоровья, прав и свобод предпринимателей от преступных посягательств в условиях ускоренного развития различных форм предпринимательской деятельности среди множества других задач оперативных подразделений полиции приобретает для них особую значимость. Глава государства* и МВД России** обращают на это обстоятельство самое пристальное внимание.

В рамках настоящей научной статьи автор преследует цель рассмотреть оперативно-розыскную виктимологическую профилактику***, осуществляемую оперативными подразделениями полиции с использованием негласных сил, средств, методов и мероприятий в интересах защиты от нанесения противоправным путем вреда жизни, здоровью, имуществу предпринимателей. При этом нами не ставится цель рассмотрения в настоящей статье всех аспектов, связанных с виктимологической профилактикой преступлений, совершаемых в отношении предпринимателей. Представляется, что такая цель не достижима в отдельно взятой научной статье, поскольку эта тема многоаспектна, что предполагает применение наряду с другими методами и такого частнонаучного метода, как факторный анализ, позволяющий установить корреляционные связи во взаимоотношениях «преступник – жертва». К тому же нельзя не учесть то обстоятельство, что рассматриваемая проблема лежит на стыке многих наук, включая криминологию, уголовное право и уголовный процесс. Основной акцент в работе сделан на личность и поведение жертвы преступления.

Мы исходим из того, что затронутая нами проблема «пионерская», но архиважная, между тем она оказалась без должного внимания со стороны специалистов оперативно-розыскной науки. Как следствие, до сих пор нет механизма осуществления оперативно-розыскной виктимологической профилактики преступлений, содержащего алгоритм действий сотрудников оперативных подразделений полиции. В результате чего они преимущественно ориентированы «на работу «вокруг» преступления и преступника, без должного внимания к жертве преступления» [1, с. 185].

Проблемные вопросы, связанные с виктимологической профилактикой преступлений, фрагментарно в свое время затрагивались в научных трудах таких ученых в области теории оперативно-розыскной деятельности, как В. Г. Бобров, Б. Е. Богданов, Б. В. Бойцов, А. Г. Лекарь, В. Д. Ларичев, Е. В. Токарев и другие. Однако работ, специально посвященных затронутой нами проблеме, пока что почти нет, данная проблема комплексно в оперативно-розыском аспекте не исследовалась. Между тем анализ научных трудов указанных ученых свидетельствует о ее

* Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/17/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2022.html?ysclid=l846w2dg95222154416> (дата обращения: 09.09.2022).

** Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации: приказ МВД России от 14.10.2021 № 760. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** В дальнейшем наряду с использованием полного словосочетания «оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений» автором также используется термин «виктимологическая профилактика».

актуальности*. На это же указывают исследования, проведенные и специалистами других областей знаний (см., напр.: Аблязова Е. Б. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении мигрантов: автореф. дис. ... канд юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2021).

Система «профилактика – оперативно-розыскная профилактика (оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений) – виктимологическая профилактика» представляет целостное видение вопроса, познанные в ее рамках общие закономерности и тенденции развития преступности пронизывают все составные части, сохраняя при этом их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Родовым понятием среди них выступает профилактика, а остальные – видовыми, в том числе оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений. Данный вид профилактики нами рассматривается как компонент предмета оперативно-розыскной науки, и он по существу является относительно новым для нее. Суть общей проблемы, по нашему мнению, заключается в преодолении противоречий между потребностью (необходимостью) тактически грамотного применения на практике наработок криминальной виктимологии с учетом норм оперативно-розыскного законодательства, подразумевающего детальное изучение личности потерпевшего (жертвы преступления), и недостаточным организационно-методическим обеспечением деятельности оперативных подразделений полиции практико-ориентированными методическими рекомендациями по этой линии, отвечающими условиям цифровой трансформации.

Как показало выборочное изучение, основные наработки общей теории криминологии виктимологической направленности по своей форме вполне могли бы быть применены при разработке механизма осуществления оперативно-розыскной виктимологической профилактики преступлений. В этом мы видим некое сходство двух областей знания, но в содержательном плане они существенно разнятся, ибо методы и средства практической реализации такого рода механизма у оперативно-розыскной виктимологической профилактики преступлений носят преимущественно негласный характер, чего не скажешь про криминологическую профилактику.

Преимуществом оперативно-розыскной виктимологической профилактики преступлений является прежде всего то, что она подпитывается в интересах успешного решения задач, стоящих перед ней, оперативно-розыскными данными, содержащими сведения, указывающими на совокупность факторов, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений, конкретных предпринимателей с повышенной степенью виктимности (группа риска), потенциальных жертв преступлений, потерпевших от преступления (фигурирующих в уголовном деле), осложнение виктимогенной обстановки, особенности личности жертвы и ее поведения, взаимоотношения «преступник – жертва», снижение риска у отдельных предпринимателей стать жертвой преступного посягательства. Такого рода сведения не всегда удастся получить из гласных и официальных источников (в рамках существующих традиционных подходов). Сотрудники оперативных подразделений полиции, осуществляя оперативно-розыскную виктимологическую профилактику преступлений, используя при этом негласные силы, средства, методы и мероприятия, например, могут добыть любые интересующие следователя сведения о потерпевшем от преступного посягательства.

* Как нам представляется, не так много в настоящее время солидных криминологических работ, в которых рассматривались бы современные проблемные вопросы, связанные с виктимологической профилактикой преступлений, хотя, на наш взгляд, криминология по сравнению с оперативно-розыскной наукой намного опережает в их теоретической разработке. Свидетельством тому служит учебник по криминологии под редакцией профессора В. Д. Малкова, в котором целая глава посвящена основам виктимологии, в том числе и виктимологической профилактике преступлений. Общие положения данного вида профилактики оперативно-розыскная наука позаимствовала, включив их в свой предмет.

Организация оперативно-розыскной виктимологической профилактики преступлений, чтобы иметь надлежащую упорядоченность, должна основываться на совокупности принципов. Система обеспечения деятельности оперативных подразделений полиции по ее организации, в частности, предполагает неукоснительное соблюдение принципов законности, системности и комплексности осуществления в ее рамках оперативно-розыскных и иных мер, приоритета профилактических мер, сочетания целей и задач указанной деятельности путем использования преимущественно негласных сил и средств, а также взаимодействие с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями, международными организациями, гражданами и организациями в целях недопущения совершения противоправных деяний в отношении предпринимателей.

Из сказанного нетрудно заметить, что принцип взаимодействия непосредственно проистекает из значимости общесоциальной виктимологической профилактики преступлений, пронизывающей все три уровня – межгосударственный, федеральный и региональный. Как известно, на каждом уровне разрабатывается программа, предусматривающая решение соответствующих правовых, организационных, экономических, социальных и культурных задач, направленных на устранение или нейтрализацию причин и условий, способствующих криминальной виктимизации общества, а также на снижение степени виктимности граждан. Существует и другая точка зрения, которая несколько отличается от вышевысказанной. Ее сторонники при определении целей, задач и объектов виктимологической профилактики выделяют также три уровня, но они, что ценно, намного ближе к рассматриваемой теме, а именно: общесоциальный, специальный и индивидуальный [2, с. 192]. Мы согласны с данной позицией.

Рассуждая об уровнях, мы не должны упустить из поля зрения наличие между ними определенных закономерностей. В то же время следует учесть, что закономерности наличествуют и между такими устойчивыми связями и отношениями, как субъект преступления и окружающая его среда; потенциальная жертва и предполагаемый преступник; личность потерпевшего, его поведение (конфликтное, трепетное отношение к своей собственности) и субъект преступления; совокупность факторов и ближайшее окружение жертвы, оказывающее отрицательное на нее влияние; причины и условия, способствующие преступным посягательствам; объект (антиобщественное поведение, образ жизни лица, значимые личностные характеристики лица, условия неблагоприятного формирования в качестве предпринимателя) и содержание индивидуального предупреждения (позитивная коррекция личности – изменение в сторону законопослушного поведения); процессы детерминации и причинности преступности.

Проведенное нами выборочное изучение различных источников создало предпосылку для выделения основных положений, относящихся к виктимологической профилактике, к их числу мы относим:

- борьбу с преступностью в сфере предпринимательской деятельности как органической части оперативно-розыскной политики;
- рассмотрение оперативно-розыскного предупреждения как целостной системы, состоящей из общего, специального и индивидуального предупреждения;
- индивидуальное предупреждение как неотъемлемую часть системы предупреждения преступности;
- систему мер, направленных на устранение процессов детерминации и причинности преступности. Наиболее характерные причины и условия: сколачивание недобросовестными предпринимателями криминального капитала; недостаточная поддержка государством добросовестного предпринимательства; оставление без реагирования случаев, когда криминальный капитал оказывается вне конкуренции. Отсюда преобразования в экономике нередко сопровождаются убийствами или жестокой компрометацией конкурентов.

К числу причин и условий мы также относим:

– монополизацию преступной средой прибыльных сфер (отраслей) экономики. Преследование при этом преступными формированиями собственных корпоративных интересов;

– сохранение дифференциации населения по уровню материального благосостояния.

По официальным данным в России порядка 20 млн граждан находится за чертой бедности;

– либерализацию правового регулирования предпринимательской деятельности и смягчение ответственности за преступления в сфере экономики.

Основываясь на результатах проведенного выборочного исследования, мы пришли к выводу, что причины преступности изучаются чаще, чем причины виктимизации, то есть процесса превращения лица в жертву преступления.

Суммируя вышесказанное, определим понятие «оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений». Нами она понимается как деятельность оперативных подразделений полиции, осуществляемая в соответствии с Федеральными законами «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О полиции» по выявлению потенциальных жертв из числа предпринимателей, линия поведения которых благоприятствует созданию виктимогенной обстановки, от чего можно ожидать совершения в отношении их преступлений, и по оказанию на таких лиц и окружающую их социальную микросреду позитивного корректирующего воздействия.

При формулировании приведенного определения мы учли также содержание дефиниции «виктимологическая профилактика», определяемой как специфическая деятельность социальных институтов, направленная на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений; выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности с целью восстановления или активизации их защитных свойств; разработку либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты физических и юридических лиц от преступлений; повышение охранно-защитных возможностей потенциальных жертв преступлений, снижение их виктимности [3, с. 192].

Считаем, что оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений вполне может претендовать на частную оперативно-розыскную теорию, ибо она в своем составе содержит все элементы, ее образующие: цель, задачи, функции, объекты, субъекты, методы, средства, принципы, понятия, термины. Пока мы имеем, на наш взгляд, лишь стройную теоретическую концепцию.

Приоритетом для данного вида профилактики выступает обеспечение оперативно-розыскной виктимологической безопасности в рассматриваемом нами аспекте и прежде всего недопущение оперативным путем случаев преступных посягательств в отношении предпринимателей.

Еще раз подчеркнем, что в настоящее время нет достаточной разработанности в теории ОРД предупреждения преступлений виктимологического направления, тогда как теория криминологии продолжает предпринимать решительные шаги в углубленном изучении специфических взаимоотношений «преступник – жертва».

Между тем мы хотим обозначить ключевые моменты, которые подлежат учету при осуществлении виктимологической профилактики, в частности:

– то обстоятельство, что все виды преступности, совокупность виктимогенных факторов, способствующих появлению жертвы преступления, взаимоотношения «жертва – преступник», личность жертвы и ее поведение, виктимизация, виктимогенная обстановка, окружающая социальная микросреда целиком и полностью подвержены изменчивости;

– информационная среда, в которой находятся преступник, жертва из числа предпринимателей, а также сами сотрудники оперативных подразделений полиции. Они существуют

в одной среде, в которой совокупность факторов, в том числе виктимогенных, оказывает на них в разной степени влияние. Отношения и связи между жертвой и преступником в такой среде, с одной стороны, гораздо легче отслеживать, с другой – не всегда срабатывают планируемые меры из-за использования заинтересованными лицами теневого Интернета;

– основные задачи обеспечения виктимологической безопасности, в решении которых самое активное участие должны принимать оперативные подразделения полиции, используя при этом предоставленные им полномочия, чтобы не допустить виктимизацию, то есть нарастание процесса превращения лица в жертву преступления;

– обеспечение виктимологической безопасности является комплексной задачей. К сожалению, пока она остается за пределами научных интересов специалистов в области оперативно-розыскной науки;

– оперативно-розыскная профилактика виктимологической направленности становится все более востребованной и объективно обусловленной;

– схема «оперативно-розыскная характеристика и профилактика преступлений, связанных с нанесением вреда жизни, здоровью, имуществу предпринимателей», как показало проведенное нами исследование, стала наиболее оптимальной и жизнеспособной;

– пристальное изучение потерпевшего как личности, участника уголовного судопроизводства. При поиске причин виктимизации предпринимателей вопрос о личности жертвы играет немаловажную роль;

– углубленное изучение виктимологических факторов в целях получения новых знаний о них;

– классификация пострадавших от преступлений предпринимателей, их типология как лиц, в отношении которых совершаются преступления. Необходимо установить тенденции развития такого рода преступности, чтобы разработать заблаговременно меры упреждения негативного ее развития;

– то обстоятельство, что одним из основных условий повышения эффективности виктимологической профилактики выступает нормативно-правовое ее обеспечение, которое пока не в полной мере отражает реальное положение дел. Принимая во внимание нормы Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», отметим два принципиально важных, на наш взгляд, положения: 1) необходимость снижения путем устранения виктимогенных факторов риска у предпринимателей стать жертвами преступных посягательств; 2) осуществление регулярного мониторинга состояния в микросреде процесса виктимизации;

– системно-структурный анализ, предполагающий определение места и роли в единой системе виктимологической профилактики таких ее основных компонентов, как субъекты, формы, методы, средства, объекты воздействия, тенденции и закономерности, принципы организации;

– наконец, определение критериев оценки эффективности принимаемых виктимологических мер, чтобы установить недочеты, ошибки, упущения и недостатки.

Завершая рассмотрение затронутого в настоящей научной статье вопроса, можно сформулировать следующие выводы:

– во-первых, оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений – это деятельность оперативных подразделений полиции, осуществляемая в соответствии с Федеральными законами «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О полиции» по выявлению возможных (вероятных) жертв из числа предпринимателей, линия поведения которых создает виктимогенную обстановку, что можно ожидать совершения в отношении их преступлений, и оказание на таких лиц и окружающую их социальную микросреду позитивного корректирующего воздействия;

– во-вторых, данный вид профилактики есть неотъемлемая часть оперативно-розыскной профилактики, осуществляемой в соответствии с оперативно-розыскным законодательством оперативными подразделениями полиции. Проблема эта междисциплинарная (межотраслевая), поскольку она подразумевает исследование на стыке многих наук, включая криминологию, уголовное право и уголовный процесс. Данное обстоятельство непременно должно учитываться оперативно-розыскной наукой;

– в-третьих, оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений подчиняется определенному кругу закономерностей, понимаемому нами как объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между жертвой преступления и субъектом его совершения.

Литература

1. Криминология: учебник / А. Ф. Агапов [и др.]; под ред. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2011. – 542 с.
2. Там же.
3. Там же.

УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Василий Владимирович Семенчук, кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск

semenchuk_ord@mail.ru

Татьяна Станиславовна Коробейникова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного и частного права, Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Хабаровск

korobeynikova-ts@ranepa.ru

Аннотация

Оперативно-розыскная информация позволяет определить обстоятельства причинения вреда и его размер. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики исследованы возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности для обоснования исковых требований в арбитражном и гражданском процессах в целях возмещения ущерба, причиненного преступлением. Сделан вывод, что информация, полученная в результате оперативно-розыскных мероприятий, должна быть оценена судом на предмет относимости и допустимости.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, преступление, возмещение ущерба

USING THE RESULTS OF OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY FOR THE COMPENSATION OF THE DAMAGE CAUSED BY A CRIME

Vasilii V. Semenchuk, *kandidat nauk*, degree in Economic, associative professor, Deputy head of the department of operational-investigative activity of enforcement bodies, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian, Khabarovsk

Tatiana S. Korobeinikova, *kandidat nauk*, degree in Law, associative professor, Associate professor of Department of public and private law, Far Eastern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk

Abstract

Operative-investigative information allows determining the circumstances of the damage and its size. Based on the analysis of the current legislation and law enforcement practice the authors explored the possibilities of using the results of operative-investigative activity to substantiate claims in arbitration and civil proceedings in order to compensate for the damage caused by the crime. It is concluded that the results of operative-investigative activity should be assessed by the court for relevance and admissibility.

Keywords: operative-investigative activity; crime; compensation of the damage

Статья 52 Конституции РФ возлагает на государство обязанность по обеспечению компенсации ущерба, причиненного потерпевшим в результате совершения преступления. Механизмы реализации данной обязанности заложены в уголовно-процессуальном и гражданском праве.

Возможность компенсации зависит от наличия информации об имуществе, на которое может быть обращено взыскание, и оснований к этому. Подобного рода информация может

быть получена в ходе оперативно-розыскной деятельности как до возникновения уголовно-процессуальных отношений при выявлении преступлений, так и в процессе оперативного сопровождения уголовных дел.

Изначально необходимость сбора таких сведений нашла отражение в ведомственных нормативных актах* и в различных исследованиях [1, 2, 3]. По этому поводу нами также указывалось на корректировку содержания «четвертой» задачи ОРД, путем ее изложения в следующей редакции: «Установление сведений об имуществе, на которое может быть наложен арест в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством» [4]. Схожие изменения в содержание рассматриваемой задачи ОРД, хотя и в несколько другой редакции, были реализованы законодателем в 2022 г.

В рамках ОРД реализация полученной информации не предполагается, т. к. при осуществлении данной деятельности может быть осуществлено только изъятие имущества, являющегося, во-первых, временной мерой, обеспечивающей сбор и сохранение предметов, документов и материалов для их последующего вовлечения в уголовное судопроизводство; во-вторых, не все объекты могут быть изъяты, например, в рамках ОРД не может быть осуществлено изъятие, арест или иным образом ограничено распоряжение денежными средствами, находящимися в безналичном обороте. В связи с этим необходимо рассмотреть возможности использования такой информации в других сферах.

I. Использование результатов ОРД для возмещения ущерба в рамках уголовного судопроизводства

В случае возбуждения уголовного дела результаты ОРД могут быть использованы в процессе доказывания, в частности, для установления характера и размера вреда, причиненного преступлением, а также для обоснования процессуальных решений о принятии обеспечительных мер для последующего возмещения вреда.

Например, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в порядке ст. 115 УПК РФ возможно наложение ареста на имущество по решению суда. В обосновании ходатайства о наложении ареста следователь может в числе прочих сведений использовать результаты ОРД, свидетельствующие о преступном характере происхождения имущества либо об установлении фактической принадлежности подозреваемому (обвиняемому) имущества, находящегося в собственности третьих лиц. Кроме того, оперативно-розыскная информация может выступать обоснованием признания потерпевшего гражданским истцом.

Об информационной значимости результатов ОРД свидетельствуют итоги проведенного в 2021 г. анкетирования сотрудников следственных органов и судей**. Респондентам было предложено отметить процессуальные решения, для информационного обоснования которых могут быть использованы результаты ОРД. Наложение ареста на имущество отметили: 44,7 % опрошенных сотрудников следственных органов СК России; 33,4 % опрошенных сотрудников следственных органов МВД России; 53,2 % опрошенных судей краевых, областных судов, суда автономной области; 44,4 % опрошенных судей районных и городских судов.

* Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями: приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 08.06.2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Проведено анкетирование 244 сотрудников следственных органов СК России (следственные органы по Республике Ингушетия, Алтайскому, Камчатскому, Приморскому и Хабаровскому краям, Еврейской автономной области, Амурской, Магаданской и Сахалинской областям); 467 сотрудников следственных органов МВД России (следственные органы Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, территориальных ОВД Республик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской, Новосибирской и Оренбургской областей); 77 судей судов уровня субъекта РФ (Алтайский, Приморский и Хабаровский краевые суды, Амурский и Сахалинский областной суды, суд Еврейской автономной области); 45 судей районных и городских судов (Железнодорожный, Ленинский и Октябрьский районные суды г. Барнаула, Фрунзенский районный суд г. Владивостока, Индустриальный и Центральный районные суды г. Хабаровска, Южно-Сахалинский городской суд).

Данное процессуальное решение по значимости результатов ОРД для обоснования заняло 2–3 место (в зависимости от категории опрашиваемых), уступая только решениям о задержании и заключении под стражу.

В случае признания потерпевшего гражданским истцом в порядке ст. 44 УПК РФ, он имеет право предъявить гражданский иск после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции. Исследователями отмечается, что гражданский иск должен быть рассмотрен в уголовном процессе по правилам, регулирующим уголовное судопроизводство [5]. Таким образом, в случае рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства, не вызывает сомнений возможность использования результатов ОРД, нашедших подтверждение.

II. Использование результатов ОРД для возмещения ущерба в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства

Исковые требования о возмещении вреда, причиненного преступлением, могут быть заявлены вне уголовного судопроизводства, что накладывает отпечаток на возможность использования результатов ОРД для их обоснования.

Особенности использования результатов ОРД необходимо рассматривать в контексте обстоятельств реализации права на возмещение вреда:

1. После вынесения обвинительного (оправдательного) приговора или прекращения уголовного дела

Исходя из позиции Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ), гражданский иск может быть подан по усмотрению потерпевшего в рамках производства по уголовному делу либо в порядке гражданского судопроизводства с учетом установленной законом подведомственности дел в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд*. Данное право может быть реализовано и после вынесения обвинительного приговора.

Согласно ст. 306 УПК РФ, при постановлении оправдательного приговора, вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, суд должен отказать в удовлетворении гражданского иска. В то же время в решениях КС РФ неоднократно указывалось, что прекращение уголовного преследования не является основанием для ограничения прав потерпевших.

По данному поводу КС РФ была представлена следующая позиция: отказ государства при наличии соответствующих оснований и условий от осуществления уголовного преследования не освобождает его от выполнения обязанностей, закрепленных в Конституции РФ, в частности, от необходимости гарантировать защиту прав и свобод других лиц, в том числе обеспечить потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба**. Данная позиция была изложена на примере прекращения уголовного преследования в связи с амнистией. Схожий подход применялся и в случае с прекращением уголовного преследования в силу истечения сроков давности***.

Использование подобного механизма возмещения вреда возможно и тогда, когда уголовное преследование прекращено по реабилитирующим обстоятельствам. Так, признается

* По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева: постановление КС РФ от 07.04.2015 № 7-П // Собр. законодательства РФ. 2015. № 16. Ст. 2460.

** По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец: постановление КС РФ от 24.04.2003 № 7-П // Собр. законодательства РФ. 2003. № 18. Ст. 1748.

*** По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова: постановление КС РФ от 02.03.2017 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

возможность обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства, например, в случаях вынесения оправдательного приговора за отсутствием в деянии подсудимого состава преступления [6]. В качестве примера приведем ситуацию, когда установлено отсутствие состава преступления, но материалы уголовного дела, в том числе результаты ОРД, указывают на нарушение иных норм, позволяющих сделать вывод о неправомерном владении имуществом (например, в связи с неосновательным обогащением (ст. 1102 ГК РФ)).

В целом в рассматриваемых ситуациях доказывание обоснованности исковых требований будет осуществляться самим потерпевшим [7]. С этой целью потерпевший может воспользоваться правами, предусмотренными п. 12–13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ в части ознакомления и получения копий из материалов уголовного дела по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, а также получения копий процессуальных решений, связанных с движением уголовного дела.

Если потерпевшим не были получены копии материалов уголовного дела либо существует необходимость получения дополнительных сведений, то в рамках производства по гражданскому иску им могут быть заявлены ходатайства об истребовании документов.

Так, КС РФ в качестве обязанности государства признавала необходимость обеспечения потерпевшему возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами*.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» со ссылкой на ст. 15 и 86 УПК РФ указывалось, что судам при наличии к тому оснований следует принимать меры для оказания помощи потерпевшему в собирании доказательств (получении документов, истребовании справок и т. д.). Ввиду того, что сбор доказательств может быть нацелен и на установление характера и размера вреда, причиненного преступлением, считаем, что судам следует предпринимать такие действия и при рассмотрении исков потерпевших в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

2. В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела

Примером этого может служить ситуация, когда, несмотря на установленную виновность деяния, отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления был связан с тем, что размер ущерба оказался меньше предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ**.

Данные, отраженные в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, а также содержащиеся в материале проверки сообщения о преступлении, могут использоваться для установления обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о возмещении ущерба*** (вовлечение оперативно-розыскной информации подобным образом имело место в делах о банкротстве****).

В такой ситуации результаты ОРД обладают большим информационным значением для защиты прав потерпевших, нежели чем при наличии возбужденного уголовного дела, т. к. возможности проведения следственных действий на стадии процессуальной проверки ограничены. С учетом изложенного, информация, представляющая интерес для возмещения вреда потерпевшему, будет иметь преимущественно оперативно-розыскное происхождение.

* По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева: постановление КС РФ от 07.04.2015 № 7-П

** Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 19.06.2019 по делу № 44г-385. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Апелляционные определения Свердловского областного суда от 30.09.2016 по делу № 33–16274/2016 и от 06.10.2016 по делу № 33–17013/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2020 по делу № А51–27110/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Возникает вопрос: каким образом потерпевший может получить данную информацию?

В рассматриваемой ситуации гражданский истец, как правило, не является обладателем оперативно-розыскной информации. В качестве исключения можно привести пример с возмещением вреда бюджетной системе в случае отказа в возбуждении уголовного дела по налоговым преступлениям.

Так, ввиду длительности проведения выездных налоговых проверок к моменту вступления в силу решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения сроки давности привлечения к уголовной ответственности могут истечь. В случае, если установлено, что неуплата налогов организацией произошла по вине ее должностных лиц, они могут быть привлечены к субсидиарной ответственности после установления невозможности взыскания задолженности с организации*. О наличии вины должностных лиц организации могут свидетельствовать сведения, содержащиеся в результатах ОРД, в частности, полученных в ходе проведения совместной налоговой проверки и предоставленных в налоговые органы.

Согласно Постановлению КС РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П, при определении ответственности физического лица суд вправе учитывать его имущественное положение, факт обогащения в результате совершения налогового преступления, степень вины, назначенное ему уголовное наказание, а также иные существенные обстоятельства**.

М. М. Савченко по данному поводу отмечала, что при совершении преступления группой лиц необходимо учитывать роль, а также степень материального обогащения каждого из соучастников [8]. В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела роль оперативно-розыскной информации для установления подобных обстоятельств не вызывает сомнений.

В других же случаях для обоснования своих требований истцу необходимо получить сведения, содержащиеся в материале проверки сообщения о преступлении. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает необходимость направления заявителю копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 148 УПК РФ), при этом не указывая на право заявителя знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении. Ранее подобная проблема отмечалась Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации [9].

В то же время необходимо учесть, что, исходя из толкования КС РФ ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, любая информация, за исключением сведений, содержащих государственную тайну, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, связанных со служебной, коммерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью, должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы затрагивают его права и свободы, а законодатель не предусматривает специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты. По мнению КС РФ, положения УПК РФ таких ограничений не содержат***. Исходя из этого, хотя право заявителя знакомиться с материалом проверки

* По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева: постановление КС РФ от 08.12.2017 № 39-П; апелляционное определение Свердловского областного суда от 10.05.2018 по делу № 33-6660/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева: постановление КС РФ от 08.12.2017 № 39-П.

*** По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е. Ю. Горovenko: определение КС РФ от 29.09.2011 № 1251-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сообщения о преступлении законом и не предусмотрено, в данном случае действует принцип «разрешено то, что не запрещено» и указанное лицо может ходатайствовать об ознакомлении с соответствующей информацией.

В случае, если заявителю было отказано в ознакомлении, он может:

- предпринять действия по обжалованию такого отказа. Как свидетельствует судебная практика, суды, признавая отказ незаконным, ссылаются на вышеприведенное решение КС РФ*;
- в рамках рассмотрения гражданского иска ходатайствовать об истребовании сведений из материала проверки сообщения о преступлении.

Между тем считаем, что не все из подобных жалоб и ходатайств подлежат безусловному удовлетворению. Ограничения на ознакомление с материалами могут обосновываться наличием информации ограниченного распространения, характером совершенного деяния, которое может в принципе не содержать признаков состава преступления.

Невозможность самостоятельного представления доказательств (ст. 57 ГПК РФ) нельзя рассматривать как единственное условие удовлетворения подобных ходатайств. Автоматическое удовлетворение любого из них, даже с учетом того, что запрашиваемая информация действительно существует, способствовало бы тому, что правоохранительные органы могли стать инструментом для решения изначально гражданских споров. Так, одна из сторон могла бы направить заявление о совершении мошеннических действий другой стороной в случае причинения ущерба в исключительно гражданско-правовой плоскости. При этом единственной целью подачи заявления было бы вовлечение правоохранительного органа в сбор материалов с целью их последующего истребования для использования при рассмотрении гражданских дел.

Нельзя забывать, что ОРД изначально носит публично-правовой характер и осуществляется только для противодействия наиболее общественно опасным явлениям (преступности и угрозам безопасности государства). В ходе реализации основного направления может появляться информация, представляющая интерес и для восстановления гражданских прав, а также обеспечения реализации иных публично-правовых полномочий. В то же время, если поводом к осуществлению ОРД является заявление, не содержащее признаков состава преступления либо содержащее ложную информацию, то в отношении заявителя, явно злоупотребивших своим правом, возможно рассмотрение вопроса об инициировании уголовного преследования по ст. 306 УК РФ. Вместе с этим данному лицу необходимо отказать и в доступе к информации, полученной в результате обработки его заявления.

В целом, в рассматриваемых ситуациях отсутствует прямое использование результатов ОРД, т. к. они уже были предоставлены для уголовного судопроизводства. Возможность использования оперативно-розыскной информации напрямую из ее источника, т. е. без ее преломления через уголовное судопроизводство либо иные предусмотренные оперативно-розыскным законодательством процедуры (например, при направлении результатов ОРД в налоговые органы), вызывает сомнения, поскольку существует необходимость соблюдения критерия оперативно-розыскной допустимости.

Результаты любой деятельности предназначены для достижения ее цели и задач. В ином случае будет иметь место неэффективное расходование сил и средств субъекта деятельности либо же ее бессистемный характер. ОРД, являясь видом правоохранительной деятельности, подчиняется требованиям закона, имеет целевые ориентиры (ст. 1 и 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») и направления использования результатов (ст. 11 ФЗ об ОРД). В свою очередь, в ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД для органов, осуществляющих ОРД, и их должностных лиц устанавливается запрет на разглашение сведений, затрагивающих

* Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18.05.2016 по делу № 33а-9145/2016 // URL.: https://vs-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21732863&delo_id=5&new=5&text_number=1; апелляционное постановление Московского городского суда от 03.09.2019 по делу № 10-11418/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, ставшие известными в процессе проведения ОРМ, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Учитывая взаимосвязь приведенных положений ФЗ об ОРД можно сделать вывод, что использование результатов ОРД возможно по направлениям и в порядке, предусмотренных в законе, т. е. в данном случае действует принцип «разрешено только то, что прямо предусмотрено в законе». Соответственно, для создания новых направлений использования результатов ОРД требуется внесение изменений в закон.

Сложно представить процедуру направления оперативно-розыскной информации физическим лицам и организациям, если уголовно-процессуальные отношения не были инициированы либо если они не являлись ее получателем в силу закона в иных случаях. Даже если передача таких сведений не будет представлять угрозу интересам ОРД, то субъекты, ее осуществляющие, могут быть втянуты в различные судебные разбирательства. Так, представление сведений одному участнику отношений может повлечь поступление запросов от противоположной стороны. В конечном итоге субъекты ОРД могут обрести статус такого «бюро находок», которое в связи с лишней перепиской будет отвлекаться от исполнения своих основных обязанностей. Даже получив каким-то образом соответствующие материалы, заинтересованные лица могут столкнуться с проблемой их использования ввиду того, что они не «вышли» из системы ОРД согласно правилам, предусмотренным ст. 11 ФЗ об ОРД. Примеры негативной оценки результатов ОРД в связи с указанными обстоятельствами имеют место в судебной практике*.

Рассмотрев вопрос о получении результатов ОРД, также необходимо коснуться их использования в доказывании.

В уголовном судопроизводстве применяется многократно повторенная позиция КС РФ о том, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые получены с соблюдением требований ФЗ об ОРД и могут стать доказательствами только после их закрепления в уголовно-процессуальном порядке**.

В свою очередь, в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» как одно из условий использования результатов ОРМ в качестве доказательств по уголовному делу приведена необходимость их закрепления путем производства соответствующих следственных или судебных действий.

В арбитражном и гражданском судопроизводстве подобного рода запретительные концепции отсутствуют. Рассмотрим возможности использования результатов ОРД на примере арбитражного судопроизводства. Подобный порядок, в частности, может быть использован при подаче иска организацией в отношении своего руководства в случае причинения ущерба организации его преступными действиями***, а также при взыскании ущерба бюджетной системе, причиненного в результате нарушения законодательства о налогах и сборах при отказе в возбуждении уголовного дела или его прекращении.

* Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2018 № 06АП-6690/2017 по делу № А73-10801/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калачева Николая Яковлевича на нарушение его конституционных прав статьей 7 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»: определение КС РФ от 04.02.1999 № 14-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.06.2014 № 3159/14 по делу № А05-15514/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Согласно Определению КС РФ*, доказательства, полученные в уголовно-процессуальном порядке, могут быть использованы в арбитражном процессе для установления наличия или отсутствия обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле. При этом суду необходимо осуществить их оценку на предмет относимости и допустимости.

При наличии возбужденного уголовного дела в процесс доказывания могут быть вовлечены не только результаты ОРД, но и результаты следственных или судебных действий, проведенных с целью их проверки (протокол допроса свидетеля, протокол осмотра предметов (документов), заключение эксперта и пр.). Такая возможность облегчает возможность использования результатов ОРД, а за счет их дополнительного экспертного исследования позволяет извлечь из них дополнительные сведения.

В случае, когда уголовное дело не возбуждалось, результаты ОРД имеют самостоятельное информационное значение.

Согласно Постановлению Пленума ВАС РФ**, при рассмотрении налоговых дел в числе доказательств могут быть использованы материалы, полученные в результате осуществления ОРМ, если таковые были проведены и оформлены согласно требованиям ФЗ об ОРД. Считаем, что схожего подхода необходимо придерживаться и при использовании результатов ОРД в рамках рассмотрения исков о возмещении вреда. При этом, как и в случае с использованием в доказывании материалов уголовного дела, результаты ОРД должны быть оценены судом на предмет их относимости и допустимости. С этой целью помимо непосредственного изучения могут быть проведены судебные действия, например, допрос свидетелей, чье объяснение было получено в рамках ОРД.

В связи с близостью регулируемых отношений подобные выводы можно принять во внимание и при использовании результатов ОРД в гражданском судопроизводстве.

В заключение отметим, что оперативно-розыскная информация может иметь значение для обеспечения процедуры доказывания обоснованности возмещения ущерба по гражданским делам. Связано это с тем, что она может содержать сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию в делах о возмещении ущерба, а также свидетельствовать о незаконности действий (бездействии), о вине, о наличии и размере причиненного ущерба. Когда подобная информация вовлекается в уголовное судопроизводство, ее использование при рассмотрении гражданских дел облегчается, т. к. нивелируется вопрос оперативно-розыскной допустимости, а информация, являющаяся доказательством, представляет лишь часть материалов уголовного дела.

Литература

1. Иванов Д. А. Актуальные вопросы взаимодействия следователя, дознавателя с органами дознания в целях повышения эффективности деятельности по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 115–119.
2. Иванов П. И., Кустов А. М. Оперативно-розыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 135–140.
3. Кубанов О. С. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного расследования и подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции при противодействии преступлениям в сфере агропромышленного комплекса // Юрист-Правовец. 2019. № 2 (89). С. 193–198.

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Амрита» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений статей 39, 146, 167 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение КС РФ от 01.03.2011 № 273-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 (п. 45). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Семенчук В. В. Проблемные вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности для принятия решений о наложении ареста на имущество // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности: мат-лы всерос. науч.-практ. семинара, Красноярск, 9 апреля 2021 г. Красноярск: Сибирский юрид. ин- МВД РФ, 2021. С. 84–87.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1: постатейный науч.-практ. комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Там же.
7. Соловьев П. А. Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 4. С. 40–42.
8. Савченко М. М. Вопросы взыскания с физических лиц ущерба, причиненного государству в результате уклонения от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией (ст. 199 УК РФ) // Налоги. 2020. № 1. С. 46–48.
9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Российская газета. 2017. 17 мая.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного списка литературы. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>).

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.